

К 100-летию образования
Албанского государства

НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛБАНИИ
В ОБЩЕБАЛКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛБАНИИ В ОБЩЕБАЛКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

К 100-летию образования
Албанского государства

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛБАНИИ В ОБЩЕБАЛКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

К 100-летию образования Албанского государства

ИСЛ РАН

Москва

2014

УДК 341.218
ББК 63.3(4Алб)
Н44

Редколлегия:
Г.Л. Арш,
доктор исторических наук,
С.И. Данченко,
доктор исторических наук,
П.А. Искендеров (отв. ред.),
кандидат исторических наук,
Н.Г. Струнина-Бородина

Рецензенты:
И.В. Чуркина,
доктор исторических наук,
В.В. Поликарпов,
кандидат исторических наук

Независимость Албании в общепалканском контексте: к 100-летию образования Албанского государства / Отв. редактор П.А. Искендеров. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 332 с., 9 отд. л. цв. ил.

ISBN 978-5-7576-0311-7

Данный труд, не имеющий аналогов в российской и зарубежной историографии, создан на основе материалов Международной научной конференции, прошедшей 4 декабря 2012 г. в Институте славяноведения РАН и посвященной 100-летию образования Албанского государства (28 ноября 1912 г.).

Представляя многоплановую картину международной обстановки, авторы статей попытались максимально «вписать» историю Албании в общепалканский контекст, раскрыть все многообразие полотна национальной истории Албании с древнейших времен до настоящего времени, используя зачастую совершенно новые, уникальные материалы из российских и зарубежных архивов.

УДК 341.218
ББК 63.3(4Алб)

ISBN 978-5-7576-0311-7

© Исл РАН, 2014
© Авторы, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Представленные в настоящем сборнике статьи прошли апробацию в рамках Международной научной конференции «Независимость Албании в общепалканском контексте», прошедшей 4 декабря 2012 г. в Институте славяноведения РАН и посвященной 100-летию образования Албанского государства (28 ноября 1912 г.). В ее работе приняли участие историки, филологи, культурологи из России и Албании. На конференции присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Албания в Российской Федерации господин Соколь Гьока. Данное мероприятие стало первым научным форумом подобного рода, на котором были всесторонне обсуждены самые различные вопросы албанской истории и культуры, а также показано их изучение в историографии.

Главной идеей сборника, не имеющего аналогов ни в российской, ни в зарубежной историографии, стала попытка авторов представить на его страницах все многообразие полотна национальной истории Албании с древнейших времен до настоящего времени. С этим связана и присущая ему многожанровость. В публикуемых статьях анализируются как конкретные события и процессы истории Албании рассматриваемого периода, так и более общие вопросы, связанные, в частности, с историографическими сюжетами, международной ситуацией, характеристикой известных исторических деятелей, новыми, в том числе архивными, документами, проливающими свет на ключевые моменты национальной албанской истории.

Авторский коллектив изначально поставил перед собой цель попытаться максимально «вписать» историю Албании в общепалканский контекст. Подобный подход не только отвечает конкретно-историческим реалиям, в которых развивалось албанское национально-освободительное движение, но и позволяет по-новому рассмотреть и переосмыслить многие клише и стереотипы, сложившиеся относительно Албании в

историографии. Борьба албанцев за свое национальное освобождение, строительство собственного государства, взаимоотношения с соседями развивались не в изоляции, а в тесной взаимосвязи с аналогичными процессами, протекавшими у других балканских народов. Это, к слову, во многом и определило историческую остроту и запутанность балканских проблем, действующими лицами которых и столетия назад, и сегодня остаются албанцы. Неудивительно, что такие острые и деликатные вопросы, как история Косово, так наз. «великоалбанская идея», албано-сербские, албано-черногорские и албано-греческие отношения и, конечно же, сложная и противоречивая история взаимоотношений Албании с Россией также получили всесторонний анализ в публикуемых статьях.

Редколлегия сборника выражает особую благодарность Посольству Республики Албания в России и лично ее Чрезвычайному и Полномочному Послу господину Соколю Ђока за содействие в проведении конференции.

Редколлегия

• ИСТОРИОГРАФИЯ •

Людмила Павловна ЛАПТЕВА

В.В. МАКУШЕВ – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ АЛБАНИИ

Викентий Васильевич Макушев (1837–1883) принадлежит к числу крупных русских славистов XIX века. Он занимался историей славян и славянской филологией в целом, но прежде всего был исследователем южных славян и истории Албании. Его творчество было хорошо известно современникам. Изданные им источники использовались как в дореволюционной, так и в советской литературе, имеется много ссылок и цитат из его сочинений, особенно по истории южных славян. Общая характеристика творчества ученого представлена в сочинении «История славяноведения в России в XIX веке», где рассматриваются все стороны научной деятельности В.В. Макушева и указывается имеющаяся литература о нем¹. Но и в упомянутой книге не исчерпывается весь материал, имеющийся в архивах и содержащийся в его трудах, который может полностью раскрыть значение ученого для славяноведения вообще и русского, в частности.

В.В. Макушев родился 10 ноября 1837 г. в Бресте (тогда Брест-Литовск) Гродненской губернии. Его отец – военный инженер, строивший Брестскую крепость, женился на вдове – польке, католичке из шляхетского рода (в русской среде ее звали Еленой Федоровной). По желанию матери сын был наречен Викентием. С окончанием строительства Брестской крепости отец Макушева вышел в отставку, а вернувшись с семьей в Петербург, вскоре умер. Через некоторое время не стало и матери². Викентий Макушев учился в гимназии, которую окончил в 1856 г., и до 1860 г. прошел курс в Петербургском университете под руководством И.И. Срезневского. Выполняя задание учителя, Макушев в 1860 г. написал сочинение

«Сказания иностранцев VI—X вв. о быте и нравах славян», которое было опубликовано в 1861 г. По окончании университета В.В. Макушев провел около года в Германии и Франции в качестве домашнего учителя в семье князя М.В. Кочубея. По возвращении из-за границы Макушев, следуя совету выдающегося русского слависта А.Ф. Гильфердинга, поступил на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел и в период с 16 мая 1861 г. по 2 января 1862 г. служил в Азиатском департаменте, а затем — до 1 января 1866 г. — секретарем русского консульства в Дубровнике. Пребывание в этом городе имело важное значение для становления будущего слависта. Владея польским языком с детства, он изучил в гимназии латинский, французский и немецкий, начал читать по-английски и по-итальянски, в Дубровнике основательно овладел итальянским и сербским, учился венгерскому и испанскому. Здесь же Макушев имел возможность познакомиться с положением дел в Далмации, Черногории и соседних турецких областях — Герцеговине, Боснии и Албании. Дубровницкие библиотеки, монастырские и частные, доставили Макушеву возможность собрать весьма значительное количество рукописных материалов, преимущественно по истории внешних сношений Дубровника. В архиве консульства также нашлись любопытные документы, касающиеся контактов России с Дубровницкой республикой. На основании этих материалов Макушевым был написан исторический очерк сношений России с Дубровником в 1716—1806 гг. — он был напечатан в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1865, кн. 3). В «Приложении» были изданы материалы, бывшие прежде не известными, и два плана: Дубровника в XI в. и военных действий русских в области Дубровницкой республики в 1806 г.³ Возвратившись в Петербург, В.В. Макушев полностью переключился на научную деятельность и 8 октября 1867 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника»⁴. Книга была положительно встречена в научных кругах и удостоена награды графа Уварова, присуждавшейся Российской Академией наук⁵. После защиты диссертации Ма-

кушев в феврале 1868 г. отправился в заграничную командировку с ученой целью, которая продолжалась до 1871 г. Это был уже опытный исследователь, опубликовавший ряд книг и статей по истории и филологии южных славян, получивших высокую оценку в русской литературе. Макушев ехал за границу в целях открытия новых источников по истории славян. В инструкции, которая давалась всем выезжавшим за границу с ученой целью, Макушеву, наряду со многими другими задачами, рекомендовалось, в частности, посетить Албанию. «Нельзя не заметить, — говорилось в документе, — что ни один из славистов, сколько известно, не занимался на месте исследованием албанского языка, важного по старому славянскому элементу, в него вошедшему, а отчасти по влиянию на соседние славянские наречия. Желательно было бы, чтобы г. Макушев с лингвистико-этнографической целью мог посетить и Албанию»⁶.

Путешествие В.В. Макушева началось по маршруту, необычному для русских славистов, которые, как правило, приступали к работе в Вене или Праге. Макушев начал свою командировку с Кенигсберга, куда приехал исключительно для того, чтобы получить от проф. Карла Гопфа сведения «о близко знакомых ему архивах и библиотеках Италии»⁷. Карл Гопф (1832—1873) — крупный немецкий историк, автор работ по истории Византии и Греции, большой знаток архивных богатств Италии и др. стран и обладатель ценных документов, накопленных в результате многолетних архивных исследований в балканских странах. К. Гопф являлся профессором Кенигсбергского университета, но в России его имя было мало известно. В отчете о заграничном путешествии в 1868 г. В.В. Макушев подробно описывает обстоятельства его работы в Кенигсберге: «Отправляясь в Кенигсберг, — сообщает русский ученый, — я имел в виду только забрать сведения от проф. Гопфа о близко знакомых ему архивах и библиотеках Италии, а потому предполагал оставаться в нем не более двух-трех дней. Я встретил со стороны Гопфа самый радушный прием и полную готовность помочь мне советами и указаниями относительно предстоящих мне занятий в Италии, в которой он пробыл долгое время ... Он не только составил мне указатель наиболее значительных архивов

и библиотек Венеции, Милана, Турции, Генуи и Южной Италии, с обозначением кое-где и рукописей особенно важных, но даже написал более 20 рекомендательных писем к итальянским ученым, архивариусам и библиотекарям...»⁸. Рекомендации К. Гопфа оказались Макушеву очень полезны. Они облегчили русскому ученому доступ в архивы, и он работал в них, неоднократно вспоминая указания К. Гопфа на документы, которые находил (или не находил). Так, русский исследователь обратил внимание на то, что в Неаполитанском архиве «документы по албанской истории, отмеченные г. Гопфом в «Истории Византии», уже не существуют на лл. 286–293 тома 32 Анжуйских регистров. Они вырезаны перочинным ножом»⁹. Таким образом, немецкий ученый, напечатав документы в своем труде, сохранил их от исчезновения.

В Кенигсберге Макушев получил возможность познакомиться с трудами как самого Гопфа, так и другими, которые были ему ранее не известны. Немецкий профессор предоставил в распоряжение русского коллеги свою библиотеку, в которой, как пишет Макушев в отчете, «кроме редких книг я нашел рукописи, более или менее важные для славянской истории»¹⁰. Среди них очень важным для албанской истории Макушев считал список с подлинника рукописи: *Jovanni Muesaechi. Despota dell Epire. Breve memoria de mostra casa Muesacchio, 1510*. На основании этой рукописи Макушев составил генеалогические таблицы рода Музакки. Русский ученый нашел у К. Гопфа и интересные для слависта редкие книги.

Изложенный материал показывает, что пребывание Макушева в Кенигсберге было чрезвычайно полезным для его дальнейшей работы. Заслуги немецкого профессора несколько не умаляются тем фактом, что впоследствии русский исследователь внес существенные коррективы в толкование К. Гопфом ряда источников, указал на некоторые ошибки и неточности старшего коллеги. Такой процесс углубления знаний о том или ином предмете представляется естественным.

В.В. Макушев оказался лучше, чем его предшественники, подготовленным в филологическом отношении. Например, при работе в Неаполитанском архиве он не встречал затрудне-

ний при чтении специфических в палеографическом отношении Анжуйских регистров и указывал на ошибки предшественников. На основании самостоятельного изучения источников Макушев указал на имеющиеся, с его точки зрения, недостатки в изложении К. Гопфом исторических событий. «Проф. Гопф в своей «Истории Византии», — пишет В.Макушев, — справедливо заметил, что «Анжуйские регистры» составляют главный источник для истории Албании со второй половины XIII в. до первой половины XV в. По ним он написал краткий очерк истории государства Анжуйского дома в Албании. Но собрав и сгруппировав факты внешние, К. Гопф не обратил внимания на внутренние: он ни слова не говорит о системе управления Албании, ни о раздирающих ее партиях, ни о мерах, которыми анжуйцы старались обеспечить свое господство в Албании. Он не представил удовлетворительного обзора мер, принимавшихся анжуйцами к защите Албании, и упустил из виду сношения с сербами и болгарами, клонившиеся, как следует предположить, к отвлечению сил от Мореи и Албании»¹¹. Несмотря на эти критические замечания, Макушев признает заслуги К. Гопфа, который «первым указал на важность для истории Албании памятников итальянских архивов»¹². О высокой оценке В.В. Макушевым творчества немецкого ученого и его глубоком уважении к личности К. Гопфа свидетельствует и факт публикации специальной статьи о кенигсбергском профессоре, которую его русский коллега опубликовал в «Вестнике Европы» в 1868 г.¹³ Это была первая в России работа, познакомившая читающую публику с деятелем науки, имя которого мало знали до этого даже специалисты.

Из Кенигсберга Макушев отправился в Загреб, где получил возможность работать в библиотеке бывшего великого жупана загребского, известного хорватского ученого И. Кукулевича-Сакцинского. Здесь русский ученый исследовал две рукописи: 1. *Storia dell'Albania* конца XVIII в. с подробным описанием событий 1772—1793 гг. и 2. Военно-топографическое описание Албании и копию донесения Антонио Византи (XV — начало XVI вв.) об опустошении Албании войной и голоде в стране¹⁴.

В Италии, где Макушев пробыл более трех лет, он собирал документы по истории Албании. Наибольшая удача ожидала русского ученого в Неаполитанском архиве, где хранилось 378 томов документов канцелярии Анжуйского дома за период 1265–1432 гг. Материалы об Албании были известны К. Гопфу, но Макушев по существу первым разыскал в Анжуйских регистрах все, что касалось истории Албании. За 6 месяцев работы в архиве он обнаружил около 800 и списал полностью 520 документов, из которых к истории Албании относились 210. Столь крупный успех стал возможным не только благодаря исключительному трудолюбию ученого, но и ввиду его широчайшей филологической эрудиции. Если для других ученых Анжуйские регистры были малодоступны из-за их палеографической специфики, то Макушев читал их без затруднений. Исследованные им памятники по албанской истории относятся к периоду 1272–1379 гг. и содержат сведения «о господстве анжуйцев в Албании и войнах с Михаилом VIII Палеологом, о неоднократных восстаниях албанцев, об албанских партиях, о мерах, принимавшихся анжуйцами для удержания за собой Албании, о внутреннем управлении Албании в ту эпоху»¹⁵. Кроме регистров Макушев просмотрел королевские указы, отчеты и т.д. эпохи анжуйцев. Изучал Макушев не только государственные, но и частные собрания и коллекции рукописей. Так, он сделал копию с подлинника упоминавшейся выше Хроники Музакки. Этот памятник Макушев считал чрезвычайно важным источником по истории Албании в средние века. «Кроме подробных сведений о роде Музакки, – пишет он, – об отношениях его к другим албанским родам, о родственных связях его с соседними сербскими и болгарскими владетелями, она (Хроника. – Л.Л.) включает подробное топографическое описание Албании в XV веке, по которому можно судить как силен в ней был славянский элемент, и сообщает обстоятельное разграничение владений различных владетельных родов, о коем недоумевали Фальмерайер и Ган (т.е. немецкие историки. – Л.Л.)»¹⁶.

Итальянский ученый Дель Джудиче указал русскому исследователю на весьма важный памятник по албанской исто-

рии конца XIV в., написанный на пергаменте на французском и латинском языках и представлявший собой контракт между герцогом Наваррским и графом де Куси об экспедиции в Албанию в 1372 г. Документ давал возможность осветить событие, ранее историкам не известное.

В общинном архиве г. Анконы Макушев из государственных актов XIV–XV вв. этого города списал около сотни памятников по истории славян, албанцев, греков, мадьяр и турок. Особое внимание ученого здесь привлекли материалы о судебных процессах славян и албанцев, живших в Марке Анконской¹⁷.

Как бы подводя предварительный итог накоплению материала по истории Албании, Макушев писал И.И. Срезневскому: «В течение последнего месяца я переписал вполне или в отрывках более 500 памятников по истории Албании XIV и XV веков, дошел до 1474 г. ... остается последняя четверть XV века и некоторые годы XVI и XVII веков, ознаменованные попытками к свержению турецкого ига в Албании и славянских областях Турции». А в 1871 г. В.В.Макушев констатировал: «Во время трехлетних разысканий в богатых, но мало известных архивах Италии я собрал около 3 тыс. памятников XIII – XVIII вв. по албанской истории ... между ними особенно важны «уговоры» албанских общин с анжуйцами и венецианской сенььорией, переписка Скандербега и его сподвижников – Большичей и Черноевичей – с Неаполем, Венецией, Миланом, Римом, донесения миланских послов в Венеции, Неаполе и Риме и венецианских властей в Албании XIV–XV вв. и несколько описаний Албании с начала XV по конец XVII вв.»¹⁸. Все эти источники были совершенно новыми, не только не введенными в научный оборот, но в подавляющем большинстве вообще не известными. Они давали основу для создания научной истории средневековой Албании и внесения существенных поправок в сочинения предшественников русского ученого.

В.В. Макушев, разумеется, был хорошо осведомлен об историографии истории средневековой Албании. Ряд книг итальянских и немецких албанистов он оценивает в рецензиях на них. В этих сочинениях он находит много ошибочных

утверждений, так как сравнительно узкая источниковая база не позволяла объяснить многие эпизоды албанской истории. Целые эпохи освещались предположительно. Таким образом, русскому ученому, исследовавшему эту базу, предстояло проделать на новом уровне изучение истории Албании, начатое немецкими исследователями И.Г. Ганом, Я.Ф. Фальмерайером и К. Гопфом. Результаты своих исследований в архивах Италии Макушев указал в отчете. «О Скандербеге собрано много, до 2-х тысяч памятников, — пишет он. — Всего я собрал около 20 тысяч памятников, начиная с XII века — на латинском, итальянском, французском и испанском языках»¹⁹. Но из 20 тысяч документов, обнаруженных и переписанных Макушевым, он успел опубликовать лишь сравнительно небольшую часть.

Командировка Макушева закончилась в марте 1871 г. и он был назначен в Варшавский университет экстраординарным профессором по кафедре славянской филологии²⁰. Свою вступительную лекцию Макушев прочитал на тему «О славянах в Албании в средние века»²¹. Вначале лектор остановился на источниковой базе, указав, что вопрос почти не исследован. Это утверждение отвечало действительности: Макушев был первым в России ученым, изучившим архивные материалы по истории Албании в средние века. До него сведения на русском языке об албанцах можно было найти лишь в работе А.Ф. Гильфердинга «Письма по истории болгар и сербов», где автор на основании хорошо известных византийских источников кратко изложил историю албанцев до XI в. Позднее он дополнил эти сведения в работе «История сербов и болгар». Гильфердинг и позднее интересовался Албанией: так, 14 февраля 1869 г. он сделал сообщение о своих новых находках в Македонии и Албании²², но специальных сочинений об Албании так и не опубликовал. Таким образом, Макушев по существу не имел предшественников в России.

Во вступительной лекции Макушев говорил об истории албанцев до турецкого завоевания, когда славяне имели значительный перевес над албанцами. В XVI — XVII вв. албанцы вытесняют славян. Упомянулось о влиянии славянской лексики на албанский язык. Далее лектор охарактеризовал обще-

ственное устройство Албании, быт и обычаи народа, привел образец албанского фольклора. Заклучая лекцию, Макушев сказал: «Господство славян в Албании не прошло бесследно: дикому пастушескому народу албанскому, скитавшемуся по горам и долинам с огромными стадами, не знавшему законов, не имевшему городов, славяне передали свою образованность; они приучили албанцев к жизни оседлой и к сопряженным с нею выгодам; они дали им законы, они смягчили их нравы». Такова была «историческая задача, исполненная славянами во время многовекового пребывания их в Албании»²³.

По истории Албании Макушеву принадлежат четыре работы. Среди них – газетная статья «Албанские предания о св. Кирилле и изобретенной им азбуке»²⁴. Главной же из них является монография «Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века»²⁵, которую ученый защитил в качестве докторской диссертации через 5 месяцев после приезда в Варшаву²⁶. Задачу своего исследования Макушев видел в том, чтобы проследить влияние всех факторов на албанскую историю, главным из которых он считал славянское влияние. «Я намерен, – писал он И.И. Срезневскому, – не только проследить отношения славян к албанцам в эту эпоху (т.е. в средние века. – Л.Л.), определить степень влияния первых на последних и указать как славянская стихия с конца XV в. по наше время постоянно более и более вытеснялась албанскою, но также рассказать историю борьбы славян с итальянцами (неаполитанцами и венецианцами) за обладание Албанией»²⁷. Эти замечания были значительно расширены в упомянутой монографии.

За основу периодизации истории Албании Макушев берет политический принцип. Первая глава названа «Болгарский период: 861 – 1237 гг.», вторая – «Анжуйский период: 1250–1350 гг.», третья – «Сербский период: 1350-1450 гг.». В четвертой главе освещается «Борьба Скандербега с турками и покорение Албании, 1443–1479 гг.», в пятой – «Устройство и управление албанских общин в средние века». Наконец, 6-я глава рассматривает «Славянские поселения Албании». На основании статистических источников Макушев устанавливает,

что в 60-е годы XIX в. албанцев насчитывалось около 2-х миллионов человек. Они занимали горную область между Скадарским озером, Адриатическим морем, Пиндом и заливом Арты (ныне Греция). Разделенные на две враждебные части по религиозному принципу, албанцы различались и по языку. Они никогда не составляли политического целого. С VII в. Албанию стали заселять славяне; в 640 г. албанцев завоевали сербы, но в 870 г. — болгары. За весь период господства болгар, до 1237 г., славянский элемент непрерывно прибывал в Албанию. С XI в. цари болгар переселяли албанцев внутрь Болгарии, а в албанских землях селили болгар. В первой половине XIII в. Асень II овладел всей Албанией²⁸. Так наз. Анжуйский период албанской истории автор излагает на основании разысканных им архивных материалов²⁹. Излагая историю подчинения албанских земель власти Карла I Анжуйского, Макушев в монографии часто ограничивается простой констатацией фактов. Оценку тех или иных событий и соответствующие сведения о них мы находим чаще в его отчетах о разыскании источников. С другой стороны, сравнение текста отчетов и монографии позволяет сделать вывод о том, какими обобщениями монография пополнила имевшиеся ранее исторические сведения. По остальным вопросам книга обобщает те новые данные, которые были шире изложены в отчетах. Так, и в отчетах, и в монографии упомянуто о кратком очерке истории господства Анжуйского дома в Албании, написанном К.Гопфом, но в тексте отчета имеются отсутствующие в монографии критические замечания. Выясняется, что Гопф, «собрав и сгруппировав факты внешние, ... не обратил внимания на внутренние. Он ни слова не говорит ни о системе управления Албанией, ни о раздиравших ее партиях, ни о мерах, которыми анжуйцы старались обеспечить себе свое господство в Албании. Он не представил даже удовлетворительного обзора мер, принимавшихся анжуйцами к защите Албании, и упустил из виду сношения с сербами и болгарами, клонившиеся, как следует предположить, к отвлечению сил от Мореи и Албании»³⁰. Отметив в отчете эти пробелы, Макушев в монографии заполняет их новым материалом, в чем и состоит его большая заслуга.

Очень ценными представляются и сведения Макушева об общественном строе албанцев в средние века. Картину этого строя он рисует в значительной мере на основе разысканных им источников — «уговоров», которые заключали албанские общины с Венецией. Эти документы дошли до нового времени только с XIV в., но в них, безусловно, отражается общественное развитие предшествующих столетий. В албанском обществе Макушев прослеживает три сословия — бояр, горожан и черни. Существовали рабы, прикрепленные к земле; их можно было продавать, дарить с землей и отдельно, пытать и убивать. Все рабы были славянского происхождения, албанец рабом быть не мог. Земля принадлежала монастырям, общинам и отдельным лицам боярского сословия. Народ землей не владел, но был лично свободен. Крестьяне пользовались землей «по уговору», выплачивая два раза в год оброк общине, выполняя различные работы. Общинами управляли бояре и богатые горожане, имевшие большие льготы, например, исключительное право владеть землей в форме баштины (наследственные земли) или пронии (пожизненное или наследственное владение за службу). Личными повинностями являлись военная служба и разные работы в пользу общины и государства. Военную службу обязаны были нести все сословия. Народ в управлении не участвовал. Духовенство — католическое и православное — освобождалось от всех видов пошлин, податей, налогов и повинностей, имело собственный суд и управление. В городах и общинах существовал суд присяжных, но одновременно сохранялась и кровная месть³¹. Что же касается сущности политики Неаполя, а с XIV в. Венеции в отношении Албании, то Макушев считает ее «корыстной и эксплуататорской». Этим он объясняет и отпадение албанских территорий от названных городов, и сравнительно быстрый их переход на сторону турок.

Совершенно иначе, чем предшествующая литература, Макушев осветил вопрос о борьбе Скандербега с турками. Сподвижники Скандербега, по мнению Макушева, стремились приукрасить его деяния и «создали из него мифического героя древности». Позднейшие писатели без всякой критики повторяли «басни», сочиненные в XVI в.³² На основании

найденных в ряде архивов документов ученый рисует более объективную картину борьбы Скандербега с турками и образ самого вождя. Макушев считает его героем, который своими отважными действиями нарушил планы турок, замедлив их продвижение на территорию Албании. Но русский историк опровергает измышления панегиристов о том, что Скандербег был якобы взят заложником, потом бежал из турецкого плена и возглавил борьбу своего народа. По мнению Макушева, сын крупного албанского феодала Ивана Кастриота по имени Георгий, он же Скандербег (кстати, мать его была болгаркой), в плену у турок не был. Деятельность Скандербега, как показывает исследователь, представляла собой продолжение борьбы рода Кастриотичей за гегемонию в Албании и независимость от соседей, но в новых исторических условиях – в период наступления турок – наиболее талантливый представитель своего рода Скандербег боролся не только с турками, но и с Венецией. Он «вовсе не был таким бескорыстным непобедимым воином Христовым, каким изображают его незаслуживающие доверия панегиристы»³³. Ввиду турецкой опасности Венеция в конечном счете примиряется со Скандербегом.

В книге Макушева дается описание нашествия турок в 1462 г. и рассказывается о сопротивлении им, возглавленном Скандербегом³⁴. Под его знаменем собираются албанцы и славяне, но борьба ему не под силу, и Скандербег отдается под покровительство неаполитанского короля Альфонса. На основании анализа документов Макушев показывает, что отношение Неаполитанского королевства к Скандербегу строилось на политических расчетах. В результате Турция уже в 1479 г. овладела всей Албанией за исключением трех приморских городов, оставшихся за Венецией до XVI в.

В общем, историку удалось разобраться в сложных отношениях на Балканах в XV в. и впервые нарисовать достаточно правдивую картину борьбы Скандербега с турками. Этому способствовало не только великолепное знание Макушевым источников, но и умение подходить к ним объективно. Разумеется, политические взгляды и национальные чувства влияли и на Макушева, он был сыном своего времени. Изучая

историю Албании, он стремился, например, выяснить в ней прежде всего роль славян, и это было не только официальной задачей, но и следствием собственного убеждения ученого в необходимости возможно полнее осветить роль «славянского племени» в культурном развитии Европы, вклад славян в общечеловеческий прогресс. В какой-то мере это могло повлиять на объективность освещения проблем. И все же Макушев в максимальной для его эпохи степени руководствовался критическим методом при изучении материала источников и отлично выполнил свою задачу. Он доказал, что славяне, заселившие Албанию в VII-X вв., не уходили из нее и не были истреблены местным населением. Они беспрепятственно заселяли Албанию до середины XIII в. Северная Албания составляла неотъемлемую часть Сербского государства до конца XV в. К исходу средних веков славяне составляли около трети населения Северной Албании, между тем как на юге албанцев было в четыре раза больше, чем на севере. С конца XIV в. албанцы порабащают славян. Часть последних переселяется в соседние сербские области, однако большинство албанизируются. Оставшиеся славяне оказываются в неравноправном положении. Несмотря на это, как показывает историк, славяне оказали огромное влияние на развитие жизни албанцев. По мнению ученого, албанские общины управлялись в средние века по славянским законам и обычаям. Впрочем, подобное утверждение можно отнести к «славянским преувеличениям» автора. Не исключено, что обычное право, по которому жили древние народы, вовсе не является результатом влияния одного на другого, а представляет собой закономерный процесс. У славян и албанцев в позднее время было много общего в быту и обычаях – свадебных, похоронных, военных.

Таким образом, Макушев принадлежал к числу крупнейших в Европе знатоков источников и вообще истории Албании. Для начала 70-х годов XIX в. исследования Макушева на эту тему были крупным вкладом в европейскую балканистику. В русской же исторической науке он положил начало новой отрасли; русская албанистика в области истории открывается именно трудами варшавского профессора.

Научная деятельность В.В. Макушева принесла ему широкую известность. В 1878 г. Императорская академия наук в Петербурге, признавая большие заслуги ученого, избрала его своим членом-корреспондентом. Он был также членом Санкт-Петербургского историко-филологического общества, членом-корреспондентом Болгарского литературного общества и Сербского ученого общества³⁵.

В Варшавском университете В.В. Макушев проработал с 1871 по 1883 гг. Профессорская деятельность ученого также была успешной. Он воспитал группу учеников, ставших впоследствии крупными деятелями науки. Лекции профессор читал по многим областям славяноведения, преимущественно по истории и литературе славян, как западных, так и южных. Тексты лекций, содержащие материалы, не утратившие научного значения до настоящего времени, почти все были опубликованы им в виде статей или отдельных очерков, весьма значительных по объему.

По мировоззрению В.В. Макушева нельзя отнести ни к какому-либо направлению русской науки и общественной жизни. Это была личность с яркой индивидуальностью. В научных вопросах он был весьма объективен, являлся сторонником критики источников сравнительно-историческим методом, ярким противником вымыслов и романтических басен. В научных сочинениях он не учитывал сиюминутную политическую обстановку и национальную принадлежность авторов. Но в публицистических работах и в жизненной практике (например, в преподавании) он стоял на позициях русского самодержавия, безоговорочно осуждал польское освободительное и революционное движение, некритически относился к России и особенно к русскому самодержавию. Принципы своего мировоззрения Макушев декларировал открыто. Он писал: «Я – защитник православия как религии, поддерживающей славянскую народность, и монархист, потому что убежден, что для такой громадной державы как Россия необходима сильная самодержавная власть, и что другие славяне утратили свою политическую независимость именно вследствие слабого развития у них монархической власти»³⁶. Таким образом, Макушев

являлся сторонником православия именно как «исторически наиболее приемлемой для славянства» ветви христианства. Во всем, что касалось политического престижа России, он считал не только возможным, но и необходимым стоять на стороне самодержавия во что бы то ни стало.

Воззрения Макушева отличались не только от либеральных, но и от славянофильских. Он смотрел на славянство несравненно более трезво, чем проникнутые романтизмом и панславизмом теоретики «возвращения» славян к неким «исконно присущим» им формам жизни или к объединению под эгидой России. Макушев любил повторять, что он славяновед, но не славянофил. Все же некоторые его представления были сходны с теми, которые разделялись славянофильскими историками его времени. Так, взгляд Макушева на православие как на «религию всех славян» вполне укладывается и в славянофильские схемы. Отношение Макушева к Польше тоже диктуется взглядами, близкими к славянофильским. Но некоторые черты сходства взглядов Макушева со славянофильскими концепциями вовсе не означают, что эти концепции оказывали на варшавского профессора непосредственное влияние. Скорее в его мировоззрении отражается то общее, что объединяет славянофильство с охранительством. И славянофилы второй половины XIX в., и охранители в равной мере поднимали на щит и самодержавие, и православие.

Но во многих отношениях взгляды Макушева в корне отличаются от славянофильских. Если славянофилы ратовали за принятие всеми славянами русского языка в качестве литературного, то Макушев прямо объявил эту идею неосуществимой³⁷. Утопичной представлялась Макушеву и мысль об объединении славян «в одну греко-славянскую церковь»³⁸. Еще менее он допускал мысль о государственном объединении России со славянами: «Вместо одной Польши мы создали бы себе восемь, ... а и с одною не можем справиться», — писал он³⁹. В отличие от славянофилов, как и от своего учителя И.И. Срезневского, Макушев постепенно пришел к убеждению в подложности «древнечешских» рукописей, составлявших предмет горячего, но ложного патриотизма.

Таким образом, в лице В.В. Макушева история русского славяноведения имела не только крупного ученого, первооткрывателя в изучении истории Албании и южных славян, но и незаурядную человеческую индивидуальность, существенно обогатившую русскую историческую науку XIX века.

Примечания

¹ *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. Литература о Макушове на с. 596–601.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 156. Карт. 4. Д. 6 – Последние дни Елены Федоровны Макушевой. Автограф В.В. Макушева 1852 г.

³ Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 14 (Петербургский университет). Оп. 3. Д. 16014. Л. 7 – Справка о Макушове, датированная октябрём 1867 г.

⁴ РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16014. Л. 9 – Протокол заседания историко-филологического факультета по защите Макушевым магистерской диссертации, 8 октября 1867 г.

⁵ Отчет о 12 присуждении наград графа Уварова... // Записки Имп. Академии наук. Т. 16. Кн. I. СПб., 1869. С. 66–67.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 156. Карт. 6. Д. 10 – Инструкция магистру Макушеву.

⁷ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – ПФАРАН). Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 477. Л. 1 – Отчет В.Макушева о заграничном путешествии от 1(13) июня 1868 г.

⁸ Там же.

⁹ ПФАРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л.8 – Отчет В.Макушева. Неаполь 1(13) сентября 1869 г.

¹⁰ ПФАРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 477. Л. 1.

¹¹ ПФАРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 11 об.

¹² *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века // Варшавские университетские известия (далее – ВУИ). 1871. № 5. С. 1.

¹³ *Макушев В.* Карл Гопф – новейший историк средневековой Греции (Письмо в редакцию) // Вестник Европы. 1868. Т. 3. Кн. 6. С. 869–878.

Подробно об отношениях В.В. Макушева и К. Гопфа см.: *Laptewa L.P. Vikentij Makušev und Karl Hopf.* Ein Beitrag zu den russisch-deutschen Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert. [Aus dem Russischen übersetzt von W.Zeil] // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas.* Bd. 25/2. Berlin, 1982. S. 107–121; русский вариант: *Лаптева Л.П.* Викентий Макушев и Карл Гопф. К вопросу о русско-немецких научных связях в XIX веке // *Германия и Россия: события, образы, люди.* Сборник российско-германских исследований. Вып. 4. Воронеж, 2006. С. 15–34.

¹⁴ ПФАРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 477 – Отчет В.Макушева о работе в архивах от 1(13) июня 1868 г.

¹⁵ *Макушев В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. (Отчеты) II // Записки Имп. Академии наук. Т. 19. № 3. 1871. Приложение. С. 78.

¹⁶ *Макушев В.* То же. III. Там же. Т. 19. № 4. Приложение. С. 3.

- ¹⁷ *Макушев В.* Об издании исторических памятников Марки Анконской // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1870. № 10.
- ¹⁸ *Макушев В.В.* О славянах в Албании в средние века // ВУИ. 1871. № 4. С. 16.
- ¹⁹ *Макушев В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. III. Неаполь, Барии, Анкона // Записки Императорской Академии наук. Т. 19. 1871. Приложение № 4. С. 1–12; другие отчеты опубликованы: там же. Т. 16. 1870. Приложение № 5. С. 1–42; там же. Т. 19. 1871. Приложение № 3. С. 1–94.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 110. Л. 270 – Приказ министра народного просвещения от 20 марта 1871 г.
- ²¹ О славянах в Албании в средние века. (Вступительная лекция проф. Макушева) // ВУИ. 1871. № 3. С. 115–132.
- ²² Краткий отчет о деятельности Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета (по 11 мая 1869 г.) // ЖМНП. 1869. № 7–8. С. 239.
- ²³ [*Макушев В.В.*] О славянах в Албании в средние века // ВУИ. 1871. № 3. С. 130.
- ²⁴ Варшавский дневник. 1871. № 100.
- ²⁵ *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871.
- ²⁶ РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16014. Л. 14 – «Представление» диссертанта Макушева В. Бауэром; Л. 15 – «Положения докторской диссертации» В. Макушева.
- ²⁷ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1282 – Письмо В. Макушева И.И. Срезневскому от 12(24) июля 1870 г.
- ²⁸ *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. С. 2–3, 16–17.
- ²⁹ Там же. С. 45.
- ³⁰ ПФАРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 118. Л. 11 об. – Отчет В. Макушева о работе в архивах от 1(13) сентября 1869 г.
- ³¹ *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. С. 118–122, 124–125, 131, 133, 144, 146.
- ³² Там же. С. 81–83.
- ³³ РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16014. Л. 15 – «Положения докторской диссертации» В. Макушева.
- ³⁴ *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. С. 92, 104 и след.
- ³⁵ Literárni Archiv Památníku Národného Písemnictví / Pozústalost A. Patery. Varia. Maikušev V.V. – Автобиография В.В. Макушева. 11 сентября 1881 г. Прага.
- ³⁶ Автобиография. Л. 15.
- ³⁷ *Макушев В.* Ответ Г. Палацкому // Голос. 29.6(11.7). 1873. № 178.
- ³⁸ *Макушев В.* Возможно ли объединение славян под гегемонией России? // Берер. 8.10.1880. № 197.
- ³⁹ Там же // Берер. 10.10.1880. № 200.

Григорий Львович АРШ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АЛБАНИИ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РУССКИХ СЛАВИСТОВ

Албанский народ на протяжении многовековой истории был связан тесными узами экономического, политического и культурного порядка с соседними балканскими народами. Многие вопросы истории южных славян взаимосвязаны с вопросами албанской истории. Изыскания в области албанской истории, которая до сих пор, несмотря на ряд опубликованных исследований, остается одним из наименее изученных разделов всеобщей истории, бесспорно, помогут в решении некоторых вопросов истории славянских народов. Это подметил еще наш выдающийся философ и революционер Н.Г. Чернышевский, писавший в 1854 г. в рецензии на книгу известного австрийского албановеда И. Гана «Albanesische Studien»: «Албания — одна из самых малоизвестных стран Европы: албанцы — народ, о котором очень мало знают самые ученые этнографы. По всей вероятности... албанцы — остатки древнего эллирийско-македонского народонаселения. Если и не так, то нет сомнения, что они коренные обитатели стран, лежащих на север от древней Греции, и исследование их языка и нравов оказало бы во всяком случае большую услугу истории Балканского полуострова»¹. Имеет место, конечно, и обратная зависимость: изучение истории соседних с Албанией стран в ряде случаев позволило ученым внести важный вклад в изучение истории албанского народа.

В своем кратком сообщении я позволю себе остановиться на значении некоторых работ дореволюционных русских славистов для изучения истории Албании.

Для изучения истории этой страны периода до турецкого завоевания важны работы русских славистов, занимавшихся ранней историей болгар и сербов. Особо следует отметить здесь работу А.Ф. Гильфердинга «История сербов и болгар»², где излагается история Албании в X в., в период существования Болгарского царства.

Героическая борьба албанского народа против турецкого нашествия в XV в., возглавленная Скандербегом, нашла глубокий отклик у славянских народов, отразившись в их эпической поэзии. Борьба эта интересовала и русских ученых, занимавшихся историей славянских народов.

Профессор Казанского университета В.И. Григорович еще в 40-е годы XIX в., во время своего путешествия по Европейской Турции, обнаружил в одном из монастырей ценные материалы к биографии отца Скандербега³.

Значительный вклад в изучение эпохи Скандербега внес профессор Варшавского университета В.В. Макушев. В течение трех лет (1868—1871) он работал в итальянских архивах и собрал огромное количество документальных материалов. Результатом этой работы стали два сборника документов и монография «Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века», представляющая собой чрезвычайно скрупулезное исследование по истории Албании по XV в. включительно⁴. В своем труде Макушев ввел в научный оборот значительный документальный материал. В то же время нельзя закрывать глаза на существенный недостаток этого исследования, который заключается в стремлении принизить значение свидетельств албанских биографов Скандербега. Для этого Макушев использует иногда явно тенденциозные источники.

Помимо XV в., Макушев занимался и другими периодами истории Албании. В его статье «Восточный вопрос в XVI и XVII веках», на основе материалов венецианского архива, приводятся интересные данные об обращениях албанцев в конце XVI— начале XVII вв. к различным европейским правительствам с просьбой об оказании помощи в борьбе против турецкого ига⁵. В другой его работе, «Самозванец Степан Малый»⁶, содержится материал по истории Албании второй половины

XVIII в., в частности, о политике шкодринского паша Мехмета, основателя местной феодальной династии Бушати.

Макушеву принадлежит и историографический обзор трудов об Албании, появившихся в западноевропейских странах в первой половине XIX в. Здесь упоминается и один из первых деятелей албанского национального движения Зэф Юбани. Как пишет историк, именно от него получил этнографические материалы и переводы албанских народных песен французский албановед Г.Эккар, опубликовавший в 1858 г. книгу «История и описание Верхней Албании, или Гегерии»⁷.

Интерес к истории Албании унаследовал от В.В. Макушева его ученик В.В. Качановский, профессор историко-филологического института в Нежине. В своей работе «История Сербии с половины XIV до конца XV в.» (Киев, 1899) он дал критический обзор сербских, в том числе и неопубликованных, хорватских, болгарских, византийских и других источников по истории Сербии. Многие из этих источников важны и для истории Албании.

Говоря о русских славистах, которые в своих трудах касались истории Албании, назовем также И.С. Ястребова, В.П. Кораблева, П.А. Ровинского.

Начнем с И.С. Ястребова. В последней трети XIX в. он служил консулом в провинциальных центрах Европейской Турции — Призрене, Шкодре, Янине, Салониках — и в этом качестве путешествовал и по Албании, ставя своей целью, по его словам, описать малоизвестные до того исторической науке места в этой стране. О своих путешествиях Ястребов опубликовал книгу «Старая Сербия и Албания», увидевшую свет в 1904 г. в Белграде.

В своих путевых записках Ястребов дает описание многих исторических памятников Албании. Как и другие слависты, он проявлял большой интерес к личности Скандербега и собирал материалы о национальном герое Албании, намереваясь написать о нем книгу. В своих путевых записках Ястребов посвятил Скандербегу специальную главу.

В то же время в спорных вопросах албано-сербских отношений Ястребов придерживался просербской точки зрения.

По мнению советского албановеда И.Г. Сенкевич, «всячески защищая идеи славянства и православия, он нетерпимо относился к народному движению неславянских народов»⁸.

Известный русский славист П.А. Ровинский в своем капитальном труде о Черногории делает частые экскурсы в историю Албании⁹. У него имеется также специальная работа, в которой кратко излагается история Албании с древнейших времен¹⁰. Особенно ценны сведения Ровинского о положении в Северной Албании и соперничестве здесь великих держав во второй половине XIX— начале XX вв. В этой работе автор выступает за добрососедские отношения между албанцами и черногорцами. В то же время следует иметь в виду, что Ровинский недооценивает борьбу албанского народа за независимость, которая принимала различные формы, но не прекращалась на всем протяжении турецкого господства. Со второй половины XIX в. в Албании стало развиваться национальное движение, которое в конце концов увенчалось провозглашением независимости страны.

Содержательный обзор развития албанского национального движения дал петербургский славист В.П. Кораблев в своей статье «Из культурной истории Албании» (СПб, 1909).

Определенную ценность для изучения истории Албании XVII—XIX вв. представляют и некоторые публикации архивных материалов, осуществленные русскими славистами. На первое место здесь следует поставить «Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII в.», изданное в 1890 г. приват-доцентом Петербургского университета П.А. Сырку¹¹.

Автор «Описания...», русский пленник, прошел из конца в конец Османскую империю. Побывал он и в Албании, которую называет «арнаутским уездом». В «Описании...» имеются сведения об албанских городах Берате, Дурресе, Эльбасане. Ценность «Описания...» состоит в том, что автор его фиксирует факты географии и этнографии Балкан, в том числе и Албании, второй половины XVII в. без какой-либо предвзятости и без предубеждений.

Особо следует отметить огромную работу, сделанную публикатором «Описания...» П.А. Сырку. Достаточно сказать,

что из 250 страниц, составляющих весь текст издания, его перу принадлежит около 200 страниц (вводная статья и примечания). Вместо обычного именованного указателя П.А. Сырку дает здесь историко-географический словарь Турецкой империи, где основное внимание уделено Европейской Турции. Этот словарь и по настоящее время не утратил своей пользы для всех, кто изучает историю балканских стран, в том числе Албании периода турецкого господства.

Среди публикаций русских славистов по истории Албании следует назвать и работу П.А. Лаврова, который опубликовал петицию от 1760 г. жителей южноалбанской области Химара царице Елизавете Петровне¹².

В заключение укажем на еще одну публикацию, относящуюся уже к современной эпохе — эпохе образования Албанского государства, столетие которого отмечалось 28 ноября 2012 г.¹³

В числе русских славистов, интересовавшихся Албанией, следует упомянуть и нескольких авторов, которые начали свою деятельность еще до революции, но свои труды албановедческого содержания опубликовали уже в советское время: академик Н.С. Державин — статью об албанской диаспоре в России, а филолог А.М. Селищев в приложении к своей книге «Славянское население в Албании» — донесения второй половины XIX в. русских консулов, касающиеся положения в Албании¹⁴.

Мой небольшой обзор, отнюдь не претендующий на полноту, тем не менее позволяет утверждать, что русские слависты, занимаясь историей южнославянских народов, попутно внесли определенный вклад и в изучение истории Албании. Это обстоятельство немаловажно с точки зрения культурных связей между нашими странами, изученных еще весьма недостаточно. Но уже сейчас можно утверждать, что советские албановеды начинали свою деятельность не на пустом месте.

Примечания

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. XVI. М., 1953. С. 130–131.

² Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 1. СПб, 1868.

³ Григорович В.И. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.

- ⁴ *Макушев В.В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871.
- ⁵ *Макушев В.В.* Восточный вопрос в XVI и XVII веках // Славянский сборник. Т. III. Варшава, 1876.
- ⁶ *Макушев В.В.* Самозванец Степан Малый // Русский вестник. Т. 82. 1869.
- ⁷ *Макушев В.В.* Обзор сочинений об албанцах // Варшавские университетские известия. 1871. № 4. С. 207–208.
- ⁸ *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965. С. 11.
- ⁹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1–3. СПб, 1888–1915.
- ¹⁰ *Ровинский П.А.* Албания и албанское движение // Известия Министерства иностранных дел. СПб, 1912. № 6. С. 147–176.
- ¹¹ Издание Императорского Православного Палестинского общества. СПб, [1890].
- ¹² *Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 8–10. Им же опубликована и южнославянская повесть о Скандербеге. См.: *Лавров П.А.* Разбор труда П.А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» // Сб. Отд. русского языка и словесности Академии наук. Т. 81. СПб, 1906.
- ¹³ *Петряев А.* Албания и албанцы // Русская мысль. Кн. V. М.–Пг, 1915. Автор был представителем России в Международной контрольной комиссии, созданной в 1913 г. великими державами для управления Албанией.
- ¹⁴ *Державин Н.С.* Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. 1948. № 2; *Селищев А.М.* Славянское население в Албании. София, 1931.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

ПРОБЛЕМА «НА ПУТИ К ОБРАЗОВАНИЮ АЛБАНСКОГО ГОСУДАРСТВА» В ПОСЛЕ- ВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема национально-освободительного движения Албанского народа с конца XVIII до начала XX вв., самым тесным образом связанная с историей международных отношений в балканском регионе, во всем многообразии составляющих ее вопросов и сюжетов уже с 1950-х годов привлекала внимание отечественных исследователей и нашла отражение в их трудах. За шесть минувших послевоенных десятилетий ими создана значительная литература, выявлены и изданы уникальные документы из российских и зарубежных архивов, сформирована стройная концепция истории имевших место событий.

В связи с празднованием 100-летия провозглашения независимости Албании вполне оправданно, на наш взгляд, подвести итоги изучения данной тематики в СССР и России, поставив труды отечественных историков-албанистов в общий контекст историографии проблемы «Россия и Балканы», выделив при этом основные этапы в ее исследовании и определив конкретный вклад ученых нашей страны в разработку отдельных вопросов.

Послевоенная отечественная албанистика неразрывно связана с именами четырех крупных исследователей: Григория Львовича Арша (род. в 1925 г.), Нины Дмитриевны Смирновой (1928–2001), Ирины Григорьевны Сенкевич (1930–1968) и Юлии Владимировны Ивановой (1922–2006). Разумеется, албанские сюжеты рассматривались в трудах и других ученых (И.С. Галкин, Г.Л. Маньковская, А.М. Станиславская), однако именно Г.Л. Арш, Н.Д. Смирнова, И.Г. Сенкевич и Ю.В. Ива-

нова внесли наибольший вклад в изучение истории Албании, в том числе и проблемы, обозначенной в заглавии нашей статьи.

Важно подчеркнуть, что обращение к албанской истории для серьезного ученого дает необычайно много. Оно расширяет диапазон исторических исследований за счет других народов и государств и включает в него важнейшие международные проблемы, а именно, Восточный вопрос и политику великих держав на Балканах. Все эти моменты с самого начала были присущи трудам советских ученых-албанистов.

В 1950-е годы началась долгая и необычайно плодотворная жизнь в науке ученого-фронтовика Г.Л. Арша. Для своих «албанских» исследований (Григорий Львович – также известный в нашей стране и за рубежом ученый-эллинист, автор нескольких монографий по истории Греции и русско-греческих связей) он избрал важнейший период в истории Албании с конца XVIII до начала XIX вв. – время существования больших полунезависимых пашалыков Османской империи, Шкодринского и Янинского. Этой теме он посвятил свою первую монографию «Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)» (М., 1963)* и ряд статей¹.

Автор проделал огромную работу, тщательнейшим образом изучив, помимо научной литературы на 7 языках, архивные фонды за несколько десятилетий. Круг привлеченных им материалов очень широк – здесь и дипломатическая переписка Петербурга с его дипломатическими представителями в Константинополе, Вене, Венеции, Неаполе, Рагузе (Дубровнике), Ватикане, на Ионических островах, и документы по истории русского военно-морского флота и армии. Эти материалы известная отечественная исследовательница истории Балкан в XIX в. И.С. Достян (1920–2012) назвала «исключительно ценными». «...Россия, – пишет она, – по сравнению с другими европейскими государствами имела в то время самую обширную консульскую сеть в юго-западной части Балканского полуострова. Поэтому русские дипломатические доку-

* В 1994 г. эта книга была опубликована в новогреческом переводе с документальным приложением.

менты при скудости других источников служат незаменимым материалом для изучения политической истории западнобалканских земель того периода»². Следует также отметить, что в то время, когда Г.Л. Арш приступил к работе по теме своей кандидатской диссертации, изданной затем в качестве монографии, вышеуказанные материалы были почти совершенно не изучены.

Монография Г.Л. Арша, как отметила в своей рецензии на нее советская исследовательница А.М. Станиславская, относится к тем работам, которые «при кажущейся узости их тематики в действительности ставят вопросы, выходящие за пределы, сформулированные в названии»³. Автор рассмотрел историю Шкодринского и Янинского пашалыков на фоне общих процессов разложения Османской империи, подчеркнув, что разложение военно-ленной системы вело к росту политического могущества местных феодалов и, соответственно, к ослаблению власти и авторитета султанского правительства в европейских провинциях империи.

Для того, чтобы дать всестороннюю оценку роли пашалыков в истории Албании, Г.Л. Арш провел детальный анализ деятельности шкодринских и янинского правителей, объективных последствий их внутренней и внешней политики.

История Шкодринского пашалыка, управлявшегося 75 лет представителями семейства Бушати, начиная с Махмуда-паши, до Г.Л. Арша была изучена весьма слабо, ввиду скудости источников. Автор буквально по крупицам, на основании многочисленных, но часто неполных и противоречивых источников, восстановил канву исторических событий, уточняя и иногда исправляя неточности и ошибки в датах, имевшие место в более ранних трудах западных и албанских исследователей.

Весьма подробно изучил Г.Л. Арш вопросы об образовании и существовании Янинского пашалыка, а также о его правителе Али-паше Тепелене, овечьем легендами и даже увековеченном в исторических романах, о его непрестанной борьбе за расширение своих владений и отношениях с великими державами.

Г.Л. Арш впервые в историографии поставил проблему «Россия и Албания». Отклики в Албании на русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., влияние их на албанцев, реакция греческого и албанского населения Адриатики и Ионического побережья на военные успехи России, тайные переговоры Махмуда Бушати с Россией – все эти интересные сюжеты исследуются детально.

Так же подробно рассмотрел Г.Л. Арш вопрос о «русских» контактах Али-паши Янинского. В западной историографии сложилась легенда о непримиримой враждебности Али-паши к России. Обнаруженные в отечественных архивах документы помогли Г.Л. Аршу покончить с этой легендой. Он рассмотрел переговоры с Россией о союзе против султана, которые Али-паша вел во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (ранее о них было известно лишь в самой общей форме), и попытки Али договориться с Россией в 1793, 1806, 1808 и 1820 гг. (о чем вообще не было известно). Для правильной и беспристрастной характеристики русско-албанских связей установленные ученым факты и его вывод о готовности Али-паши в собственных интересах пойти на тактическое сближение с Петербургом были весьма существенны.

По выражению российского дипломата Г.Д. Моцениго, Али-паша был «человеком, стучавшимся во все двери». Материал, приведенный в книге Г.Л. Аршем, подтверждает это высказывание, повествуя о заигрываниях правителя Янины также с Францией и Англией.

К 1812 г. Али-паша достиг вершины своего могущества. От Янины стала зависеть значительная часть западнобалканских провинций Османской империи. Это «политическое достижение» Г.Л. Арш называет выдающимся⁴.

Проанализировав многочисленные документы, ученый в результате пришел к выводу о том, что ни правители из семьи Бушати, ни Али-паша Янинский не были носителями национальных идей и не ставили в своей борьбе против Порты задачу создания независимого Албанского государства. Целью их политики было превращение их пашалыков в наследственные автономные княжества Османской империи. Пашалыки

же эти, особенно Янинский, в территориально-этническом отношении далеко не были адекватны понятию «Албания». Да и почва для национального движения в албанских землях в то время еще не созрела. Вместе с тем, хотя правители пашалыков и не были носителями албанской национальной идеи, констатирует Г.Л. Арш, пашалыки «сыграли прогрессивную роль в истории Албании. Распространение власти янинского и шкодринских правителей на всю Албанию нанесло удар по феодальной раздробленности, что создало благоприятные условия для экономического развития страны». Наряду с этим происходил рост самосознания албанского народа. Пашалыки явились своего рода «опытом албанской государственности»⁵.

1950–1960-е годы могут быть обозначены как начальный этап изучения отечественными историками вопросов, входящих в проблематику «На пути к образованию Албанского государства». В этот период шло постепенное накопление документального материала, публиковались работы по отдельным вопросам, закладывались основы для будущих исследований, в том числе обобщающих.

Среди последних необходимо остановиться на выпущенной в 1965 г. в издательстве «Наука» АН СССР первой в советской историографии «Краткой истории Албании» (авторы — Г.Л. Арш, И.Г. Сенкевич и Н.Д. Смирнова), охватывающей период с древнейших времен почти до середины XX в. Г.Л. Арш, автор раздела об истории Шкодринского и Янинского пашалыков, как и в вышерассмотренной монографии, констатирует, что во время их существования «был сделан шаг на пути экономического и политического объединения страны, оказавший впоследствии свое влияние на формирование национального движения»⁶.

Период истории Албании, начиная с 40-х годов XIX в. и до провозглашения независимости Албании в 1912 г., получивший в албанской историографии название Албанского возрождения, был представлен в «Краткой истории Албании» тремя главами, их автор — И.Г. Сенкевич. К середине 1960-х годов талантливая исследовательница уже защитила кандидатскую

диссертацию и выпустила две монографии: «Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг.» (М., 1959) и «Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.)» (М., 1965). Глубокое изучение на основе обширного документального материала и литературы на разных языках ключевых вопросов истории Албании позволили И.Г. Сенкевич последовательно рассмотреть ситуацию в албанских землях в период Танзимата, в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в., осветить вопросы о Призренской лиге, развитии освободительного движения в конце XIX – начале XX вв., о национальных организациях албанцев за рубежом и восстаниях в Албании в 1911 и 1912 гг.

Значительным достижением И.Г. Сенкевич явилась монография «Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.)». В эти годы, по убеждению автора, начался процесс формирования национального самосознания албанцев. Для его детального изучения, помимо литературы, исследовательница привлекла богатейшие материалы русских консульств в Шкодре, Призрене, Битоле, Янине, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), и другие, не менее ценные документы из отечественных и зарубежных архивов – Австрии, Сербии, Албании, Хорватии.

Отличительной чертой работ отечественных историков-албанистов является глубокий анализ социально-экономического положения албанских земель – развития сельского хозяйства, ремесел, торговли, городов, административного устройства, предшествующий исследованию вопросов национально-освободительного движения. Такой подход был присущ всем фундаментальным академическим трудам советского периода.

В монографии «Албания в период Восточного кризиса» И.Г. Сенкевич главное внимание, разумеется, сосредотачивает на событиях 1870-х – начала 1880-х годов, однако касается и их предыстории. В частности, переговоров албанцев (бея Дибры Джелаль-паши) с сербскими властями в лице князя Михаила Обреновича и премьер-министра Илии Гарашанина в период создания Балканского союза 60-х годов XIX в. При этом впервые в историографии И.Г. Сенкевич показала, что русский

посол в Константинополе граф Н.П. Игнатъев, убежденный в важной роли, которую должна была сыграть Албания в будущих событиях на Балканах, являлся активным сторонником ее вовлечения в союз балканских государств во главе с Сербией. Однако министр иностранных дел России князь А.М. Горчаков его позиции не разделял.

Восстание, намечавшееся на весну 1867 г., в силу ряда причин (внутреннего и внешнего характера) не состоялось. Исследуя этот вопрос, И.Г. Сенкевич сочла необходимым подчеркнуть, что в 60–70-е годы XIX в. «религиозные различия между албанцами и их союзниками – Сербией, Черногорией и Македонией – не помешали ни их сближению, ни замыслам совместного выступления против турецкого правительства»⁷.

Вопрос о событиях 1860-х годов в Албании И.Г. Сенкевич рассмотрела также в своей монографии «Россия и Критское восстание 1866–1869 гг.», которая была издана уже после ее кончины, в 1970 г. Исследовательница документально подтвердила тот факт, что албанцы были готовы сотрудничать с этеристами Эпира и Фессалии и вместе с ними участвовать в восстании против турецких властей, но они отвергали всякую возможность соглашения с афинским правительством. Как показано в монографии, в 1866–1867 гг. вооруженные выступления против турецкой администрации произошли в центральном и северном албанских районах. Наиболее значительными и продолжительными они были в горных районах Косовского вилайета. Турецкие власти согласились на уступки, и волнения пошли на убыль.

Обратившись к периоду Восточного кризиса 70-х годов XIX в., И.Г. Сенкевич отметила, что в это время в Северной Албании, в Мирдите, готовилось восстание (декабрь 1876 г.), так и не произошедшее. Пренк Биб Дода, наследственный глава этой области, призывал к созданию автономного княжества в Северной Албании. В связи с этим исследовательница приводит слова русского консула И.С. Ястребова: «Пренк, а главное, приближенные к нему албанские патриоты... успели посеять довольно уже глубоко семена будущей независимости Албании»⁸. Большие надежды возлагались на войну России

против Турции. По выражению того же Ястребова, албанцы надеялись «выгнать из Албании османлисов под пушечные выстрелы на Дунае»⁹.

При анализе международного аспекта рассматриваемой проблемы И.Г. Сенкевич высоко оценивает секретную Будапештскую военную конвенцию, подписанную между Россией и Австро-Венгрией в 1876 г., в которой говорилось, что «в случае территориальных изменений или распада Османской империи... Болгария, Албания и остальная Румелия могли бы стать независимыми государствами, Фессалия, часть Эпира и остров Крит могли бы быть аннексированы Грецией». Таким образом, вопрос об Албании был впервые включен в важнейшее международное соглашение того времени¹⁰.

Характеризуя ситуацию в Албании в 1877–1878 гг. в целом, И.Г. Сенкевич подчеркивает два момента:

1) албанцы не приняли участия в войне против России на стороне Турции;

2) несмотря на крайнюю враждебность албанцев к турецким властям и готовность их подняться с оружием, в Албании во время русско-турецкой войны не произошло крупного антитурецкого восстания, в виду отсутствия должного руководства. Юг и Север действовали изолированно друг от друга и главным образом надеялись на помощь извне.

В монографии показано, что победа России в войне создала благоприятные условия для албанского освободительного движения. Обнаруженные автором архивные документы свидетельствуют о том, что ряд русских военных и дипломатических деятелей положительно относились к идее создания независимой Албании уже в то время.

15-я статья Сан-Стефанского прелиминарного договора, подписанного между победительницей Россией и побежденной Турцией 19 февраля (3 марта) 1878 г., обеспечивала для Албании, Эпира, Фессалии и др. частей Европейской Турции, для которых договором не предусматривалось особой организации, новое административное устройство по типу «Органического регламента» 1868 г., принятого для о. Крит, и проведение реформ, в обсуждении которых должны были принять

участие специальные комиссии из представителей местного населения. Это, по мнению И.Г. Сенкевич, явилось важным шагом к автономии Албании.

На заключительном этапе Восточного кризиса 70-х годов XIX в. произошло событие исключительной важности для Албании — накануне Берлинского конгресса была создана Албанская (Призренская) лига, общеалбанский представительный орган для выработки требований албанцев к конгрессу.

Вопрос о Призренской лиге весьма многогранен. Различие политических интересов у представителей разнородных социальных группировок, изменение их соотношения в Лиге на разных этапах ее деятельности и в разных районах страны, попытки использовать Лигу в своих интересах как Портой, и так и западными державами — все это делает анализ деятельности данной организации весьма сложным. И И.Г. Сенкевич прекрасно справилась с этой задачей — первой в отечественной историографии она изучила целый комплекс вопросов о формировании и деятельности Призренской лиги с привлечением обширного корпуса разнообразных источников.

Следует отметить, что впервые И.Г. Сенкевич рассмотрела вопрос о Призренской лиге в своей монографии «Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг.» (М., 1959), дав краткий обзор ее деятельности с момента создания в июне 1878 г. до разгрома ее Турцией в апреле 1881 г. и выделив основные этапы ее деятельности, а именно:

27 ноября 1878 г.

- ▶ заседание Центрального совета Лиги с утверждением программы автономии Албании.

Ноябрь 1879 г.

- ▶ подтверждение этого требования.

Июнь 1880 г.

- ▶ раскол в руководстве Лиги по вопросу о тактике в борьбе за автономию.

**Июль 1880 г.
(Гирокастра)**

- ▶ решение о создании Временного правительства Албании, в случае, если со стороны Греции и Черногории будет сделан агрессивный шаг, а Турция окажется неспособной защитить албанские земли.

**Октябрь 1880 г.
(Дибра)**

- ▶ новое размежевание сил Лиги по вопросу об автономии Албании.

Январь–апрель 1881 г.

- ▶ последний этап деятельности Лиги, проходивший под руководством демократически и решительно настроенной группы буржуазии и чиновничества. Была создана албанская администрация в Косовском вилайете¹¹.

В этой же работе И.Г. Сенкевич дала характеристику Призренской лиге как «первой албанской организации, руководившей национально-освободительной борьбой», заслугой которой являлось «объединение, хотя и кратковременное, сил албанского народа в этой борьбе». «Лига, — подчеркнула также исследовательница, — впервые поставила албанский вопрос на международной арене, выработала национальные требования и программу государственного устройства Албании. Нерешительность феодального руководства и раскол в Лиге были причинами ее слабости и поражения»¹². Однако, несмотря на негативные составляющие, ее деятельность, по определению автора, сыграла важную роль в политической жизни страны, а народное движение в поддержку Лиги приняло антисултанский характер. Последний вывод представляется особенно важным, так как именно это в конечном счете обусловило размах освободительного движения в Албании.

После разгрома Призренской лиги руководство албанским освободительным движением перешло к заграничным национальным обществам, деятельность которых носила культурно-просветительный характер. Среди них И.Г. Сенкевич называет Стамбульское общество, а также общества в Бухаресте, Болгарии и Египте. «Борьба за албанскую школу, язык и литературу не была делом одиночек-интеллигентов — это была общенародная борьба. С конца XIX в. лозунг свободы албанского языка и школы становится лозунгом народных антигубернских выступлений»¹³, — делает вывод исследовательница.

В монографии «Албания в период Восточного кризиса» И.Г. Сенкевич высоко оценила принятие Лигой в ноябре 1878 г. программы автономии Албании, что явилось, по мне-

нию автора, первым шагом на пути к провозглашению ее независимости в ноябре 1912 г. Позднее, в 1881 г., некоторые прогрессивные албанские деятели выдвигали программу полного освобождения Албании, а не только ее автономии. Большим достижением автора явилось рассмотрение в деятельности Лиги тенденции к союзу с соседними славянскими народами в их борьбе за освобождение от турецкого ига, проявление доверия и симпатии к России вкупе с желанием заручиться ее поддержкой.

Уже в 1950-е годы предметом исследования советских историков стала вторая ключевая проблема албанской истории — освободительное движение в начале XX в. Первые работы по этой тематике принадлежат И.С. Галкину¹⁴. Впоследствии результаты своих исследований он опубликовал в монографии «Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг.» (М., 1960), при написании которой использовал документы из АВПРИ.

Несмотря на то, что главным объектом его исследовательского внимания являлась политика великих держав в балканском регионе в целом и в албанском вопросе, в частности, тем не менее, И.С. Галкин рассмотрел довольно подробно развитие освободительного движения в Албании, его особенности и движущие силы. Не обошел он вниманием и проблему взаимоотношений албанского освободительного движения с младотурецким правительством. «Антиалбанская политика младотурок, — подчеркивает И.С. Галкин, — вызвала сопротивление со стороны местного населения. Организационными центрами этого сопротивления стали национальные клубы». И далее: «Оживление культурно-просветительной деятельности в Албании после революции 1908 года было одной из форм национального движения и сплочения народа. Через новые национальные клубы, школы, а также путем издания и распространения газет албанцы приобщались к политической жизни»¹⁵.

И.С. Галкин представил впечатляющую картину освободительного движения албанцев, изложил ход восстаний нача-

ла XX в., высоко оценил акт провозглашения независимости Албании в 1912 г. и показал отношение великих держав к этому событию.

В 1957 г. в журнале «Новая и новейшая история» (№5) была опубликована статья И.Г. Сенкевич, посвященная 45-летию провозглашения независимости Албании¹⁶. Это была ее первая публикация по теме и как бы краткое изложение ее будущей монографии. Весьма важным, на наш взгляд, является следующий вывод автора: «К концу первого десятилетия XX в. в международной политике на Балканах албанский вопрос был одним из наиболее важных. Подъем национального движения в Албании привлек внимание правительств как великих держав, так и балканских государств»¹⁷. Автор подчеркивает, что отделение Албании от Турции произошло в исключительно сложной международной обстановке. Решительные победы армий государств Балканского союза над турками, с одной стороны, и стремление Австро-Венгрии укрепить свои позиции, с другой, — сыграли определенную роль в провозглашении независимости Албании. Однако создание независимого Албанского государства являлось, прежде всего, результатом освободительной борьбы самого албанского народа.

Значительным вкладом в изучение вышеуказанной проблемы стала уже упоминавшаяся монография И.Г. Сенкевич «Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг.». Ее уникальность заключается в том, что она в значительной степени написана на архивных документах, и не только из отечественных архивов. И.Г. Сенкевич, одна из немногих советских ученых, успела побывать в научных командировках в Албании до разрыва советско-албанских отношений и основательно потрудиться там в документальных хранилищах (в том числе частных), а также познакомиться с материалами рукописных фондов музеев и библиотек. Кроме того, она встретилась со здравствующими еще в те годы ветеранами — участниками событий начала XX в. Среди них были — Муса Дэми, Мильто Сотир Гура, Тома Папаю, Атанас Висо и др. Они сообщили исследовательнице интересные подробности, которые нашли место в ее книге.

В монографии детально представлено развитие освободительного движения в Албании в 1905–1908 гг., показано влияние на него первой русской революции 1905–1907 гг. и младотурецкого движения в Османской империи. «Своеобразие общественной жизни..., – подчеркивает И.Г. Сенкевич, – заключалось в том, что турецкое буржуазно-революционное движение развивалось параллельно с более сильным по своей массовости и национальному сознанию освободительным движением нетурецких народов, входивших в состав империи»¹⁸.

Глубоко изучен автором вопрос о взаимоотношениях лидеров албанского освободительного движения с турецкими буржуазными революционерами и роли албанского освободительного движения в победе младотурецкой революции. Важен вывод о том, что большое значение для победы младотурок имела поддержка, полученная ими от албанских крестьян Косовского вилайета. Большинство представителей демократического течения в албанском освободительном движении, как показано в книге, занимали враждебную режиму младотурок позицию, считая, что их планы несовместимы с задачами, стоявшими перед стремившимися к независимости албанцами. Вместе с тем, последние старались использовать в своих интересах те ограниченные политические права, которые турки были вынуждены временно им предоставить.

Основной формой национального движения в этот период, констатирует автор, стала борьба за создание национальных школ и клубов. В книге приводится интересный факт (из документов АВПРИ): в г. Эльбасан самое большое здание – тюрьма – было превращено в школу, в которую в первый же день записалось около полутора тысяч человек¹⁹.

Организация школ и распространение албанских книг превратились в массовое, общенародное движение, особенно на юге Албании. С этим процессом, как показала И.Г. Сенкевич, была тесно связана деятельность албанских клубов и просветительских обществ, программы которых предусматривали организацию школ, а также требовали равенства, свободы албанской нации и языка. Уже в первый период существования албанских клубов во многих из них создавались комитеты, ко-

торые нелегально вели антитурецкую пропаганду. В результате деятельности албанских клубов тайные национальные комитеты были созданы во многих городах Албании.

В книге подробно изложены основные вехи албанского освободительного движения рассматриваемого периода: проведение Первого албанского конгресса в Монастыре (ноябрь 1908 г.), участие албанцев во главе с И. Кемали в турецком парламенте, восстания 1910 и 1911 гг. Автор систематизировала весьма путаные и разбросанные данные об этих восстаниях и проанализировала весь комплекс связанных с ними вопросов.

Борьба албанского народа за национальный язык и школу, за право издания книг и газет на албанском языке, за национальные клубы и независимую церковь, вместе с массовым движением против выплаты непосильных налогов и несения военной службы в турецкой армии, рассматриваются И.Г. Сенкевич как единый процесс. И это в то время, когда ряд историков считали, что освободительное движение албанского народа сводилось лишь к выступлению горцев против выплаты налогов и за сохранение своих прежних привилегий.

И.Г. Сенкевич подробно проанализировала содержание важнейшего документа албанского освободительного движения – меморандума властям, разработанного членами албанского комитета Подгорицы (Черногория) при активном участии Исмаила Кемали и Луидя Гуракучи и принятого восставшими 23 июня 1911 г. на собрании в черногорском селе Герче. Документ (брошюра в красной обложке) получил название «Меморандум из Герче» или «Красная книга». В документе содержалось 12 требований и небольшая вводная часть. Появление «Красной книги», подчеркивает И.Г. Сенкевич, имело очень большое значение: «Впервые за долгие годы национально-освободительного движения албанские патриоты имели единую программу, выдвигающую требование автономии». Значение этого документа заключалось и в том, что он «формулировал это требование от имени населения всей Албании, благодаря чему оно приобретало общенациональный характер»²⁰.

Подробно рассматривает исследовательница и вопрос о всеобщем восстании в Албании в 1912 г.

Анализируя причины поражения восстаний 1910–1912 гг., И.Г. Сенкевич справедливо указывает на то значительное влияние, которое они, тем не менее, оказали на ход событий, окончательно подорвав позиции Турции и подготовив завоевание Албанией независимости. При этом автор подчеркивает весьма существенный момент: албанцы, в отличие от других балканских народов, в своей освободительной борьбе не уповали на великие державы и их поддержку, а рассчитывали в основном на самих себя. В качестве подтверждения этого тезиса И.Г. Сенкевич привела цитату из албанской газеты «Коха» от 4 декабря 1911 г.: «... все свои надежды мы должны возлагать только на собственные силы, а не на справедливость Европы, которая принимает сторону сильного, а не правого»²¹.

Следующим важным этапом в развитии исторической албанистики в целом и изучении проблемы «На пути к образованию Албанского государства», в частности, являются, на наш взгляд, 1970–1980-е годы.

К сожалению, в 1968 г. безвременно ушла из жизни И.Г. Сенкевич. Однако остальные ученые продолжали свои «албанские» исследования, совмещая их: Г.Л. Арш – с «греческими» и «международными», а Н.Д. Смирнова – с «итальянскими» и «международными». При этом они постоянно наращивали источниковедческую базу своих трудов, открывая все новые и новые уникальные документы.

Так, к столетию Призренской лиги Н.Д. Смирнова подготовила и опубликовала специальную статью, целью которой, по признанию самого автора, было «представление читателям новых материалов, хранящихся в АВПР и расширяющих сведения об истории лиги, собранные И.Г. Сенкевич»²². Ряд донесений российского посла в Константинополе А.Б. Лобанова-Ростовского и консулов на Балканах (М.К. Ульянова, И.А. Крылова, Н.П. Скрыбина и др.) свидетельствуют о довольно широком развитии идей автономии и независимости Албании. Описывая в подробностях вооруженные столкновения в связи с турецко-черногорским и турецко-греческим разграничением на основании решений Берлинского конгресса, российские дипломаты не могли не видеть связь этих относительно

мелких конфликтов с более широкими целями, которые выдвигались по мере развития движения. Во многих донесениях в МИД России звучит мотив о неизбежности перерастания борьбы против навязываемого силой разграничения в борьбу за независимость.

Заслуживает внимания приведенный Н.Д. Смирновой очень интересный документ — описание разговора, состоявшегося между А.Б. Лобановым-Ростовским и представителями Призренской лиги в июле 1879 г.: «Когда я спросил делегатов, почему они предпочитают пребывать под властью Порты, а не сделаться греческими подданными и пользоваться преимуществами правления более или менее цивилизованного, они мне ответили, что речь идет не о предпочтении господства турецкого греческому; то, что они желают получить, — это полную автономию, подобно другим национальностям Балканского полуострова»²³.

В драматическом освещении предстает в документах завершающий этап деятельности Лиги. Сообщения от января-марта 1881 г. повествуют об успехах войск Лиги в Призрене и Ускубе. А в апреле—мае стали поступать подробные донесения о карательных экспедициях Дервиш-паши по прозвищу «Мясник», которые зафиксировали последние отчаянные усилия Лиги противостоять напору турецкой армии.

«Русские» материалы о Призренской лиге, изученные Н.Д. Смирновой, позволили ей прийти к обоснованному выводу о том, что именно в период деятельности Лиги проблема автономии Албании «стала казаться реальной и близкой к осуществлению»²⁴.

Теме «Призренская лига и русское общественное мнение» посвятила опубликованную в 1978 г. статью Г.Л. Маньковская²⁵. Прежде всего автор подчеркнула важную роль этой организации «в консолидации национальных сил» Албании для борьбы против османского ига²⁶. Далее она раскрывает обозначенную в заглавии тему на основе скрупулезного анализа материалов двух ведущих русских периодических изданий — либерально-буржуазной газеты «Голос» и газеты консервативного направления «Новое время». Имея широкую сеть собственных

корреспондентов за рубежом, эти органы регулярно помещали самую различную информацию об албанских событиях и деятельности Призренской лиги. Так, по подсчетам Г.Л. Маньковской, только с июня 1878 г. по апрель 1881 г. об Албании в «Голосе» было опубликовано 346, а в «Новом времени» – 127 сообщений, телеграмм, обзоров собственных корреспондентов и перепечаток из зарубежных изданий²⁷. Нет сомнения в том, что эти впечатляющие цифры свидетельствуют о значительном интересе российской общественности к событиям на Балканах, и не только в славянских странах, но и в Албании.

На страницах газет нашел отражение характерный для различных общественных кругов России дух сочувствия антиосманскому освободительному движению народов Балканского полуострова. В публикуемых материалах неоднократно выражалась поддержка борьбы албанцев и Албанской лиги за автономию и независимость. Лишь в небольшом числе публикаций высказывались сомнения в возможности национального объединения албанцев и национальном характере Лиги.

Среди корреспондентов «Нового времени» Г.Л. Маньковская выделяет Вас.И. Немировича-Данченко, считавшего, что одна Россия искренне может помочь албанцам «создать цельную сплоченную Албанию»; А.Н. Молчанова, характеризовавшего албанцев как «наивыгоднейших наших друзей-союзников», и корреспондентку «Голоса» в Вене А.В. Каирову, посвятившую в 1879–1880 гг. около 10 статей специально албанскому вопросу и считавшую, что Россия должна поддерживать идею самостоятельности албанцев и помочь им в ее осуществлении.

В русской прессе рассматриваемого периода, как показала Г.Л. Маньковская, печатались материалы о разнообразной деятельности Лиги, «фактической владелицы Албании», о ее связях с движением в Боснии и Герцеговине против австро-венгерской оккупации, о военных силах Лиги и ее руководителях (Никола Джеб, Ахмет-ага, Давид-эфенди, Хаджи-Омер и др.), а также программные документы Лиги – перепечатки (в переводе) из константинопольских газет. Некоторые из них исследовательница публикует в своей статье, так как

в полном виде они имеются только на албанском языке, а на русском – в сокращенном изложении в «Краткой истории Албании» (М., 1965. С. 100–101) и в книге И.Г. Сенкевич «Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.)» (М., 1965. С. 106–107).

Приведенные Г.Л. Маньковской данные русской периодической печати, не исчерпывающие и порой противоречивые, не содержат глубокого анализа социально-экономической и политической составляющих в деятельности Лиги, однако они весьма важны, так как, во-первых, свидетельствуют о большом интересе в России к событиям в Албании, а во-вторых, дополняют те материалы, которые российские албанисты сумели обнаружить в архивах.

Завершая рассмотрение трудов по истории Албании, созданных советскими историками в 60–70-е годы XX в., следует отметить также монографию этнолога Ю.В. Ивановой «Северная Албания в XIX – начале XX в. Общественная жизнь» (М., 1973). В ней подвергнуты историко-этнографическому анализу общественные отношения в высокогорной области Северной Албании на основе документов обычного права, донесений русских консулов, архивных материалов из Сербии и Албании и личных наблюдений автора, отраженных в полевых дневниках 1956 и 1958 гг. Монография помогает понять причины участия населения северных районов Албании в борьбе против турецкого господства.

В 1980-е годы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (прежнее название Института славяноведения РАН) «стартовал» масштабный исследовательский проект под названием «Международные отношения на Балканах (конец XVIII – начало XX вв.)», руководителем которого стал В.Н. Виноградов. В последующие десятилетия была выпущена целая серия трудов (по отдельным периодам)²⁸, ставших значительным событием в отечественной балканистике. В них авторы, сотрудники академических исторических институтов, выделили основные этапы балканской политики не только России, но и других великих держав, показали особенности этой политики в различные периоды и определили ее результаты для

народов Балкан. Коллективные «международно-балканские» монографии являются обобщающими трудами, учитывающими достижения отечественных ученых, разрабатывающих проблемы истории как отдельных балканских народов, так и международных отношений в регионе.

Автором «албанских» разделов всех трудов этой серии в период с конца XVIII в. до 1878 г. являлся Г.Л. Арш. Разумеется, при их написании ученый опирался на результаты собственных изысканий, осуществленных в предшествующие десятилетия, а также на труды своих коллег-албанистов. Вместе с тем эти разделы не являются повторением предыдущих работ — они содержат как новые материалы (главным образом архивные), так и новые оценки и характеристики. Остановимся на этом более подробно, имея в виду, прежде всего, проблему «На пути к образованию Албанского государства».

Среди наиболее значимых событий в истории Албании в конце XVIII — начале XIX вв. Г.Л. Арш, как и ранее, выделяет создание и существование полунезависимых пашалыков — Шкодрина и Янинского. При этом он акцентирует внимание на международном аспекте — контактах их правителей Махмуда-паши Бушати и Али-паши Тепелена с Россией, Англией и Францией, позднее с Австрией. Причем, в конце XVIII в., констатирует Г.Л. Арш, «центр дипломатической активности держав на Западных Балканах переместился в Янину»²⁹. Автор подробно прослеживает все перипетии переговоров Али-паши, нуждавшегося во внешней опоре в его борьбе с султаном, с представителями великих держав, показывает стремление последних использовать янинского пашу для реализации своих военно-политических планов. Однако переговоры и контакты, о которых подробно пишет Г.Л. Арш, не привели к заключению какого-либо союза ни с одной из держав ни во время, ни после наполеоновских войн. Французская дипломатия поддерживала и в значительной степени инспирировала враждебные замыслы Порты против Али-паши. Российский же МИД не собирался поддерживать его сепаратизм, так как после 1814 г. правовой основой политики России на Балканах стала система ее мирных договоров с Османской

империей, а янинский правитель был вне этой системы. Лондонский кабинет после наполеоновских войн стал рьяным защитником целостности Османской империи и, не нуждаясь больше в услугах Али-паши, оставил его на произвол судьбы и Порты. Таким образом, в преддверии начавшейся в 1820 г. войны между Али-пашой и султаном Махмудом II, первый оказался без какой-либо внешней опоры, что и предопределило его гибель³⁰.

Во время греческой революции 1821–1829 гг., отмечает Г.Л. Арш, имели место рост волнений в Южной Албании, развертывание партизанской борьбы против турецких гарнизонов, установление связей с восставшими греками. Немалое внимание ученый посвятил драматическим событиям в Шкодринашском пашалыке 1820-х – начала 1830-х годов, в период борьбы султана с последним его наследственным правителем Мустафа-пашой Бушати. При этом Г.Л. Арш подчеркнул, что на завершающей стадии русско-турецкой войны 1828–1829 гг. «с точки зрения международной обстановки албанское движение находилось в самой неблагоприятной ситуации»³¹. Ни одна из держав не поддержала Мустафа-пашу, и в 1831 г. Шкодринашский пашалык был ликвидирован.

Подводя итоги важному периоду в истории Албании, когда страна управлялась наследственными семьями местных феодалов, Г.Л. Арш констатировал, что пашалыкам принадлежало немаловажное место в истории международных отношений на Балканах. «Впервые после османского завоевания Албания стала не только географическим понятием. Через голову и вопреки Порте правители албанских «княжеств» вступали в дипломатические контакты с европейскими правительствами. Албанские правители предпринимали и попытки, продиктованные, как правило, угрозой их власти со стороны султана, отколоться от Османской империи. Попытки эти, – подчеркивает автор, – оказались безуспешными, прежде всего из-за отсутствия достаточно широкой и прочной внутренней опоры. Кроме того, мусульманская верхушка албанского общества была идеологически и политически тесно связана с османским государством и обществом»³².

И в «Международных отношениях на Балканах» Г.Л. Арш делает важный вывод, уже прозвучавший в более ранних его трудах: «...несмотря на свой ограниченный характер, борьба Али Тепелены и властителей из рода Бушати против султана способствовала развитию национального самосознания албанцев, созданию предпосылок для формирования национально-освободительного движения»³³.

Обратившись к анализу положения Албании после 1830 г., Г.Л. Арш подчеркнул ряд моментов. Во-первых, крайне медленное развитие товарно-денежных отношений. «Страна, расположенная менее чем в ста километрах от итальянского побережья, — пишет автор, — находилась еще в феодальном средневековье»³⁴. Во-вторых, Порта, после ликвидации полунезависимых пашалыков, стремилась упрочить свою власть в Албании путем распространения на нее новой централизованной системы управления. При этом она придерживалась следующих принципов: никогда не объединять албанцев в рамках одной административной единицы и включать в эти единицы наряду с албанскими землями территории, населенные сербами, болгарами, греками и другими народами. Разумеется, подобная политика затрудняла освободительную борьбу албанского народа, но не могла ее приостановить.

Рассматривая вопрос о восстаниях 1833—1835 гг., Г.Л. Арш отмечает, что в ходе их «проявились, наряду с патриотизмом и стихийным демократизмом народных масс и политическими стремлениями албанского феодального класса, элементы демократической национальной идеологии». Ученый объясняет это влиянием революционных событий в Греции, в которых многие албанцы приняли участие³⁵.

В 1840-е годы восстания происходят с новой силой, что было вызвано сопротивлением албанского населения реформам Танзимата. Значение этих восстаний Г.Л. Арш определяет тем, что они внесли свой вклад в дело освобождения Албании и явились начальным этапом албанского национального Возрождения³⁶. Обратившись к этому вопросу, ученый подчеркивает следующий момент: в ходе восстаний звучали призывы к единству всех албанцев и независимости страны;

одновременно выявились большая региональная разобщенность, отсутствие общей для всей Албании политической программы и координации между отдельными освободительными выступлениями. Однако именно в 1840-е годы, по мнению Г.Л. Арша, зарождалась идеология албанского освободительного движения.

При отсталости общественных и культурных условий в Албании выдающуюся роль в этом процессе играли эмигрантские колонии, особенно бухарестская. Г.Л. Арш впервые в отечественной историографии изучил деятельность Наума Векильхарджи (1797–1859), жившего в Бухаресте и ставшего создателем албанского алфавита, первым идеологом албанского Возрождения³⁷. Это исследование, проведенное с использованием новых, открытых автором документов, позволило ему прийти к важному выводу: «Национально-просветительский этап был закономерным явлением для всех национальных движений на Балканах. Значение его для албанского народа состояло в возможности противостоять как эллинизаторской деятельности греческого духовенства, так и панисламистским идеям...»³⁸.

Период 1850-х годов рассмотрен в «Международных отношениях на Балканах» довольно кратко, как и в работах И.Г. Сенкевич и в «Краткой истории Албании» (М., 1965). Тем не менее, автор соответствующего раздела Г.Л. Арш указал на особенности процессов, которые проходили в тот период в албанских землях. Важнейшей из них стало приостановление централизаторских реформ. Порта предписала турецким чиновникам быть более терпимыми и не прибегать к силе. За некоторыми местными вождями были вновь признаны их привилегии, что обеспечило их участие на стороне Турции в ее войне с Черногорией в 1852–1853 гг. В период Крымской войны 1853–1856 гг. Порта также использовала военные ресурсы Албании. Правда, горцы-католики Северной Албании, а также беи Южной Албании отказались воевать против России. Вместе с тем, подчеркивает автор, они весьма активно вмешивались в события в соседних провинциях Османской империи, особенно в Эпире³⁹.

Социально-экономическое положение Албании в 50–70-е годы XIX в., роль церкви, политика великих держав, рост экспансионистских устремлений соседних балканских государств в отношении албанских земель — все эти вопросы стали предметом рассмотрения Г.Л. Арша в следующем труде вышеуказанной серии — «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986). В этот период, по определению учебного, перед албанскими патриотами стояла нелегкая задача: «вести борьбу за ликвидацию господства османских угнетателей, защищая одновременно национальное единство и территориальную целостность страны от поползновений новых захватчиков»⁴⁰.

Анализируя события 1870-х годов, Г.Л. Арш отметил, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. дала сильный толчок росту освободительных стремлений албанского народа.

Остановился ученый и на ключевом вопросе албанской истории этого периода — о Призренской лиге. Рассмотрев основные этапы деятельности этой первой общеалбанской политической организации, которая выдвинула и пыталась претворить в жизнь широкую национальную программу, а также проанализировав развитие широкомасштабного антитурецкого движения после 1878 г., когда власть в стране фактически перешла к местным комитетам Лиги, Г.Л. Арш показал и ее международные связи, в частности, контакты с Россией⁴¹.

В 1980-е годы в секторе новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР интенсивно разрабатывалась тема, касающаяся развития государственности на Балканах. Это было новое направление исследований — до этого главное внимание сотрудников данного научного подразделения уделялось истории национально-освободительных движений и русско-балканских связей.

Коллективный труд «Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)» вышел в свет в 1986 г. Автором его десятой главы «Албания» являлась Н.Д. Смирнова (приглашенный автор).

Используя уже имевшуюся литературу по данной тематике, а также собственные «наработки», исследовательница

проследила развитие Албании в указанный период под углом формирования ее государственности.

Прежде всего, Н.Д. Смирнова обратилась к вопросу о полунезависимых пашалыках в Северной и Южной Албании. По ее мнению, они стали «первыми государственными объединениями в истории Албании нового времени»⁴². Она согласна с точкой зрения Г.Л. Арша о том, что пашалыки, имевшие полную самостоятельность во внутренних делах и широкие, независимые от Порты связи с иностранными державами, явились своего рода опытом албанской государственности. Исследовательница подчеркивает при этом следующее: длительное существование Шкодринского и Янинского пашалыков стимулировало процесс этнической консолидации албанцев в рамках двух основных групп — гегов и тосков. Все это впоследствии оказало положительное влияние на формирование общеалбанского национального движения. Наконец, был достигнут прогресс в экономическом развитии объединенных в пашалыки территорий, ибо в этот период (в отсутствие военных действий) устанавливались более прочные торгово-экономические связи, создавались условия для постепенного развития единого рынка⁴³.

Анализируя положение в албанских землях в 30-е годы XIX в., после разгрома султанскими войсками албанских феодалов-сепаратистов, Н.Д. Смирнова отмечает, что в правительственном аппарате столицы Османской империи албанская знать, как и прежде, сохраняла довольно сильные позиции, и эта часть феодалов и высших чиновников была заинтересована в централизаторских реформах и впоследствии выступала на стороне Порты против освободительных движений на Балканах.

Значительное внимание исследовательница уделила антиосманской борьбе албанцев в 30–40-е годы XIX в., в основе которой лежал протест против административной и военной реформ. При этом, как показано автором, народ боролся против усиления экономического гнета, а феодалы — за восстановление утерянных позиций. Вместе с тем, начиная с середины 40-х годов XIX в., «все явственнее проявляются национальные

требования, которые на первых порах сводились к объединению территорий с албанским населением в единый санджак и к созданию для них особого статуса, отличного от других районов Османской империи»⁴⁴. Так постепенно происходил переход от регионального к общенациональному самосознанию. При этом Н.Д. Смирнова пишет об активной роли класса феодалов в албанских землях, влиятельной экономической и политической силы, выступавшей в качестве руководителя национальных движений.

Разумеется, в работе о развитии албанской государственности Н.Д. Смирнова не могла обойти вниманием вопрос о Призренской лиге, тем более что, как это было отмечено выше, она обнаружила в 1970-е годы в АВПРИ целый блок документов по данной проблематике. Лигу она называет военно-политической организацией, объединившей наиболее влиятельных людей Албании⁴⁵. В трактовке автора деятельность Лиги развивалась по двум направлениям: против принятых международными комиссиями решений о разделе территорий, населенных албанцами, и как движение за автономию. Н.Д. Смирнова остановилась также на позиции великих держав по албанскому вопросу. Порта сопротивлялась претворению на практике идей автономии Албании. Австро-Венгрия, Италия и Франция также противодействовали этому — у них были свои планы в отношении Албании. «В подавляющем большинстве случаев, — пишет автор, — планируемое албанское государство должно было объединять какую-либо, причем незначительную, часть территории с албанским населением, что противоречило планам Лиги, борющейся на заключительном этапе своей деятельности за объединение всех албанцев независимо от религиозной принадлежности»⁴⁶.

Логическим продолжением труда «Формирование национальных независимых государств на Балканах» стала коллективная монография «Балканы в конце XIX — начале XX в. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе» (М., 1991), в которой автором текста по Албании также являлась Н.Д. Смирнова.

Среди многочисленных сюжетов, связанных с ситуацией в албанских землях после разгрома в 1881 г. Призренской лиги, автор закономерно выделяет вопрос о росте освободительных устремлений и идей в албанском национальном движении в 80–90-е годы XIX в. и о выработке проектов создания независимого Албанского государства. В связи с этим она рассматривает труд одного из виднейших идеологов национального движения Сами Фрашери (1850–1904) под названием «Албания: какой она была, есть и будет» (1899). В нем автор выступал за полное отделение Албании от Турции и создание демократической республики, в которой все органы государственной власти избираются самим народом. Далее Н.Д. Смирнова отмечает, что в манифесте созданного в этот период Албанского комитета («Чего хотят албанцы») категорически отвергалась идея протектората над Албанией любой великой державы⁴⁷.

К концу XIX в. относится начало формирования новой общеалбанской организации, целью которой было объединение народа в борьбе за автономию. В работе Н.Д. Смирновой рассматривается вопрос о собрании в Пейи 500 представителей главных городов вилайетов Шкодра, Косово и Монастырь. На нем было принято решение об образовании Албанской лиги, участники которой были бы объединены «бесой», т.е. «Великой клятвой верности», и во главе которой встал мулла Хаджи Зека. Автор отмечает, что заседания в комиссиях проходили при закрытых дверях, и до сих пор не обнаружены достоверные данные об их работе. Вместе с тем известно, что выдвижение требований шло по двум основным направлениям: обеспечение целостности албанских земель и достижение автономии. При этом если первое из этих требований поддерживалось всеми участниками собрания, то второе наталкивалось на сопротивление консервативного крыла и не было включено в решение. Порта предприняла ряд мер по подрыву и ликвидации Лиги Пейи, и весной 1900 г. она распалась, «так и не став более высоким (по сравнению с Лигой Призрена) этапом развития национально-освободительного движения»⁴⁸.

Обращаясь к событиям в Албании начала XX в. (анти-турецкие выступления 1903–1907 гг., поддержка албанцами

младотурецкой революции и др.), Н.Д. Смирнова, разумеется, не обходит вниманием такой важный вопрос как проведение 14–22 ноября 1908 г. в Монастыре I Всеалбанского конгресса, официально созданного для принятия единого албанского алфавита, а фактически ставшего форумом, на котором обсуждались политические задачи албанского освободительного движения. При этом автор приводит донесение в Петербург российского консула в Монастыре П. Каля, который писал: «...главной целью албанского конгресса был не столько вопрос об азбуке, сколько желание объединить всех албанцев». Решения конгресса и принятие программы действий (18 пунктов), делает вывод Н.Д. Смирнова, «имели большое значение для развития албанского движения. Выработанная на нем общенациональная платформа сплотила борцов за освобождение»⁴⁹.

Разумеется, динамично и порой трагично развивавшиеся события в Албании начала XX в. уже были в 1950-е годы детально изучены И.Г. Сенкевич, о чем говорилось выше. Вместе с тем, эта работа Н.Д. Смирновой отличается (при ее небольшом объеме) аналитичностью и четкостью формулировок, стройным изложением материала, обоснованностью выводов.

В качестве следующего, важного, по ее мнению, этапа в борьбе за независимое Албанское государство исследовательница выделяет национальные албанские конгрессы в Дибре и Эльбасане в 1909 г. Эльбасанский конгресс, в частности, осудил вмешательство великих держав во внутренние дела Албании, усилившееся после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. И, наконец, Н.Д. Смирнова рассмотрела новый, решающий этап в развитии албанского освободительного движения с начала 1912 г., который привел к провозглашению независимости Албании. Анализируя обстановку, сложившуюся в балканском регионе после этого события, и позиции великих держав, автор, ссылаясь на обнаруженные ею архивные документы, констатирует: «...В тот период положительное отношение к перспективе создания независимой Албании... было распространено, если не преобладало, в российских дипломатических представительствах»⁵⁰.

Итак, рассмотрение «советского» этапа развития отечественной исторической албанистики позволяет сделать вывод о том, что он был весьма плодотворен и отмечен значительными достижениями наших ученых. Разумеется, в советскую эпоху, согласно правилам «игры», историки должны были делать обязательные для того времени «марксистские реверансы», но это не влияло на научное качество их трудов. Они всегда старались, опираясь на документы, уходить от прямолинейных и односторонних оценок и, несмотря на трудности переходного периода, остались верными своему призванию.

1990-е годы, уже ушедшие в историю, но хорошо памятные всем нам, были весьма непростым временем как для российской науки в целом, так и для ее непосредственных тружеников. Вместе с тем они являлись логическим продолжением предыдущего этапа в развитии отечественной албанистики. И значительным достижением этого этапа, безусловно, стал выход в свет в 1992 г. солидного коллективного труда под довольно скромным названием «Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней». Авторами интересующих нас разделов являются Г.Л. Арш и Н.Д. Смирнова.

Отличительной чертой данного незаурядного труда, хотя он написан без сносок*, является его высокий научный уровень. Ссылок на документы в книге нет, но они обильно цитируются, убеждая читателей в ее научности и фундированности. Наряду с этим авторы используют труды албанских историков. С момента публикации первой «Краткой истории Албании» к тому времени прошло уже почти 30 лет, и, разумеется, возникла необходимость вновь вернуться к ключевым событиям албанской истории. Проблема «На пути к образованию Албанского государства», являющаяся предметом нашего рассмотрения, прослеживается в этом труде четко и последовательно, красной нитью проходит через всю книгу. Обратимся же к ее содержанию, основным положениям и выводам.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что все главные события албанской истории, уже известные из предыдущих трудов, нашли свое место на страницах «Краткой истории Албании».

* Это была единая форма для всех «Кратких историй», выпускаемых Институтом.

Однако новые материалы, открытые учеными к тому времени, позволили им дополнить и уточнить ранее известные факты, осветить слабоизученные ранее вопросы – о русско-албанских связях в конце XVIII – начале XIX вв., об участии албанцев в русско-турецких войнах, а также создать яркие исторические портреты деятелей албанского Возрождения. Так, говоря о первом национальном идеологе и просветителе Албании Науме Векильхарджи, Г.Л. Арш, уже опубликовавший в 1974 г. о нем специальную статью (см. прим. 37), на основании обнаруженных им новых документов, сообщает, что отец Наума – Панайот Векильхарджи, находясь в 1807–1809 гг. в должности векильхарча (управляющего, эконома) при турецком паше в осажденном русскими войсками Измаиле, взял на себя роль добровольного осведомителя русского командования⁵¹.

Анализируя перемены в социально-экономической и политической сферах в европейских провинциях Османской империи, в том числе в Албании, Г.Л. Арш констатирует, что шли они медленно и мучительно. Выглядевшие на бумаге либерально и прогрессивно реформы превращались на местах в орудие произвола властей по отношению к населению. «...В Стамбуле не проявляли большой настойчивости в претворении в жизнь собственных решений, касавшихся предоставления гражданских прав немусульманскому населению. Первостепенное значение здесь придавали другому аспекту реформ – централизации власти и подавлению всякой самостоятельности, которой пользовалось население некоторых областей в дореформенные времена. И эту сторону реформ албанцы ощутили очень скоро»⁵², – пишет автор. Существенно усилился налоговый гнет, были отменены привилегии для горцев, что привело к обострению ситуации и новым освободительным акциям албанских патриотов в 1860-е годы. Как отмечает Г.Л. Арш, в 1866–1869 гг., в связи с Критским восстанием, Портой даже обсуждался план создания особого албанского вилайета с центром в Призрене. Помимо албанских земель в состав вилайета предполагалось включить обширные территории Европейской Турции. По замыслам авторов этого проекта, албанский элемент должен был стать своего рода

противовесом усиливавшемуся освободительному движению других балканских народов.

Г.Л. Арш высоко оценивает значение антитурецких восстаний в Албании в 30–70-е годы XIX в., направленных в конечном счете против упрочения власти османов. Результаты этих восстаний для различных частей страны, подчеркивает он, оказались неоднозначны: в большей мере Порте удалось утвердить свою административную систему на юге Албании, горные же районы севера фактически остались непокоренными, что имело важное значение для дальнейшего развития албанского национально-освободительного движения⁵³.

VII глава «Краткой истории Албании» посвящена Призренской лиге. Анализируя ситуацию, сложившуюся в албанских землях в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в., Г.Л. Арш отмечает важный момент: «...Ввиду неблагоприятной международной обстановки вопрос о вооруженном антиосманском восстании и создании независимого албанского государства был временно снят с повестки дня. Теперь албанские патриоты видели перед собой главную задачу в том, чтобы помешать отторжению албанской территории соседними балканскими государствами»⁵⁴. С этой целью предполагалось создание в рамках Османской империи автономного албанского вилайета, в который должны были войти все земли с преобладающим албанским населением. Автор подробно рассматривает вопросы о создании Лиги, которая определяется им как «военно-политическая организация с органами центрального и местного самоуправления», о ее составе, основных решениях, борьбе различных течений (радикального, умеренного, протурецкого), достижениях в разных сферах.

Статут Лиги, принятый 2 июля 1878 г. на общем собрании почти всех албанских районов, Г.Л. Арш считает важнейшим документом, так как, наделив ее широкими функциями в области управления, он стал «юридической базой для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии»⁵⁵. В период деятельности Лиги на местах шло создание органов местного управления, и вскоре «во многих районах Албании, — констатирует автор, — сложилось двоевластие»⁵⁶.

Движение, порожденное Призренской лигой, проявилось не только в политических, военных и дипломатических акциях. Оно оказало стимулирующее влияние на культурное развитие Албании и придало новые масштабы национально-просветительному движению. Этот вопрос также рассмотрен в «Краткой истории Албании». Среди выдающихся деятелей албанского Возрождения Г.Л. Арш выделяет братьев Сами и Наима Фрашери и Васо Пашко (1825–1892), автора книги «Правда об Албании и албанцах», первого произведения, написанного албанцем о своей стране.

И как итог рассмотрения вопроса о Призренской лиге — следующий обоснованный развернутый вывод: «...после трех лет существования Лиги и Албания, и ее население во многом были уже не те. Выдвинутая Албанской лигой программа национальной автономии впервые в истории страны объединила гегов и тосков, мусульман, католиков и православных, крестьян, горожан и патриотически мыслящих аристократов. Был сделан важный шаг на пути преодоления религиозных и региональных различий, тормозивших объединение всех патриотических сил в борьбе за национальное освобождение. Развернутая Лигой культурно-просветительная деятельность способствовала формированию единства духовной жизни народа. Благодаря Лиге национальные требования албанцев впервые стали предметом обсуждения дипломатии и общественного мнения Европы. С момента создания Албанской лиги начался отсчет времени на пути к достижению независимости. На печатях, знаменах, официальных документах новых патриотических организаций, возникших в начале XX в., стояла дата — 1878 г.»⁵⁷.

VIII глава «Краткой истории Албании», автором которой является Н.Д. Смирнова, носит красноречивое название «Тернистый путь к независимости». И изложенный исследовательницей материал, выделение ею главных составляющих этого этапа развития Албании подтверждают оправданность и точность данного определения. Разумеется, глава написана Н.Д. Смирновой на основе предыдущих работ — своих и других историков-албанистов. Вместе с тем в ней содержатся

новые интересные определения, наблюдения и выводы. Так, автор выделяет и подчеркивает важную особенность развития Албании в конце XIX в.: «... наряду с выступлениями экономического характера начала набирать... силы общенациональная тенденция: объединение албанцев на основе осознания ими общности языка, обычаев и культуры. Борьба за национальный язык, школу стала приобретать общенациональное звучание и размах, вторгаясь в сферу политической борьбы, развиваясь в русле движения за национальную независимость»⁵⁸.

В национальном движении Албании начала XX в. Н.Д. Смирнова выделяет 3 направления: феодальное, реформистское и национально-буржуазное — и раскрывает сущность каждого из них. Она подробно останавливается на характеристике национально-буржуазного направления, которое объединяло как радикальных, так и умеренных деятелей. В ряды левого, более демократического крыла входили представители интеллектуальной элиты албанского общества. Многие из них — Константин Кристофориди, братья Наим и Сами Фрашери, Тими Митко, Петро Люараси и др. — были известными писателями и просветителями.

Развитие идей автономии, как показала Н.Д. Смирнова, имело место в манифесте к великим державам под названием «Чего хотят албанцы?» (август 1898 г.) и в требованиях образованной в январе 1899 г. Лиги Пейи. На первый план в этот период албанскими патриотами выдвигалась задача сохранения территориальной целостности земель, населенных албанцами.

Прослеживая ход восстаний 1910–1912 гг., исследовательница подчеркивает, что идеологи албанского Возрождения, руководители патриотических организаций «никогда не делали серьезной ставки на поддержку их дела великими державами», ибо для Албании «выражение интереса и сочувствия к ее нуждам со стороны той или иной державы было чревато неприятными последствиями, а именно опасностью попасть под власть другого угнетателя или стать разменной монетой в нечестной политической игре»⁵⁹. Именно поэтому Н.Д. Смирнова определяет исторический акт 28 ноября 1912 г. как «кульминацию многовековой борьбы албанского народа против ос-

манского господства». «Решение конгресса во Влере, — пишет она, — имело огромное историческое значение для судеб албанского народа в XX в. С этого акта началась история строительства независимого албанского государства»⁶⁰.

В XXI в. интерес отечественных исследователей к рассматриваемой проблеме сохраняется. Об этом свидетельствует выход в свет целого ряда трудов, где присутствует «албанская» тематика. Прежде всего, это коллективные монографии из серии «История Балкан», предпринятой в Институте славяноведения РАН с начала XXI в. (отв. редактор — В.Н. Виноградов): «История Балкан. Век восемнадцатый» (М., 2004), «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2011) и «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856—1878 гг.» (М., 2012). В этих выполненных на высоком профессиональном уровне трудах представлена история балканских народов, в том числе албанского, на протяжении почти целого столетия. Автор текстов об Албании Г.Л. Арш, уже с позиции исторической науки XXI в., с учетом достижений отечественной и зарубежной албанистики, с привлечением новых документов (в основном из российских архивов) последовательно рассмотрел главные события в истории этой страны, выделил важнейшие особенности развития, начиная со средневековья, дал емкие характеристики отдельным явлениям и историческим деятелям, сформулировал целый ряд интересных выводов.

Прежде всего Г.Л. Арш отметил то огромное значение для духовной консолидации албанцев, которое имело «преклонение их всех — православных, католиков, мусульман — перед образом Скандербега. Культ великого воина Албании, — пишет автор, — зародившийся в османскую эпоху и сделавшийся важным элементом национального самознания, способствовал сохранению албанцами своей самобытности и спасению от грозившей им ассимиляции»⁶¹.

В XVIII в. берут свое начало русско-албанские связи, важная составляющая отношений России и Албании, которую

нельзя не учитывать при изучении многоплановой проблемы «На пути к образованию Албанского государства». Опираясь на открытые им документы, Г.Л. Арш уделяет этим сюжетам значительное внимание.

Впервые в российском политическом лексиконе, приходит к выводу ученый, албанцы появились в 1711 г. Именно тогда, в воззваниях Петра I накануне Прутского похода к балканским христианам с призывом поддержать Россию в ее войне с Турцией [из этих воззваний до нас дошли: «Грамота черногорскому народу» от 3 (14) марта 1711 г., «Грамота христианским народам, подвластным Турции» от 23 марта (3 апреля) 1711 г. (на греческом языке) и «Манифест Молдавии и Валахии и всем христианским народам» от 8 (19) мая 1711 г.], в числе прочих балканских христиан, фигурируют и албанцы. В греческом тексте «Грамоты христианским народам...» они именуются арнаутами, а в русском тексте «Манифеста Молдавии и Валахии...» — албанезами. Примечательно, что в варианте «Грамоты черногорскому народу», опубликованном известным биографом Петра I И.И. Голиковым, в качестве примера для подражания балканским христианам в их борьбе против османских завоевателей, называется «Георгий Кастриот, сиречь Скандербег», который «на шестидесяти трех главных баталиях неприятеля на голову побил»⁶².

Г.Л. Арш рассмотрел вопрос о вооруженном антитурецком восстании 1711 г., в котором активное участие приняли общины североалбанских горцев — Хоти, Кастрати, Кельменди, действовавшие в союзе со своими соседями-черногорцами. Восстание, как известно, было подавлено. Петр I в июле 1711 г., после поражения на реке Прут, был вынужден отказаться от похода на Балканы и заключить мир с турками. Однако, несмотря на неудачу, констатирует Г.Л. Арш, русско-турецкая война 1710–1711 гг. показала наметившийся поворот во внешнеполитической ориентации балканских народов, в том числе и албанцев. Теперь они все больше смотрели не в сторону Венеции и Вены, как прежде, а в сторону Петербурга, а с середины XVIII в. уже по собственной инициативе стремятся установить политические контакты с петербургским двором⁶³.

При анализе процесса складывания в Албании полунезависимых пашалыков — Шкодрина и Янинского — Г.Л. Арш также обращается к вопросу о русско-албанских контактах, имевших место накануне и во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. (химариоты, Яков Сума из Шкодры — первый албанец, побывавший с политической миссией в России). Ценные сведения о контактах албанцев-химариотов с агентами России и с самим А.Г. Орловым, руководителем первой Архипелагской экспедиции российского флота, содержатся в обнаруженных Г.Л. Аршем прошениях и записках химариотов, хранящихся в АВПРИ⁶⁴. Во время этой войны командующий российской эскадрой в Архипелаге адмирал Г.А. Спиридов 12 (23) марта 1771 г. обратился с воззванием к христианским народам Балканского полуострова, в котором призывал их подняться против турок для освобождения от «ига агарянского». Этот призыв нашел широкий отклик на Балканах. Автор приводит следующую цифру: общее число балканских выходцев, участвовавших в 1770—1774 гг. в морской войне в Архипелаге, составило 6.413 чел. И среди них были «албанские» батальоны⁶⁵.

В рассматриваемом труде Г.Л. Арш приводит немало новых фактов из истории русско-албанских связей конца XVIII в., в частности, о контактах с горцами-химариотами, исповедовавшими православие. По его данным, после войны многие переселившиеся в Россию химариоты, в основном в прибрежные черноморские области, продолжили военную службу в России в составе «Албанского войска» («Греческого полка»). Часть химариотов использовалась для консульской службы на Балканах (П. Бицилли в 1785 г. получил должность — «Генеральный консул России в Албании и Химаре»; его брат Джика стал генеральным консулом на Кефалонии; граф Антон Джика в 1785 г. — генеральным российским консулом в Рагузе). В начале XIX в. химариоты продолжали участвовать в военно-политических акциях России на Балканах. «В российских правящих кругах, — пишет автор, — к ним относились как к дружественному народу и по возможности оказывали им покровительство»⁶⁶.

Г.Л. Арш приводит данные и о том, что с конца XVIII в., в период борьбы против Порты правителя Шкодринского пашалыка Махмуда-паши Бушати, в Петербурге также сочли возможным установить с ним политические контакты. Посланнику в Венеции А.С. Мордвинову предписывалось «открыть с ним надежное сообщение для ободрения его на дальнейшее и неослабное противоборствование туркам»⁶⁷.

Проанализированы в рассматриваемом труде и контакты представителей России с Али-пашой Тепелена, правителем Янинского пашалыка (1787–1822), летом 1791 г.

Говоря о значении эпохи полунезависимых пашалыков, Г.Л. Арш подчеркивает следующие моменты:

1) хотя албанское население разделялось по религиозному признаку на мусульман, православных и католиков, тем не менее «история Албании религиозных междоусобиц не знает: сознание этнической общности являлось доминирующим фактором»;

2) существование пашалыков являлось особой формой национального пробуждения албанцев. «В пашалыках укреплялось сознание своей албанской идентичности и росли сепаратистские настроения в отношении Стамбула»⁶⁸.

В следующем труде из серии «История Балкан» – «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» – Г.Л. Арш продолжил рассмотрение истории албанских пашалыков (вплоть до их ликвидации). При этом он отмечает, что хотя войны с султаном велись феодальными пашами, боровшимися за сохранение личной власти, однако в этих войнах принимали участие и широкие слои населения, для которых они были продолжением вековой борьбы албанцев против османских поработителей⁶⁹.

При рассмотрении ситуации в Албании в 30–40-е годы XIX в. исследователь отмечает значительный потенциал освободительной борьбы албанцев этого периода. Вместе с тем он считает, что национальное движение, в точном значении этого понятия, у них отсутствовало – его идеология только начала формироваться «в условиях огромных и специфических трудностей»⁷⁰.

В следующей книге серии — «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг.» — Г.Л. Арш представил положение албанских земель в Османской империи в период Танзимата, освободительные акции 60–70-х годов XIX в., а также создание и деятельность Албанской (Призренской) лиги.

Автор уделил значительно большее внимание, чем в ранних своих трудах, предпринятой в 1862 г. попытке молодых шкодринских интеллигентов придать более широкий характер выступлениям горцев Северной Албании в защиту местной автономии и своих традиционных привилегий. Ареной действий представителей шкодринской патриотической группы стала Мирдита (правитель Биб Дода). Здесь они намеревались создать автономное или независимое княжество, которое, по их замыслу, стало бы ядром национального государства. Среди этих патриотов Г.Л. Арш выделил католического священника аббата Гаспера Красничича, чья самоотверженная деятельность была направлена на освобождение албанского народа от чужеземного ига.

Важным моментом в развитии освободительного движения албанцев в 1860-е годы автор считает то, что оно сливалось с освободительными выступлениями других балканских народов — греков, сербов, черногорцев. Эти акции подрывали мощь Османской империи и в конечном итоге вели к краху ее господства в Европе, несмотря на то, что Балканский союз в 1860-е годы так и не был создан.

Параллельно с антитурецкими восстаниями в Албании продолжалась разработка идеологии национально-освободительного движения. В этой связи Г.Л. Арш рассматривает взгляды и деятельность одного из видных интеллектуалов этого периода, последователя Наума Векильхарджи — Зэфа Юбани (1818–1880), историка, лингвиста, фольклориста, просветителя. Он отмечает, что З. Юбани большое внимание уделял социально-экономическим вопросам, ратовал за развитие Албании по буржуазному пути, выступал против идеализации патриархальных норм общественной жизни североалбанских горцев, так как не одобрял их борьбу за сохранение своих привилегий и самоуправления, видя в ней проявление консерва-

тивных традиций. По мнению Г.Л. Арша, ошибка З. Юбани заключалась в том, что он не учитывал важное обстоятельство: «сопротивление горцев турецким нововведениям объективно являлось продолжением вековой борьбы албанцев за свою свободу и самобытность и что непокоренные горцы Северной Албании были основной боевой силой албанского национально-освободительного движения»⁷¹. Подводя итоги рассмотрению взглядов З. Юбани, автор подчеркивает, что высказывания этого деятеля о необходимости для Албании иметь особые законы и учреждения «отражали стремления нарождавшейся буржуазии к достижению национальной автономии в рамках Османской империи. И позднее многие деятели албанского национально-освободительного движения выступали за сохранение Албании в составе Османской империи при условии получения, в тех или иных пределах, автономных прав»⁷².

Значительное внимание уделил Г.Л. Арш в рассматриваемом труде вопросу об Албанской (Призренской) лиге. Он подробно изложил историю ее создания в контексте тех событий международного значения, которые происходили на Балканах в конце 70-х годов XIX в. При этом автор подчеркнул, что в условиях, когда над Албанией, после окончания русско-турецкой войны, нависла угроза расчленения, идеологи албанского освободительного движения временно сняли вопрос о вооруженном антиосманском восстании и создании независимого Албанского государства. Главной задачей албанских патриотов в этот момент было помешать отторжению албанской территории соседними балканскими государствами. С этой целью ими предполагалось создание в рамках Османской империи автономного албанского вилайета, в который должны были войти все земли с преобладающим албанским населением.

Борьбу в защиту целостности национальной территории и должна была возглавить Албанская лига, объединив в одной организации представителей всех общественных слоев, всех религий, всех областей страны. При рассмотрении данного вопроса Г.Л. Арш показал отношение к Лиге османских властей, великих держав и самих албанцев; акцентировал внимание на борьбе представителей группировок внутри Лиги —

радикалов и умеренных — на разных этапах ее деятельности; проанализировал ее основные программные документы. Автор подчеркнул также весьма важный момент в истории албанского освободительного движения конца 1870-х годов, а именно: движение, вызванное к жизни Албанской лигой, проявилось не только в политических, военных и дипломатических акциях, но и в национально-просветительной сфере (создание алфавита албанского языка и опубликование букваря, деятельность культурно-просветительных обществ). Кроме того, исследователь отметил усиление в этот период политической активности не только руководителей Лиги, но и представителей ее местных отделений. «Можно без преувеличения сказать, — пишет Г.Л. Арш, — что благодаря Лиге в Албании впервые образовался граждански активный слой общества»⁷³. А это было весьма важно для будущего развития албанского освободительного движения. Весьма убедительно звучит следующий вывод автора при его рассуждениях о значении Лиги: в эти несколько бурных лет ее существования был сделан буквально рывок на пути преодоления религиозных и региональных различий, тормозивших объединение всех патриотических сил в борьбе за национальное освобождение, происходило формирование единства духовной жизни албанского народа.

События в Албании конца 70-х — начала 80-х годов XIX в., связанные с деятельностью Лиги, национальные требования албанцев, ставшие предметом обсуждения дипломатов и общественного мнения Европы, привели к тому, что и западные державы меняли свое отношение к этой стране. В связи с этим Г.Л. Арш привел выдержку из донесения британского посла в Стамбуле Гошена (июль 1880 г.), который писал: «Албанская национальность представляет собою элемент, который не следует игнорировать при любых будущих политических комбинациях»⁷⁴.

В начале XXI в. были изданы также две индивидуальные монографии по албанской тематике: Н.Д. Смирновой «История Албании в XX веке» (М., 2003) и Ю.В. Ивановой «Албанцы и их соседи» (М., 2006), ставшие важным вкладом в отечественную историческую албанистику.

Книга Н.Д. Смирновой вышла из печати уже после ее кончины. Она была издана благодаря руководству Института всеобщей истории РАН, при финансовой поддержке посольства Албании в Москве. В ее основу положены главы, написанные исследовательницей для «Краткой истории Албании» (М., 1992). Вместе с тем здесь и немало нового – размышления автора о значении целого ряда событий албанской истории, интересные характеристики явлений и отдельных личностей, глубокие выводы по ключевым вопросам. Так, Н.Д. Смирнова считает, что сложные проблемы, перед которыми стояла Албания в XX в., «никогда не лежали в плоскости соперничества между тосками и гегами, т.е. между Югом и Севером, или между христианами и мусульманами. Этнические и религиозные критерии оказались размытыми уже в XIX в., когда по всей Европейской Турции турками называли всех мусульман, независимо от происхождения, греками – православных, латинами – католиков. На населенных албанцами территориях побеждала общенациональная идея...»⁷⁵.

Н.Д. Смирнова выделила несколько существенных, по ее мнению, особенностей в развитии освободительного движения албанского народа в конце XIX – начале XX вв. Во-первых, перемещение центра формирования албанской нации и национальной государственности из Косово в южные районы Албании. Во-вторых, ввиду роста территориальных претензий соседних балканских государств, стремившихся расширить свои границы, на первый план перед албанцами выдвигалась задача объединения албанских земель в рамках Османской империи и придания им автономного статуса и только затем завоевание полной независимости. Наряду с этим Н.Д. Смирнова высоко оценивает активно развивающуюся в этот период культурно-просветительную деятельность интеллектуальной элиты албанского общества и в связи с этим рассматривает деятельность уже упоминавшихся выдающихся представителей албанского Возрождения – Сами Фрашери (по мнению Н.Д. Смирновой, «самого крупного албанского культурного и общественного деятеля XIX в.»⁷⁶), его брата Наима (автора знаменитых поэм «Стада и пашни», «Истинное желание ал-

банцев», «Скандербег»), отца албанской независимости Исмаила Кемали, а также священнослужителя Фана Ноли (1882–1965), одного из основателей общества «Беса бесен» («Великая клятва верности») в Бостоне (США) и активного деятеля паналбанской федерации «Ватра» («Очаг»), объединившей патриотические албанские организации в Америке и дожившей до конца XX в.

Заслугой Н.Д. Смирновой, на наш взгляд, является то, что она не только рассмотрела восстания албанского народа в начале XX в., которые привели в конечном итоге к провозглашению независимости Албании 28 ноября 1912 г., но также поэтапно проследила ход последующих драматических и порой трагических событий, когда албанская государственность была не раз под угрозой гибели (Балканские войны, Первая мировая война, правление Вильгельма Вида, оккупация Албании и т.д.). Борьба албанского народа за восстановление независимости, территориальную целостность и демократию продолжалась с 1918 по 1921 гг.

В вышеупомянутой монографии ученого-этнолога Ю.В. Ивановой «Албанцы и их соседи» автор рассматривает положение народов Юго-Восточной Европы в новое время, высказывает ряд собственных суждений в контексте проблемы формирования албанской государственности. Так, исследовательница указала на важнейшую особенность антиосманских восстаний в Албании, а именно: чрезвычайную сложность их социального состава, личных особенностей руководителей движения, конкретных задач и результатов каждой акции⁷⁷. «Принцип османизма – отказ от этнического различия людей в пользу конфессиональной дифференциации, наделение членов конфессий различными правами – в известной степени, – считает Ю.В. Иванова, – разобщал албанцев в их общественной жизни в отношении к государственной власти». Поэтому, по ее мнению, «наиболее выразительны» были те акции антиосманских движений, которые отвергали деление общества по религиозной принадлежности⁷⁸. Среди этих акций автор выделяет участие албанцев в освободительной войне греков 1821–1829 гг. и создание Призренской лиги, вся исто-

рия которой, подчеркивает исследовательница, «указывает на осознанное стремление к объединению всех сил, невзирая на религиозные различия внутри народа»⁷⁹.

Ю.В. Иванова рассмотрела также вопрос об албанском национальном Возрождении, его деятелях, роли албанских колоний за границей и сделала вывод о большом значении возрожденческих идей и лозунгов для развития освободительного движения албанцев. В одной из своих статей по данной теме она в качестве «центральной части всей эпохи албанского национального Возрождения» выделила деятельность Призренской лиги, заложившей в сознание народа объединительные идеи, которые «продолжали оказывать влияние на дальнейшую судьбу народа»⁸⁰.

С конца XX в. началась жизнь в науке Петра Ахмедовича Искендерова, талантливого ученого новой генерации. Он не «чистый» албанист, он балканист, автор целого ряда работ по истории международных отношений на Балканах в XIX – начале XX вв. Среди них – разделы по истории Албании в коллективных трудах «В “пороховом погребце Европы”. 1878–1914 гг.» (М., 2003) и «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (М., 2005). Его перу принадлежат интересные статьи по албанской тематике – об Албанской (Призренской) лиге, об отношениях младотурок и албанского освободительного движения, о сербо-албанских отношениях в начале XX в., об Исмаиле Кемали, о косовской проблеме⁸¹, а также недавно вышедшая монография «Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века» (СПб, 2013). По его мнению, в конце XIX – начале XX вв. албанцы стали наиболее динамично развивающимся этносом на Балканах⁸². Для научного творчества П.А. Искендерова характерно стремление по-новому взглянуть на события в Албании и на Балканах, поставив их в международный и межбалканский контекст, оценить их «из XXI века», что вполне оправданно, имея в виду нынешнюю ситуацию на Балканском полуострове.

В вышеупомянутом коллективном труде «В “пороховом погребце Европы”» из серии «Международные отношения на Балканах» П.А. Искендеров, автор «албанских» текстов, а

также во вступительной главе своей монографии (Прологе), представил общую картину развития Албании в период после Берлинского конгресса. Исследователя, прежде всего, интересует место албанского вопроса в системе международных отношений в Европе, в развитии которого он выделяет несколько этапов.

Первый этап — 1878—1881 гг. — был связан с деятельностью Албанской (Призренской) лиги. Рассматривая этот вопрос, П.А. Искендеров подчеркивает, что развитие албанского национального движения в рамках Лиги шло по нарастающей. И хотя оно было разгромлено в 1881 г., роль Лиги и во внутреннем, и во внешнеполитическом аспектах была огромной. Автор убежден, что именно вооруженное сопротивление албанцев существенно урезало территориальные притязания Греции и Черногории. И именно благодаря деятельности этой организации в Европе пробудился интерес к албанскому вопросу. Проблема Албанской лиги нашла отражение и в других работах П.А. Искендерова. В целом соглашаясь с оценками своих предшественников, касающихся ее значения для истории Албании, он отмечает следующий важный аспект: «...программные положения и вся деятельность Призренской лиги несли в себе значительную «великоалбанскую» составляющую, в первую очередь в том, что касалось направления греко-турецкого разграничения, а также понимания будущей судьбы Косово и Македонии. Правда, — заключает автор, — ожидать иного в тех условиях вряд ли было возможно»⁸³. По его мнению, в условиях, сложившихся в Османской империи к 1878 г., очень трудно было провести четкую грань как между отдельными этносами, так и между «национальным» и «великодержавным». «Албанские лидеры, — пишет он, — во всяком случае, те из них, кто не отождествлял себя полностью с османами, понимали историческую и этническую географию Балкан приблизительно в тех же категориях, что и их соседи — сербы, болгары, греки и черногорцы. А конкретное направление или изменение границ определялось не «историческим» или «этнографическим» правом, а соотношением военных сил и позицией «концерта великих держав»»⁸⁴.

Период после разгрома Лиги П.А. Искендеров выделяет в качестве следующего этапа освободительного движения албанского народа, продлившегося до начала XX в. На протяжении его в Албании не прекращались волнения и открытые вооруженные выступления против турецких властей. Однако центр тяжести освободительной борьбы переместился в сторону идейно-политической борьбы и разработки ее руководителями и идеологами теоретических проблем и программных положений, направленных в конечном итоге на достижение национального освобождения албанцев.

К лету 1908 г. автор относит начало нового, третьего, этапа в развитии албанского освободительного движения, когда происходит его сближение с турецким революционным движением, возглавляемым комитетом «Единение и прогресс», получившим впоследствии название младотурецкого⁸⁵. Вкладом П.А. Искендера в изучение данной проблемы является рассмотрение им отношений лидеров албанского освободительного движения с младотурками — на основе обширной научной и мемуарной (например, мемуары И. Кемали) литературы, с привлечением материалов архивов и русской периодики того времени разных направлений.

При анализе международной обстановки начала XX в. в связи с албанским вопросом П.А. Искендеров приходит к интересному выводу, касающемуся позиции официальной России: «...руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами», Петербург в качестве традиционных союзников на Балканах рассматривал Сербию и Черногорию, в связи с чем с опасением относился к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на Балканском полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств⁸⁶.

Вместе с тем часть российской общественности и дипломатов (среди них А.М. Петряев, российский генеральный консул во Влере, занявший пост представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании) с сочувствием относилась к освободительным устремлениям и героическим

усилиям албанцев в борьбе за независимость и считала, что Россия должна оказать помощь и им, а не только славянам, и учитывать их интересы в своей балканской политике.

Высоко оценивает П.А. Искендеров значение восстаний 1910–1912 гг., которые значительно ослабили позиции Турции в Албании и на Балканах в целом. И как завершающий акт этого этапа – провозглашение независимости Албании 28 ноября 1912 г. Албанский вопрос, констатирует он, окончательно трансформировался из внутритурецкого в межгосударственный, и на открывшейся 17 декабря 1912 г. конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов⁸⁷.

Ряд интересных выводов, побуждающих к дискуссии, сделал П.А. Искендеров и по другим важнейшим аспектам рассматриваемой проблемы, и это, наряду с его безусловным профессионализмом и академической основательностью, привлекает к его научному творчеству внимание не только коллег-балканистов, но и широкой общественности.

Достижением последнего десятилетия, несомненно, стал также труд «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том I (1878–1997 гг.)» (М., 2006). В этом издании впервые в российской историографии опубликована программа Призренской лиги от 1 июня 1878 г. (в переводе с сербского языка). В предисловии ответственный редактор труда Е.Ю. Гуськова, представляя общую картину развития освободительного движения албанского народа после 1878 г., выделяет «Красную книгу» 1911 г. «С этого времени, – пишет она, – завоевание автономии, в том числе и вооруженными методами, стало отличительной особенностью албанского национального движения. Албанский вопрос теперь не могли обойти вниманием ни балканские государства, каждое из которых имело свой территориальный интерес к этим землям, ни европейские политики»⁸⁸.

В заключение следует констатировать, что послевоенная отечественная историческая албанистика, начиная с 50-х годов XX в., развивалась поступательно. На начальном этапе (до разрыва дипломатических отношений между СССР и Алба-

нией в 1961 г.) большое значение для проведения исследований, установления и расширения научных связей имели командировки советских ученых в Албанию, во время которых они имели возможность работать там в библиотеках и архивах и получать консультации своих албанских коллег. Впоследствии, в течение почти трех десятилетий, они были лишены такой возможности. Однако это не помешало изучению в нашей стране албанской тематики, в том числе проблемы «На пути к образованию Албанского государства». Неоценимую помощь ученым-албанистам оказали российские архивы, которые, как показали изыскания, хранят большие массивы уникальных документов по албанской проблематике и, в первую очередь, по истории русско-албанских связей. Поэтому вполне закономерно, что эта тема стала важнейшей составляющей всех трудов российских ученых по истории Албании.

Так уж случилось, что в этой области отечественной балканистики с самого начала трудились исследователи с прекрасной языковой подготовкой, профессионалы с огромной эрудицией, фанатики архивно-изыскательской работы, всецело преданные своему призванию, — Г.Л. Арш, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирнова, Ю.В. Иванова. Они, как было показано выше, создали серьезные труды, не потерявшие своего научного значения и спустя десятилетия, позволяющие проследить весь путь Албании к освобождению на протяжении длительного времени. Кроме того, выступления ученых-албанистов по албанским сюжетам в научной и периодической печати имели общественный резонанс. И это очень важно, если учесть, что албанский мир не был так открыт и понятен российскому обществу, как славянский. Разумеется, в своих трудах отечественные ученые часто возвращались к ключевым вопросам истории Албании. Однако их работы не дублировались — они перерабатывались, дополнялись новыми фактами и документами. И в этом, безусловно, проявлялись их профессионализм и научная добросовестность.

Отмечая значительные достижения российских ученых-албанистов в написании трудов и публикации новых документов, следует выразить надежду на дальнейшее углубленное

изучение этой тематики, в том числе и представителями молодого поколения ученых.

Ценным вкладом в историографию проблемы, надеюсь, станут материалы данного сборника.

Примечания

¹ *Арш. Г.Л.* Русско-албанские связи в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958; *он же.* К вопросу об экономической политике Али-паши Янинского // Новая и новейшая история (далее – НиНИ). 1958. № 6; *он же.* Из истории албано-французских отношений конца XVIII – начала XIX века // Французский ежегодник. 1961. М., 1962.

² См. рецензию И.С. Достян на монографию Г.Л. Арша, опубликованную в: НиНИ. 1965. № 5. С. 155.

³ НиНИ. 1965. № 3. С. 162.

⁴ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С. 256.

⁵ Там же. С. 338–339.

⁶ *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 76.

⁷ *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965. С. 65.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959. С. 58–59.

¹² Там же. С. 60–61.

¹³ Там же. С. 61, 63.

¹⁴ *Галкин И.С.* Из истории национально-освободительного движения в Албании в 1910–1912 годах // Вопросы истории. 1954. № 11; см. также его докторскую диссертацию, защищенную в 1956 г., – «Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1908–1912 гг.».

¹⁵ *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 115, 118.

¹⁶ *Сенкевич И.Г.* Национально-освободительная борьба албанского народа в 1911–1912 годах (К 45-летию со дня провозглашения независимости Албании) // НиНИ. 1957. № 5.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. С. 73.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 188–189.

²¹ Там же. С. 210.

²² *Смирнова Н.Д.* Документы АВПР о Призренской лиге (1878–1881) // Балканские исследования. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. (Документы и исследования). М., 1982. С. 222.

²³ Там же. С. 226.

²⁴ Там же. С. 227.

- ²⁵ Маньковская Г.Л. Албанская лига в русской периодической печати конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978.
- ²⁶ Там же. С. 191.
- ²⁷ Там же. С. 192.
- ²⁸ Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997; Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986; В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2005.
- ²⁹ Александр I, Наполеон и Балканы. С. 128.
- ³⁰ Там же. С. 214.
- ³¹ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. С. 278.
- ³² Там же. С. 283.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 175–176.
- ³⁵ Там же. С. 178.
- ³⁶ Там же. С. 181.
- ³⁷ См. также его статью: Новые данные о видном деятеле албанского национально-освободительного движения XIX века Науме Векильхарджи // НиНИ. 1974. № 6.
- ³⁸ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 181.
- ³⁹ Там же. С. 308.
- ⁴⁰ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 393.
- ⁴¹ Там же. С. 395.
- ⁴² Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 409.
- ⁴³ Там же. С. 409–410.
- ⁴⁴ Там же. С. 411–412.
- ⁴⁵ Там же. С. 415.
- ⁴⁶ Там же. С. 416.
- ⁴⁷ Балканы в конце XIX – начале XX в. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 333.
- ⁴⁸ Там же. С. 334–335.
- ⁴⁹ Там же. С. 338.
- ⁵⁰ Там же. С. 344.
- ⁵¹ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 147.
- ⁵² Там же. С. 153.
- ⁵³ Там же. С. 162.
- ⁵⁴ Там же. С. 171.
- ⁵⁵ Там же. С. 176.
- ⁵⁶ Там же. С. 184.
- ⁵⁷ Там же. С. 198.
- ⁵⁸ Там же. С. 201.
- ⁵⁹ Там же. С. 221.
- ⁶⁰ Там же. С. 235.

- 61 История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 474.
- 62 Там же. С. 477.
- 63 Там же. С. 477–479.
- 64 Там же. С. 484–485.
- 65 Там же. С. 486.
- 66 Там же. С. 495.
- 67 Там же. С. 499.
- 68 Там же. С. 529.
- 69 История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С. 141.
- 70 Там же. С. 401.
- 71 История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг. М., 2012. С. 147.
- 72 Там же. С. 148.
- 73 Там же. С. 275.
- 74 Там же. С. 281.
- 75 *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 22.
- 76 Там же. С. 29.
- 77 *Иванова Ю.В.* Албанцы и их соседи. М., 2006. С. 103.
- 78 Там же. С. 109.
- 79 Там же. С. 110.
- 80 *Иванова Ю.В.* Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX – начале XX века: принципы национального Возрождения и традиционное общественное мышление // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб, 2006. С. 105, 113.
- 81 *Искендеров П.А.* Албанский вопрос: от войн балканских к Первой мировой войне // Славяноведение. 2006. № 1; *он же.* Косово в начале XX в.: столкновение этносов, религий, эпох // Человек на Балканах. Социо-культурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб, 2007; *он же.* История Косово начала XX в. в трудах российских и сербских историков // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб, 2010; *он же.* Призренская лига 1878-1881 гг. // Вопросы истории. 2011. № 4; *он же.* Русские открывают «Страну орлов» // Человек на Балканах глазами русских. СПб, 2011; *он же.* Исмаил Кемали // Вопросы истории. 2011. № 8; *он же.* История Косова: межэтнические аспекты // Славяноведение. 2011. № 1; *он же.* «Великая Албания»: теория и практика // Вопросы истории. 2012. № 1; *он же.* Исторические корни идеи «Великой Албании» // Славяноведение. 2012. № 5; *он же.* Вильгельм Вид // Вопросы истории. 2012. № 12; Россия и сербо-албанские отношения (начало XX в.) // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.
- 82 *Искендеров П.А.* Русские открывают... С. 118.
- 83 *Искендеров П.А.* Призренская лига... С. 18.
- 84 Там же. С. 17.
- 85 В «пороховом погребе Европы»... С. 430.
- 86 Там же. С. 433. В статье «Русские открывают “Страну орлов”» автор пишет по этому поводу следующее: «Несмотря на развивавшиеся российско-албанские контакты, в российском министерстве иностранных дел продолжало господствовать убеждение в реакционности албанского национального движения и его опасности для интересов союзников России на Балканах – в первую очередь, Сер-

бии и Черногории. Наиболее жестко и последовательно подобной линии придерживался российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг, по сути, отказывавший албанцам в праве на самостоятельное государственное развитие» // Человек на Балканах глазами русских. С. 123.

⁸⁷ В «пороховом погребке Европы»... С. 439.

⁸⁸ «Албанский фактор» в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том I (1878–1991 гг.). М., 2006. С. 16.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

АЛБАНСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОХРИДСКОГО КАЙМА- КАМЛЫКА ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙ- СКИХ ДИПЛОМАТОВ (60-Е ГОДЫ XIX В.)

XIX век — «век национальностей», когда пробуждение и рост национального самосознания народов, входивших в многонациональные государства, выливались в борьбу за свое самостоятельное национальное государство. Этот процесс, имевший место в Европе, получил свое развитие и в Османской империи, преодолевшей время кырджалийства* и вступившей в эпоху Танзимата — военных, правовых и административных реформ, целью которых было «создание мощной централизованной государственной машины»¹. Но если Порта смогла совладать с сепаратизмом и амбициями провинциальных аянов, открытый вызов которых «не нес с собой угрозы имперской системе, базировавшейся на господстве центра над периферией»², то ей было не суждено справиться с национальными движениями на Балканах, которые с помощью военной мощи России и при дипломатическом вмешательстве стран Западной Европы привели к почти полному уничтожению в Европе ее многовекового владычества.

Отстаивая свою независимость, славянские народы Балкан искали поддержки, в первую очередь, у России, где, несмотря на поражение в Крымской войне, было широко распространено мнение о неизбежности распада и гибели Турции³ и о мессианской роли России в освобождении единоплеменных и еди-

* Время кырджалийства — в конце XVIII и начале XIX вв., в связи с кризисом военнo-ленной и связанной с ней административной системы Османской империи, территория Восточной Румелии погрузилась практически в феодальную анархию и хаос массового бандитизма.

новерных славян от турецкого ига. В период после Парижского мира 1856 г. и до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. политическая составляющая в общем наборе задач, которые приходилось решать российским консулам на Балканах, выдвигалась на главные позиции. Министерство иностранных дел России для упрочения ее авторитета в Османской империи и для получения «верных и полных» сведений о ней «в политическом и религиозном отношениях» пошло на увеличение сети своих дипломатических представительств в Европейской Турции.

В 1861 г. было открыто императорское российское консульство и в городе Битоля (Монастир), административном центре Румелийского или Битольского эялета. В Битоля располагалась Главная квартира Военного командования Румелии, или III-го военного округа согласно закону о военной реформе 1843 г., по которому Османская империя была разделена на 6 округов, и в каждом из них был армейский корпус⁴. В Битоля были учреждены дипломатические представительства Австрии, Англии, Греции.

Русские дипломаты внимательно изучали этот регион, принадлежавший к наиболее смешанным в этническом отношении районам Балканского полуострова⁵. В поле зрения российских консулов находились не только славяне, но и албанцы, которые среди народов Балканского полуострова одними из последних вступили на путь создания общеалбанского национального движения и своего национального государства.

Последняя четверть XIX в. — начало XX в. — это период, насыщенный яркими и драматическими событиями, деятельностью незаурядных личностей, поэтому он всегда привлекал исследовательский интерес историков-балканистов, в отличие от предыдущего двадцатилетия, менее «выразительного» и менее обеспеченного опубликованными источниками, которое поэтому оказалось слабее изученным. Донесения русских консулов из Битоля, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, записка М.А. Хитрово о его путешествии летом 1864 г. в Дебарский санджак (округ) содержат уникальные, на наш взгляд, сведения об албанцах, проживавших на территории отдельного Охридского каймакамлыка,

который входил в состав Румелийского эялета и находился под управлением особого паши, каймакама, подчиненного румелийскому вали (или битольскому генерал-губернатору). Документы из АВПРИ, дополненные опубликованными донесениями австрийских вице-консулов, которые в принципе достаточно скупо освещали албанские события, позволяют более детально восстановить историю албанцев этого региона. Формат статьи не позволяет охватить целиком указанное двадцатилетие. Нижней границей настоящего исследования нами избран 1866 год, когда вспыхнуло Критское восстание, несколько изменившее политику Порты по отношению к албанскому населению.

Первым русским дипломатом в Битоля стал Михаил Александрович Хитрово (1837—1896), правнук фельдмаршала М.И. Кутузова. Он прибыл в Битоля в марте 1861 г., когда в разгаре было новое восстание в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, поддержанное Черногорией. В феврале следующего года борьба герцеговинцев и черногорцев против турок возобновилась, и весной 1862 г. 50-тысячное войско Омер-паши Латаса вошло на территорию Черногории.

Битоля являлся центром, где шло формирование турецких войск, куда поступали военное снаряжение и боеприпасы и откуда затем они направлялись в Герцеговину и Черногорию. Несмотря на повышенную секретность, Хитрово все-таки удавалось добывать сведения. Он старался оперативно передавать информацию о составе, движении и расположении турецких войск, об их оснащенности и вооружении, что должно было помочь восставшим герцеговинцам и черногорцам. Хитрово писал: «Громадны приготовления турок — содрогаешься за участь Черногории и Герцеговины»⁶. Кроме того, русский консул собирал данные о возможных в регионе восстаниях против Османской империи, которые могли бы, по его мнению, несколько отвлечь внимание турок от Черногории. Предположения МИД России, что «нити замышляемых южными славянами движений сходятся, быть может, в Битоля»⁷, не оправдались. Хитрово убедился, что «христианское народонаселение с давних пор привыкло к двойному игу турецкого самоволия и

фанариотского корыстолюбия и далеко не приготовлено еще ни к какому движению»⁸. «Скорее можно ожидать чего-нибудь в Фессалии и Эпире, где, по-видимому, издавна что-то готовится под тайным греческим покровительством»⁹, — полагал русский консул. Турецкие власти в Битоля также опасались восстания в этом районе, откуда поступали «беспокойные вести» и куда были посланы дополнительные военные силы.

Готовность восстать жителей Дебара*, Эльбасана и «вообще всей Средней** Албании» русский консул подтвердить не мог, поскольку в этих отдаленных районах он еще не был, хотя и оттуда приходили подобные слухи. Но мусульмане Охридского каймакамлыка, в который входили Дебарский округ вместе с Матским округом и казами (уездами) — Охридским, Старовским и Эльбасанским, были источником для пополнения турецкой армии и для набора иррегулярных подразделений — башибузуков. Объявленная Портой война с Черногорией потребовала сбора редифов***. Хитрово отмечал в донесении от 14 февраля 1862 г., что в Стамбуле надеялись «на числящихся по спискам редифов, но эта сила только на бумаге», поскольку сбор редифов на местах «встречал огромные затруднения»¹⁰. Русский консул считал, что турецкое правительство не должно рассчитывать и на добровольных башибузуков, — «вряд ли найдутся охотники»¹¹. Подобная уверенность Хитрово основывалась на информации о том, что Порта не заплатила албанцам ни пиастра за участие в Крымской войне, и они помнили этот обман. Кроме того, в 1858 г. дебаряне выставили 3 тыс. башибузуков против Черногории, и ни один из них не вернулся, и это они «не могут забыть до сих пор». Дебаряне поэтому «вовсе отказывались от всякой службы»¹².

Однако в Эльбасане, Тиране и Мате уже в феврале 1862 г. удалось собрать до 1000 башибузуков, которые были отправ-

* Дёбар (макед. Дебар, болг. Дебър, алб. Dibra, тур. Debre) — город в западной части Македонии. В донесениях Хитрово — Дибра.

** Средняя Албания — т.е. Центральная Албания.

*** Армия Османской империи во второй половине XIX в. делилась на действующую (низам) и резервную (редиф). Путем рекрутской повинности набирались солдаты из мусульманского населения в возрасте 20–25 лет. Срок службы — 12 лет, 5 лет в действующей армии и 7 лет в резерве.

лены в Герцеговину. По дороге они «совершенно безнаказанно предавались всевозможным буйствам», с христианских сел близ Дечанского монастыря собрали по 50 пиастров с каждого двора. А сам монастырь заплатил им 800 пиастров¹³.

Временные неудачи (поражение турецких войск и потери – 300 солдат низама и 500 башибузуков, взятых в плен вместе с их начальником Ходо-беем*), приготовления Омерпаши к нанесению решительного удара черногорцам и его требования подкреплений, провианта и денег¹⁴ заставили военный меджлис в Битоля отправить влиятельного Халиль-бея, первого члена кебир-меджлиса (областного совета), с 100 тыс. пиастров в Охрид, Дебар и Мат, чтобы «уговорить дебарян выставить башибузуков» и как можно скорее отправиться к черногорской границе. Хитрово писал в донесении от 22 марта 1862 г., что успех набора будет зависеть от содействия Хасан-бея, влиятельнейшего бея в Дебаре¹⁵.

Халиль-бею удалось добиться согласия только 4 байрактаров**: Хасан-бея, Сали-Марко, Сали-бея и Сали-Демира, при этом каждый обязался выставить по 1 тыс. башибузуков. Дебаряне взяли 100 тыс. пиастров наличными в качестве задатка, но отказались от 200 тыс. пиастров сенедами (вексельями), потребовав наличные деньги, до получения которых не соглашались выступить в поход. 9 апреля 1862 г. им было выслано еще 150 тыс. пиастров.

* В донесениях Хитрово имя начальника башибузуков было дано так. Но в сообщении австрийского вице-консула Заксла это имя звучало иначе. Заксл писал, что 28 марта 1862 г. в Битоля по телеграфу пришло известие о том, что между Подгорицей и озером со стороны Шкодра черногорцы напали на 1200 башибузуков под командованием Хасана (Хофта) из Шкодры, часть была убита, а часть вместе с их командиром была взята в плен. Эта новость потрясла османское население Битоля (См.: Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. № 74. С. 206).

** Байрактары (алб., ед.ч. – bajraktar, от тур. bayraktar, букв. – знаменосец, младший командный чин в янычарском корпусе) – местные военачальники в Северной Албании (с конца XVII в. по 1944 г.). В конце XVII – начале XX вв. байрактары возглавляли байраки, военно-территориальные единицы, созданные турецким правительством в горных районах Северной Албании. Они пользовались административной и судебной властью, передававшейся по наследству. В период борьбы албанского народа за национальную независимость байрактары оказывали поддержку турецким властям.

Хитрово писал об искусно проводимой турецкими властями кампании по усилению религиозных чувств мусульман. «Все от самых мелочей — от облачения турецкой армии в национальное (турецкое, но заказанное в Вене и Париже) платье до более-менее серьезных — [было направлено на то, чтобы] возбудить мусульманский фанатизм». Башибузукам обещали войну с Черногорией и с Сербией. Их уверяли, что завоеванные земли будут отданы им на разграбление, что они найдут несметные богатства в христианских храмах и монастырях. Дебарские башибузуки хвастали перед христианами, что «наделают себе стремяна из золота сербских монастырей». В этом месте на секретном донесении Хитрово от 31 мая 1862 г., отсланном в российскую миссию в Константинополе*, была сделана помета «NB»¹⁶.

В конце апреля—начале мая 1862 г. из Дебара кроме 6 тыс. башибузуков, набранных по найму, еще около 600 волонтеров, которым выдавались только ежедневная порция хлеба и необходимые боеприпасы, двинулись к черногорской границе. Тот же энтузиазм наблюдался и в некоторых местностях Призренского санджака, где было завербовано до 15 тыс. башибузуков, которые были направлены к сербской границе. Из Эльбасана и Центральной Албании было набрано до 4 тыс. чел. Генерал-губернатор Салоник Хюсни-паша с большими почестями провожал добровольцев, записавшихся в башибузуки (около 150 чел.). В Тоскалыке Карафиль-бею было поручено собрать более 1 тыс. чел. Согласно слухам, которые доходили в Битоля, «будто бы некоторые албанские беи вызвались вооружить на свой счет против Черногории до 5 тыс. человек»¹⁷, — сообщал Хитрово. «Цифра действительно огромная»¹⁸, — не мог не согласиться и австрийский вице-консул Заксл.

В самом же Битоля «на второй день байрама делал (крикальщик)» призывал мусульман записываться в башибузуки для отправки в Черногорию. Им обещали платить по 80 пиастров (4 руб. серебром) жалованья в месяц и выдать хлеб. Записалось до 70 человек, хотя требовалось 500 человек. Они

* В официальной документации МИД России столица Османской империи Стамбул называлась Константинополем.

«начали сразу буйствовать и вчера избили и опозорили одного молодого христианина»¹⁹, – сообщил русский консул.

Знаменитый в регионе разбойник Фета-джака и другие главари также изъявили намерение вступить со своими шайками в ряды башибузуков. Турецкая администрация вместо того, чтобы взыскать с них за прежние преступления и за то вооруженное сопротивление, которое они еще в 1861 г. оказывали властям, напротив, встретила их «со знаками какого-то преувеличенного уважения». «Теперь здесь будет меньше разбоя, т.к. они отправлены в Черногорию»²⁰, – констатировал Хитрово.

Впрочем, из донесения Заксла австрийскому консулу в Салониках барону фон Бауму от 18 (30) апреля 1862 г. явствует, что многие жители Призренского санджака, числившиеся в официальных турецких регистрах (хуфусах) как мусульмане, объявляли себя католиками, когда их призывали на военную службу. С просьбой посодействовать в освобождении от военной службы своих прихожан обратился к Закслу католический епископ из Скопье Богданович. Но военные инстанции Битоля не вняли ходатайствам ни австрийского вице-консула, ни английского консула Кальверта. Посланный Богдановичем священник дон Пало Бериша отправился в Стамбул через Салоники, чтобы в столице империи заступиться за прозелитов перед Портой с помощью дипломатических представителей великих держав и предотвратить на будущее подобные инциденты²¹.

Но в Дебаре жили не только мусульмане. Согласно информации монаха из Крчевского (Кичевского) монастыря во имя Успения Пресвятой Богородицы, известия с черногорского театра военных действий возбуждали глубокое сочувствие у христианского населения. Дебарские христиане постоянно жили в совсем иных условиях, чем райи Битольского санджака, поскольку они никогда не расставались с оружием. Хитрово полагал (донесение от 10 мая 1862 г.), что «если только начнутся здесь серьезные волнения, они найдут сильнейшую поддержку в дебарском христианском народонаселении»²².

Но Омер-паша разбил черногорцев. 3 (15) июля 1862 г. из Битоля в Черногорию был срочно отправлен военный оркестр, чтобы турецкие войска вошли в столицу Цетинье «с победо-

носной музыкой»²³. От полного разгрома княжество спасли дипломатические демарши Австрии и России.

Из Черногории башибузуки возвращались с богатой добычей. Хитрово доносил о том, что в Битоля поступили сведения, что башибузуки пожертвовали в джамиию города Дьякова взятые из церкви в Васоевичах серебряные подсвечники весом в 12 ок*.

Обострение сербско-турецких отношений в связи с активной политикой правительства нового сербского князя Михаила Обреновича (1860-1868), которое привело к открытому конфликту и бомбардировке Белграда 5 (17) июня 1862 г., а также предположение, что Сербия готова поддержать Черногорию в ее борьбе против Турции, заставляли Порту сосредотачивать свои войска у сербской границы. По сведениям Хитрово, в конце июля со стороны Приштины на сербской границе было сконцентрировано 4 батальона низама и башибузуки (из Призрена — 2 тыс. чел., из Тетова — 3 тыс. чел., из Скопье — 2 тыс. чел., из Куманова и Истиба — 1 тыс., а всего — 8 тыс. чел.). Башибузуками командовал Фета-бей, один из влиятельных призренских беев.

Кроме того, еще 6 тыс. мусульман, записавшихся в башибузуки (в Призрене — 3 тыс. чел., Тетове — 1500 чел., Скопье — 1500 чел.), ожидали «только приказания, чтобы двигаться к сербской границе». Хитрово подчеркивал то воодушевление, с которым башибузуки из Албании шли против Сербии, рассчитывая на добычу: «плачка** есть всегда главная цель албанцев». Русский консул отмечал, что албанцы надеялись на то, что Сербия им «достанется на разграбление» без больших усилий, поскольку они помнили Сербию — «прежнюю, дурно вооруженную, дерущуюся такими же нестройными массами, как и они, и с одинаковыми средствами. Но против организованной армии и, в особенности, артиллерии они окажутся, вероятно, совсем бессильны. Можно почти утвердительно предсказывать, что первая неудача отобьет совсем охоту у башибузуков. Тогда они будут также поспешно дезертировать,

* Окка, ока — турецкая мера веса, равная 1,225 кг.

** Плачка — грабеж (сербск.).

как теперь они спешат к оружию»²⁴, — писал Хитрово. Впрочем, не все районы Албании «с одинаковой готовностью» выставляли свои военные контингенты. Весь Тоскалык оставался «довольно холоден на призыв правительства». Дьяково не набрал башибузуков против Сербии: здесь выдвигалось условие, чтобы контингент из Дьяково, если таковой и будет собран, находился бы под командой своего местного начальника.

В начале июля 1862 г. из Стамбула в Битоля пришел приказ собрать новобранцев 1862 г., из которых 11000 человек были назначены в армейский корпус в Румелии. Однако специалисты, как докладывал Заксл, считали невозможным набрать и это небольшое количество, так как семей с четырьмя военнообязанными мужчинами было очень мало. Как правило, в мусульманской семье один мужчина служил в действующей армии, второй состоял в резерве, третий — в иррегулярном войске, а четвертого по турецким законам нельзя было мобилизовать, поскольку тогда семья оставалась без мужской поддержки, т.е. без кормильца. Родные тех молодых людей, которые подлежали призыву, сообщали, что они уже служат в иррегулярных войсках. Проверить военной комиссии верность подобных заявлений было сложно. Таким образом, несмотря на то, что в Черногории было всего несколько тысяч башибузуков, многие молодые люди использовали возможность, чтобы под этим предлогом уклониться от службы²⁵.

11 (23) июля 1862 г. в местечке Канлиджа близ Стамбула открылась специальная конференция представителей держав-гарантов Парижского мира и Турции, на которой рассматривался сербский вопрос. Текст протокола мирного урегулирования сербо-турецкого конфликта был подписан 21 августа (2 сентября) 1862 г.²⁶

Однако, несмотря на дипломатическое вмешательство великих держав и начавшуюся конференцию, военный меджлис Румелии продолжал наращивать турецкие силы у границ с Сербией. Призрен со своей крепостью, согласно сведениям Хитрово, сообщенным в донесении от 23 августа 1862 г., стал «местом временного депо для приходящих из Битоля и Салоник транспортов с военными припасами, которые уже отсюда

рассылаются в Сеницу, Пристину и Ниш». Донесение австрийского вице-консула Заксла от 27 июля (7 августа) 1862 г. раскрывает напряженную ситуацию в пограничных с Боснией, Сербией и Болгарией районах Османской империи, где и мусульмане, и христиане вооружались: первые, чтобы быть готовыми напасть на Сербию, вторые — быть готовыми ко всяким великим переменам, а, в общем и целом, среди населения рос страх от больших беспорядков²⁷.

Мир Порты с Черногорией и мирный договор с Сербией были встречены неоднозначно в Битольском эялете. Хитрово отмечал, что на жителей региона огромное впечатление произвела победа Турции в войне с Черногорией в 1862 г. Христиане, которые, после ожидаемых надежд с окончанием войны с Черногорией пали духом, хотя и сохраняли убеждение, что «нынешний черногорский мир есть только временное последствие необходимости и что военные действия возобновятся в самом непродолжительном времени». Сербские дела, «оставшиеся без результатов», произвели «глубокое неудовольствие в среде христианского населения, но и здесь христиане видят одно временное отлагательство событий, которые по всеобщему убеждению рано или поздно неминуемы»²⁸.

Интересны наблюдения Хитрово относительно настроений мусульман. Известия о заключении мира с Черногорией турки «встретили далеко не радостно. Самые фанатичные из них жалуется на ничтожные выгоды этого мира для турок и на бесполезность всей пролитой до сих пор крови»²⁹, — сообщал русский консул 28 сентября 1862 г. Особенно сильное недовольство проявляли албанцы. Правительство так и не заплатило многим из тех, кто принял участие в войне. Кроме того, распространился слух, что Стамбул «по окончании черногорской войны и устроения сербских дел, намерен приступить к введению Танзимата во всех местностях Арнаутлука* и вообще сравнения всей Албании в правах с другими провинциями империи». Этот слух о проведении реформ, в результате которых горцы должны были подчиниться центральной власти, поро-

* Арнаутлук, точнее Арнаутлук (тур.) — другое название Албании.

дил среди них «самый недружелюбный ропот». По мнению Хитрово, жители Албании никогда не примут реформы Порты добровольно, «без противодействия открытой силой»³⁰.

Пример тосков, проживавших в казах (уездах) Охридском и Старовском, только укреплял остальных албанцев в их отрицательном отношении к реформам. В этом районе результаты реформаторской деятельности Порты албанцы прочувствовали уже начиная с 1839 г., когда влиятельные албанские беи были отстранены от управления, а на албанцев было накинута ярмо налогов и рекрутской повинности. Назначаемые Портой на ответственные должности мудиров* чиновники часто были молодыми людьми из незнатных семейств. Они обращались с местными беями без всякого уважения, стараясь в глазах народа ронять достоинство местных албанских фамилий. Рекрутская повинность, более чем налоговый гнет, подрывала хозяйство албанцев, поскольку, забирая на службу лучших работников, власти лишали его рабочих рук. Хитрово во время своего путешествия по Охридскому каймакамлыку в 1864 г. отмечал крайнюю бедность албанцев: «В христианских селах путешественник еще может надеяться найти необходимое, зато в албанской деревне часто не найдет он даже и куска хлеба, и крынки молока»³¹. В случае войны почти все албанское мусульманское население должно было покинуть свои поля и дома. После окончания войны уцелевшим воинам приходилось с удвоенной энергией браться за пошатнувшееся в их отсутствие хозяйство. «При таких условиях нельзя удивляться тому, что албанское народонаселение малоспособно к оседлым полевым занятиям, и нельзя слишком строго судить его за склонность к грабежу и насилиям. Эти пороки были ему привиты и условиями жизни, и самой природой. Поневоле единственным ремеслом каждого албанца сделалось его ружье»³², — подводил итог своим наблюдениям русский дипломат.

Из своих бесед с албанцами, прежде всего, с Абдурахман-беем, представителем весьма древней фамилии албанских

* Мудир (мюдюр) – в турецком областном управлении название главы нахии, от которого зависят сельские старосты – мухтары – и который сам подчинен каймаку.

беев, пользовавшихся значительным влиянием в большом албанском поселении Старово и его окрестностях, Хитрово сделал вывод, что беи и в 1860-х годах не утратили своего влияния на тосков, которые обращались к ним «за судом и наказанием», вместо того, чтобы идти по этим делам к представителям власти. Кроме того, последние сами нередко прибегали к помощи беев, чтобы поддерживать хотя бы относительный порядок в регионе.

В донесениях Хитрово блок сведений и размышлений о последствиях турецко-черногорской войны и позднее продолжал дополняться новыми подробностями. Так, 17 октября 1862 г. он писал о том, что албанцы всегда ненавидели Турцию, «но до сих пор они ее боялись и служили ей с преданностью, думая служить сильнейшему». Война с Черногорией показала им «истинную слабость Турции», так как «изможденное деморализованное турецкое войско возбуждало в них презрение, а черногорцы отчаянно защитой своею с каждым днем вырастали в их понятии». «Подвиги храбрости и удалства имеют огромное значение в глазах этих полудиких воинственных племен, и теперь албанцы отзываются о защитниках Черногории с восторженными похвалами», — подчеркивал Хитрово. Из этой войны они вынесли также осознание важности «своего собственного значения». Албанцы хорошо понимали, что правительство было вынуждено «их ласкать и терпеть вольницу» потому, что оно нуждалось в иррегулярных войсках — башибузуках, «ввиду постоянной опасности», грозившей туркам со стороны Черногории. Уничтожение «черногорской силы» развязывало Стамбулу руки в отношении полунезависимых племен Албании³³.

Впрочем, Порта понимала опасность общего недовольства албанцев. Хитрово писал в донесении от 5 декабря 1862 г.: «Малейшее волнение в Албании может сделаться сигналом повсеместных восстаний и иметь для Турции самые убийственные последствия. Во всяком случае, ввиду громадных сил, которыми может располагать Албания, ввиду воинственности ее жителей и географического положения (эта страна соприкасается с Черногорией, Грецией и даже Сербией) — это глухое

неудовольствие, которое с каждым днем сильнее обнаруживается среди албанского народонаселения, составляет весьма серьезную угрозу для Турции, и никак не может быть упускаемо из виду при оценке настоящего положения Оттоманской империи»³⁴.

Русский консул обращал внимание руководства Азиатского департамента МИД России на албанцев: «Вообще элемент албанский мне кажется призванным к особой важной роли в будущих событиях в Турции и заслуживающим особое внимание»³⁵. В донесении от 28 сентября 1862 г. Хитрово просил свое начальство позволить ему отправиться в Эльбасан, Тирану, Дураццо и Дебар, воспользовавшись последними днями осени, так как «с наступлением зимы путешествие по сим местностям делается несколько затруднительным». По его словам, он имел пока очень скудные сведения об этих местностях, входивших в состав Битольского эялета и имевших, как он считал, огромное значение «во всех отношениях». К тому же, в консульстве хранилась значительная сумма денег — пожертвований, предназначенных для самого бедствующего православного населения в Арнаутлуке. Доверенных лиц в этом регионе не было, поэтому Хитрово сам намеревался раздать деньги и заодно исследовать там положение вещей³⁶. Но в 1862 г. командировка не состоялась. Лишь летом 1864 г. Хитрово совершил поездку в Дебарский санджак (округ), посетил города Охрид, Струга и монастыри: Св. Наума близ г. Охрид, Св. Иоанна Предтечи в Дебарском санджаке и во имя Успения Пресвятой Богородицы, более известный под именем «Богородица Пречистая» близ г. Крчево (Кичево).

Дебарский край был «terra incognita» для МИД России. До Хитрово здесь побывали только два европейца — в 1856 г. Лонгфорт, первый английский консул в Битоля, и осенью 1863 г. фон Хан, австрийский генеральный консул в Сире. Русский путешественник не имел возможности подробнейшим образом изучить этот регион, поскольку он был ограничен во времени и скован жестким маршрутом, который заранее был объявлен битольскому вали. Любая задержка в пути или отклонение от него в связи с незапланированным посещением населенных

пунктов могли вызвать сильные подозрения со стороны турецкой администрации Битоля, которая и так относилась к Хитрово с явной враждебностью³⁷.

Русского консула, прежде всего, интересовали вопросы этнической и конфессиональной принадлежности населения тех мест, через которые пролегал его путь. Он отмечал, что в ближайших окрестностях православного монастыря Св. Наума было мало христианских сел, «на юг и на запад от монастыря начинается уже совсем сплошная масса арнаутского населения почти вовсе без всякого постороннего элемента, кроме редко, там и сям разбросанных одиноких владшских сел»³⁸. Самым значительным поселением здесь было албанское село Старово. В этой местности обосновались албанцы-тоски.

Хитрово, приехав на храмовый праздник в монастырь св. Наума, наблюдал значительное стечение народа, причем мусульман было не меньше, чем православных. Он с удивлением отмечал, что мусульмане — албанцы и болгары, «изменившие вере отцов», сохраняли «веру в чудодействия Святых седмичисленников» — Кирилла и Мефодия и их пяти учеников: Горазда, Климента, Ангелара, Саввы и Наума. В верованиях мусульман время деятельности этих святых было перенесено в эпоху османского владычества, появились легенды, в которых происходили чудеса в отношении того или иного турецкого бея, и в восприятии мусульман они превратились «в полухристианских-полумусульманских святых»³⁹. Особенно сильна была вера в чудодействие Св. Наума, который почитался заступником и целителем умалишенных. В монастырь Св. Наума и христиане, и мусульмане везли для излечения умалишенных со всей Албании и прилегающих окрестностей. Хитрово подчеркивал, что прежние «полунезависимые правители Албании из местной аристократии, помнившие свое христианское происхождение, не только защищали монастырь Св. Наума от всяких насилий, но даже сами поддерживали его своими богатыми пожертвованиями»⁴⁰. Исходя из сделанных наблюдений, русский консул полагал, что мусульмане этого региона, в мировоззрении которых продолжали жить «некоторые воспоминания о прежнем христианстве», должны были неминуемо

рано или поздно «возвратиться к оставленной вере отцов»⁴¹. Но он ошибался.

Исследования ученых показали, что «в каждой религии доктрина богословия и церковный культ, преломляясь через призму народных верований и бытовых традиций, принимали специфические конкретные формы». Так, при распространении на Балканах ислама, который является монотеистической религией, не допускающей преклонения перед кем-либо другим, кроме единого бога Аллаха, произошло приспособление чуждых для него идей и обычаев христианского «языческого синкретического комплекса, который образовался путем продолжительного синтеза славянских и тюркских дохристианских верований с христианскими догмами, идеями, культурами». В «массовом» исламе при ассимиляции «чуждого ему религиозного материала» возникли святыни, общие для язычников и мусульман⁴². Кроме того, широкому распространению ислама среди албанцев способствовала бекташийская секта, «в которой система ритуалов и обрядов была ближе к местным верованиям»⁴³. Хитрово же полагал, что сохранение среди мусульман Албании христианских культов являлось верным залогом, при благоприятных обстоятельствах, будущих конфессиональных перемен.

В Дебарском и Матском округах преобладало «воинственное» албанское племя гегов. Дебарский округ подразделялся на Горно- и Долно-Дебар. В Горно-Дебаре, а также в пограничной нахии Голема Река, которая относилась к Долно-Дебару, проживало довольно значительное число христиан — до 21 тыс. человек, хотя мусульман насчитывалось до 40 тыс. человек. В Долно-Дебаре христиан было очень мало: на 26 тыс. мусульман приходилось всего 2 тыс. христиан. В Малисии христиан вовсе не было, в Матском округе малочисленные христиане являлись католиками. А всего в Дебарском районе считалось до 23 тыс. христиан. Здесь было 89 христианских и смешанных сел или 2981 дом, причем, в самом Дебаре находилось 160 христианских домов.

Хитрово обращал особое внимание на этнический состав населения. Так, он выяснил, что в Горно-Дебаре христи-

ане и мусульмане были одного славянского происхождения, и «в общем употреблении» у них был болгарский язык, «который сохранил здесь все древние формы церковнославянского наречия»⁴⁴. Влиятельнейшие фамилии дебарских беев, которые проживали в городах, не утратили «еще свои христианские фамильные имена», несмотря на переход в ислам, например, Элио-ага, Сали-Марко и др. Мусульмане Горно-Дебара помнили, что их отцы «от нужды изменили христианству». «В нравах и обычаях» они совершенно сливались «с местным христианским народонаселением». Так, женщины-мусульманки не закрывали своего лица, и по одежде их было невозможно отличить от христианок. Они не вели затворнический образ жизни, выпавший на долю турчанок. Полигамии здесь не было. «Христианин в Горно-Дебаре не является в униженном отношении побежденного к победителям», как в других провинциях Турции. При встрече с мусульманином, по свидетельству Хитрово, он относился «к нему как равный к равному»⁴⁵. Дебарские христиане, вырастая среди опасностей и привыкая с ранних лет владеть оружием, «не могли воспитаться в том духе порабощения, которым заражены христиане в других местностях Турции». Даже в женщине «здесь являются необыкновенные черты мужества и смелости». В нахии Голема Река женщины-христианки (албанки) носят «почти мужскую, чрезвычайно красивую одежду и часто ходят вооруженные»⁴⁶.

Мусульмане Горно-Дебара не отличались религиозным фанатизмом. Напротив, они праздновали православные праздники наравне с христианами, посещали православные монастыри и храмовые праздники. В 1840-х годах имело место удивительное событие: тогда в большом христианском селе Галичнике «по внушению одного из значительных в то время дебарских христиан», отца полянинского епископа Парфения (1859—1866), воспитанника Московской духовной академии, 20 мусульманских домов «единовременно обратились в христианство». Охридский паша по получении этих новостей отвечал: «Гяурами были, гяурами пусть и останутся»⁴⁷. Однако в Османской империи процесс принятия ислама был необратимым: желавших возвратиться в прежнюю конфессию наказыв-

вали тюремным заключением. Освобождали только признавших свое заблуждение и остававшихся верными Мухаммеду⁴⁸. Хитрово был поражен подобным примером толерантности «в деле веры», которую он не встречал в современных ему турецких правителях, несмотря «на так торжественно заявленные правительством принципы веротерпимости». В память о православии своих предков мусульмане Горно-Дебары «мало симпатизируют с албано-католическим миром»⁴⁹, — писал русский консул.

Как известно, город в Турции выполнял важную функцию носителя османской цивилизации⁵⁰. Русский консул отмечал, что город Дебар заметно отурчился благодаря переносу сюда из Охрида резиденции каймакама, и «здесьние мусульмане уже выказывают в своих нравах некоторые черты фанатизма, вовсе не свойственные массам албано-мусульманского народонаселения Дебара и Малисии»⁵¹, — констатировал Хитрово. Несмотря на сопротивление жителей, Танзимат здесь начал набирать силу, о чем свидетельствовало то, что мусульманское население «уже более или менее» платило государственные подати «и, хоть и по принуждению, раза два выставляло из своей среды рекрутов»⁵².

В Долно-Дебаре христиане и мусульмане принадлежали к албанскому народу, и разговорный язык у них был албанский. Однако поскольку в то время албанский язык не имел своей письменности, то богослужение в православных храмах (а почти все дебарские христиане исповедовали православную веру) совершалось по-славянски. Все мужчины-христиане из Долно-Дебара знали болгарский язык, «лишь одни женщины и дети, и те только местами»⁵³, говорили исключительно по-албански. Таким образом, по замечанию Хитрово, здесьние албанцы-христиане «совершенно подчинились славянскому влиянию». Мусульмане, которые «когда-то были православными», по его наблюдению, продолжали придерживаться некоторых православных верований и обычаев.

В Долно-Дебаре практически не было больших сел, албанцы жили «разбросанно в маленьких деревеньках», состоявших большею частью из членов одной фамилии. «Такие

деревни сами по себе или в совокупности с другими составляли фис, т.е. рёды, находившиеся под управлением фисовых старшин»⁵⁴. Фисовые старшины пользовались огромным влиянием: к ним обращались по семейным, имущественным, гражданским и уголовным делам. В этом крае существовала «наследственная» кровная месть, которая длилась подчас 100 и более лет. Ислам, как подчеркивал Хитрово, был принят албанцами Долно-Дебара сравнительно недавно — 100 или 120 лет назад — «из временных выгод» и «лишь по наружности»⁵⁵. Прежде они исповедовали римско-католическую веру. По свидетельству русского дипломата, они «остались народом полудиким, более приверженным своим древним наследственным нравам, чем какой бы то ни было религии». В мусульманах Долно-Дебара не проявлялся религиозный фанатизм. Укреплялись в исламе лишь те албанцы, которые надолго оставляли свою родину, попадали «в турецкую службу» или подолгу жили в турецких городах. Турецкая власть здесь была номинальна: нахии Долно-Дебара не платили никаких налогов и никогда не исполняли рекрутской повинности. Известные беи из Горно-Дебара здесь не имели никакого влияния. «Чем далее на север, тем власть правительственная становится ничтожнее, народонаселение являет в жизни своей черты дикой независимости, и родовые учреждения заодно с древними албанскими нравами охраняются с большей неприкосновенностью»⁵⁶, — сообщал русский консул.

Хитрово объяснял странную терпимость турецкого правительства по отношению к местному населению тем обстоятельством, что оно понимало, «что при малейшем с его стороны неосторожном посягательстве на уничтожение фактической независимости Дебара, все ее албано-мусульманское народонаселение готово перейти в христианство»⁵⁷.

Русский консул удостоверял, что «в албанских деревнях Долно-Дебара и Малисии запустелые католические храмы до сих пор стоят неприкосновенными, как будто ожидая возвращения католических проповедников»⁵⁸. Албанцы Долно-Дебара и Малисии легко ладили с соседями на западе — мирдитами, албанцами-католиками, «с которыми их связывало единство

языка, нравов и обычаев и одинаковое полунезависимое отношение к турецкому правительству». По мнению Хитрово, постоянное общение с мирдитами-католиками поддерживало в албанцах-мусульманах Долно-Дебара «естественное стремление» «к оставленному, но не забытому вероисповеданию». С мусульманами Крчева, Калканделена (Карканделе, Тетово), Дьякова и Призрена они «не только не общаются, но даже часто находятся в открытой вражде». Хитрово отмечал, что в Долно-Дебаре не было устроено никаких лазаристских миссий, не было ни одного открытого обращения в католицизм, но, тем не менее, на них шло воздействие не столько религиозной, сколько политической «франко-латинской пропаганды», которая имела «неотразимое значение в среде полудикого албанского народонаселения Дебара». «Долно-дебаряне-мусульмане, устрашая турецкое правительство, говорят, что в случае притеснений с его стороны и посягательств на их независимость, они сделаются не только католиками, но даже и французами»⁵⁹, — писал Хитрово, подчеркивая смешение ими понятий религии и национальности.

Русский консул объяснял невнимание к этому региону католических миссионеров, столь заботившихся «об обращении болгар» и столько жертвовавших «на свои миссионерские учреждения в Турции», лишь незнанием особенностей и потенциальных возможностей Долно-Дебара. Участвовавшие поездки сюда европейцев должны были, по его мнению, «рассеять тот мираж неведения, который покрывает до сих пор любопытные этнографические и религиозные особенности народонаселений многих местностей европейской Турции», и тогда «западные католические державы не замедлят усмотреть те выгоды, которые могут они рано или поздно извлечь для себя в восточном вопросе из религиозных особенностей Северной Албании»⁶⁰, — предупреждал русский дипломат.

Власти Турции осознавали непрочность позиций ислама в этих краях, поэтому в Дебаре встречалось множество странствующих дервишей и всевозможных проповедников веры Мухаммеда. Однако «все эти усилия окончательно отурчить Албанию далеко не достигают цели: исламизм трудно прививается к здешним народностям»⁶¹, — считал Хитрово.

Русский консул собрал информацию и о Крчевском округе, где находился монастырь Богородица Пречистая. Этот район сильно отличался в политическом, административном и бытовом планах от Дебарского округа. Крчевский округ составлял особый каза (уезд) под управлением мудира, зависевшего непосредственно от битольского генерал-губернатора. Этот край давно подчинился Танзимату, он управлялся «на общем основании», его население платило подати и отбывало воинскую повинность. Здесь находились 104 христианских и смешанных сел, где числилось 2096 христианских домов. Мусульмане составляли большинство городского населения, в селах проживало довольно много христиан.

Крчевские мусульмане, так же как и горно-дебарские, были славянского происхождения, говорили лишь по-болгарски, но они приняли ислам раньше дебарян, «и он вкоренился в них сильнее»⁶². Крчевские мусульмане так же, как и дебаряне, жили грабежом и насилием, но, по свидетельству Хитрово, не отличались «теми своеобразными древними нравами, которые облагораживают дикость и буйство албано-славяно-мусульманского народонаселения Дебара»⁶³. Однако и они не были фанатиками. Русский дипломат отмечал, что отсутствие фанатизма, свойственного мусульманам, объяснялось «не воспоминаниями о недавнем христианстве и не особенностями древних, бытовавших учреждений», что он наблюдал у дебарских мусульман, а «влиянием учения секты бекташей, весьма распространенной в Крчевском округе». У села Брод находился знаменитый теке (монастырь) бекташей – Хайдарбаба, который обладал значительными поместьями и славился гостеприимством. «Значение секты бекташей, с каждым днем увеличивающейся и в особенности чрезвычайно распространенной во всей Албании, еще весьма мало оценено»⁶⁴, – писал Хитрово.

Христиане Крчевского округа, «живя между двойной опасностью – от соседства Дебара и от буйства местных мусульман», были «загнаны, обременены налогами и разными поборами властей». Они «как в нравственном, так и в материальном отношении находятся на жалкой степени упадка»⁶⁵, –

констатировал Хитрово. Крчевский и Дебарский округа составляли одну епархию, которая являлась одной из беднейших славянских епархий в Турции. Богослужение здесь шло на церковно-славянском языке. Дебарско-крчевский митрополит, назначаемый из Константинопольской патриархии, имел свою резиденцию в г. Крчево. Но митрополит дебарский высокопреосвященный Геннадий жил практически безвыездно в Битоля. Если в своих первых донесениях Хитрово писал о нем довольно положительно, то после путешествия 1864 г. его мнение о митрополите изменилось. Так, в апреле 1861 г. русский консул следующим образом охарактеризовал его: «Преосвященный Геннадий, человек уже в старческом возрасте, но еще бодрый, простой в обращении, ведущий строгую жизнь, пользуется здесь общим уважением. Он говорит несколько по-русски, кажется, действительно предан России и далеко не противен болгарской национальности». Он являлся, по сообщению русского дипломата, самой популярной личностью не только между христианами, но даже и между турками⁶⁶. В 1864 г. Хитрово уже писал, что митрополит Геннадий, человек довольно спокойный, «но он грек в душе, нисколько не сочувствует славянскому делу» и «не пользуется любовью паствы». Дебаряне поделились с Хитрово своими намерениями прекратить выплачивать митрополиту установленное содержание в 35 тыс. пиастров и отправить своих представителей в столицу Османской империи в «Константинопольскую болгарскую комиссию»* с требованием о назначении в их вполне славянскую епархию митрополита-болгарина, который бы сочувствовал их национальным и общественным интересам, а не грека, взиравшего «на паству как на свою вотчинную собственность»⁶⁷. Митрополиты-греки не заботились об организации школ в своей епархии, а у немногочисленных христиан после выплат казенных податей и налога в пользу митрополита не оставалось средств на содержание своих сельских школ. Только благодаря монастырям Св. Иоанна Предтечи близ Дебара и Успения Пресвятой Богородицы (Богородицы Пречистой) в Крчевском округе

* Речь идет о Народном болгарском представительстве в Стамбуле, основной задачей которого было решение церковного болгаро-греческого вопроса.

не исчезли грамотные христиане, да и все священники этого региона получили в них образование.

Записка о путешествии Хитрово чрезвычайно ценна статистическими сведениями и его конкретными наблюдениями. Дипломат заметил шедший процесс славянизации у албанцев, которые исповедовали православие, и у живших с ними в тесном соседстве албанцев-мусульман. Во взаимопроникновении культур православного населения и мусульманского мира Хитрово констатировал доминирование славянских обычаев и болгарского языка. Без сомнения, он внимательно изучал регион для того, чтобы, на основе полученной информации о его прошлом и настоящем, предугадать его будущее и понять, какую роль он может сыграть в решении Восточного вопроса.

«Инструкция», которая была составлена Хитрово при отбытии в отпуск в январе 1863 г. для секретаря русского консульства Е.М. Тимаева, 22-летнего молодого человека, незадолго до этого прибывшего из Петербурга, также показывает то значение, которое Хитрово придавал Албании «в будущих событиях» Балканского полуострова и которое, по его мнению, «с каждым днем начинает все более и более очерчиваться». «В настоящее время, — указывал русский консул, — страна эта так же, как и Фессалия, Эпир и Македония, наводнена эмиссарами разных греческих и итальяно-греческих тайных обществ, старающихся утвердить влияние свое на воинственное население Арнаутлука. За действиями этих агентов и за успехами их беспокойной деятельности, равно как и за оппозицией турецкому правительству, по-видимому, начинающейся в настоящее время независимо обнаруживаться со стороны албанского населения, вы должны будете следить по возможности с неусыпной бдительностью и обо всем до вас доходящем в этом отношении немедленно доносить императорскому министерству и миссии нашей в Константинополе и сообщать вице-консулу нашему в Солуне»⁶⁸. Во время своего отпуска Хитрово намеревался представить Азиатскому департаменту МИД России свои соображения о необходимости учреждения дипломатического агентства в Дурресе или Эльбасане. Российское вице-консульство было создано в Призрене, куда был направлен Тимаев.

Хитрово вернулся из отпуска к месту консульской службы в Битоля 10 сентября 1863 г. Он сразу обратил внимание на то, что власть турецкого правительства внутри страны со времени черногорской войны 1862 г. значительно окрепла. Порта «с ловкостью» сумела воспользоваться внешнеполитическими событиями и состоянием «нравственного упадка и уныния» «своих разочарованных христианских подданных», чтобы найти «новые элементы силы и стойкости». Хитрово считал, что укрепление власти на местах произошло из-за нескольких причин. «Черногория была в первый раз решительно побеждена и преклонила голову под условия победителя». Слава «черногорского имени» между албанскими племенами померкла, «они утратили веру в непобедимость ее оружия и теснее примкнули к турецкому правительству. Впечатление, произведенное вестью о поражении Черногории на умы христиан, было разрушительно, долго никто не хотел верить этой вести. Но когда истина стала очевидна, уныние и апатия заменили внезапно недавние теплые надежды»⁶⁹.

Порта переменяла свою тактику в отношении албанцев, «этого полудикого и воинственного народонаселения, почти враждебно к ней расположенного». Ей были необходимы его симпатии, но также следовало обуздать независимость Дебара и постепенно привести этот край «в то положение, в каком находятся другие провинции Турции». Новым шагом в этом направлении стало перенесение местопребывания охридского каймакама из Охрида в Дебар «для ближайшего надзора за дебарским народонаселением». Однако ожидаемых результатов эта мера не принесла, так как каймакамы назначались из Стамбула из турецких чиновников. Они не были знакомы с местными условиями, не имели в своем распоряжении никакой военной силы, не могли предпринимать «никаких решительных мер против буйства враждебно к ним расположенного народонаселения и против учиняемых им беспорядков». Кроме того, эти каймакамы наделялись весьма ограниченной властью, которую контролировала и при необходимости парализовала турецкая администрация в Битоля. Как только каймакам решался на какую-либо строгую меру, на него

тут же поступали жалобы в Стамбул, и каймакама снимали с должности. Таким образом, дебарские каймакамы беспрестанно сменялись.

В 1861 г. турецкие власти, занятые волнениями в Герцеговине и обеспокоенные тайным участием в них Черногории, оставили практически без внимания Дебарский край, где мусульманское албанское население чувствовало себя совершенно независимо. Здесь в ноябре 1861 г. дебаряне открыто восстали против каймакама, который бежал из своей резиденции в Тирану, «где он и оставался долгое время, не смея показаться среди буйного дебарского народонаселения»⁷⁰. В Долно-Дебаре также прошли значительные волнения: мусульманское население разделилось на две партии, между которыми завязалось сражение, было убито с обеих сторон 29 человек.

Хитрово с тревогой писал, что в этом регионе возросший мусульманский фанатизм угрожает христианам. Даже казачий полк, состоявший из христиан, под общим командованием известного Садык-паши (Михаила Чайковского), при проходе в конце мая 1861 г. через Скопье был встречен выстрелами⁷¹. Омер-паша в качестве наказания определил в Скопье на зимние квартиры не один, а два полка из христиан – казачий и драгунский⁷². По их прибытии в город, писал Хитрово 16 ноября 1861 г., жители отказались дать квартиры солдатам из христиан, в Скопье начались волнения, вследствие чего казаки были немедленно отозваны обратно в Битоля⁷³.

Бунт в Дебаре в 1861 г. был оставлен без последствий, но каймакам все же был сменен. Порте пришлось пересмотреть свое отношение к албанской знати, которую она в течение многих десятилетий упорно отстраняла от административных должностей, поскольку назначение в Албанию стамбульских чиновников оказалось неэффективным. Были прекращены преследования албанской знати и влиятельным албанским беям были поручены многие административные должности. Впрочем, властью на местах наделялись неместные беи.

Новый каймакам Джелаль-паша, потомок наследственной феодальной семьи, в прежние времена управлявшей областью Мат в Северной Албании, был возведен в звание паши

за участие в турецко-черногорской войне 1862 г. во главе сформированного им албанского иррегулярного войска. Он «ужился» с дебарянами, стал извлекать из своей должности личные выгоды, обогащался взятками и не заботился о наведении порядка во вверенном ему крае. При его управлении беспорядки в Дебаре дошли «до крайних пределов», его сотрясала борьба кланов, кровная месть, грабежи совершались открыто, дороги стали «совсем непроходимыми, все пограничные местности сделались театром опустошительных вооруженных разбоев, и значение правительственной власти в Дебаре стало еще ничтожнее прежнего»⁷⁴, – констатировал Хитрово.

Тимаев сообщал в донесении от 17 (29) ноября 1863 г., что битольские власти, серьезно озабоченные постоянными неурядицами в Дебаре, решили поместить там на зимние квартиры часть войск. Однако малочисленный контингент не мог принести никакой пользы, а для значительного не было достаточного количества помещений. В январе 1864 г. в Битоля приехал охридский каймакам Джелаль-паша, чтобы поставить перед турецкой администрацией вопрос о принятии, наконец, решительных мер для умиротворения «этой полудикой и только номинально подвластной Порте страны». Было предложено весной расположить в Дебаре на постоянные квартиры 2 батальона регулярных войск, для чего должны были быть построены укрепленные казармы⁷⁵.

Следует сказать, что подобная попытка усмирить Дебар с помощью постоянного размещения в городе войск была предпринята еще в 1860 г., когда началось строительство казармы. Однако дебаряне ее разрушили под предлогом, что земля, на которой возводилось строение, принадлежала не правительству, а одному из их предков, и вообще «громко заявили», что не желают допустить постройки казармы в Дебаре⁷⁶. Разрешить этот конфликт, умиротворить население, а также укрепить престиж Порты в этом крае поручили специальному эмиссару Осман-бею из свиты великого визиря Мехмеда Кипризли-пашы, который в декабре 1860 г. совершал инспекционную поездку по Румелии. Но чем глубже Осман-бей вникал в причины беспорядков с целью их устранения, тем больше натыкался он

на препятствия, и, в результате, противоречия между властями и жителями Дебара лишь усилились. А Осман-бей вынужден был спешно покинуть город, чтобы в Битоля просить вмешательства гражданского губернатора и военных⁷⁷.

Для обуздания вольницы в Дебаре и Мате в начале 1864 г. Порта распорядилась сосредоточить в Охриде войска, которые должны были весной выступить в Дебар и обеспечить строительство там каменной казармы. Уже 22 января 1864 г. из Битоля в Охрид были направлены 15 орудий, из Скутари – батальон пехоты и 3 батальона из Стамбула. Все эти войска также предназначались для поддержки административных мер, которые должны были быть предприняты в Дебаре и Мате и которые могли вызвать нежелательные осложнения⁷⁸.

Вместо Джелаль-паши каймакомом в Дебар в 1864 г. был назначен Сулейман-паша, представитель древнейшей и влиятельнейшей фамилии тиранских беев. Им принадлежали «огромные поместья близ Тираны и, между прочим, Круя, древний замок Георгия Кастриота», от которого они производили свой род. Мудирами в Охрид, Старово, Тиран и Дурацо были назначены родственники Сулейман-паши. Вся Центральная Албания оказалась под управлением одной влиятельной фамилии. Поэтому нельзя согласиться с Г.Л. Аршем, автором соответствующей главы в «Краткой истории Албании», который считает, что Джелаль-паша был смещен с должности в результате стамбульской политики «удаления албанских феодалов из центров их влияния и власти»⁷⁹.

Строгими мерами, направленными на обуздание буйств албанских мусульман, Сулейман-паше удалось водворить относительный порядок и некоторую безопасность, что положительно было воспринято христианами. Однако мусульмане были иного мнения, поэтому в Битоля начали поступать бесконечные жалобы и доносы от дебарских беев «с целью избавиться от беспокойного начальника»⁸⁰.

Турецкое правительство активно поощряло религиозные и национальные чувства мусульман, чем приобрело их доверие и расположение. Так, в состав сформированной султанской стражи телохранителей были избраны члены многих вли-

ятельных в Албании фамилий. Естественно, они не могли не сближаться с правящей элитой, а правительство, в свою очередь, через них старалось приобрести влияние и власть в среде албанского населения, что оно не сумело осуществить путем прежних административных строгостей. В ходе реформ Портой формировались жандармские части. В Дебаре батальон башибузуков в национальных албанских костюмах временно исполнял обязанности жандармов. Весной 1865 г. в Призрене и Скопье был создан жандармский полк из трех батальонов. Третий батальон из 500 человек был обязан нести службу в Охридском санджаке, который включал и Дебар. Важно, что дебарским жандармам оставили их национальную одежду, а не экипировали в форму, как в других регионах империи⁸¹.

В столицу поступали многочисленные жалобы на усилившиеся повсюду разбои. Печальная статистика случаев убийств, ограблений, разбоев постоянно сообщалась русскими и австрийскими дипломатами в Стамбул своему начальству. Хитрово констатировал, что суровая природа гор и малоземелье вынуждали мужчин-дебарян уходить зимой на заработки в города Салоники, Стамбул и др., а на лето возвращаться домой и промышлять разбоем. «Здесь разбой почитается не предосудительным делом, но законным правом завоевания». Дебар сделался центром, из которого каждое лето расходились «во всех направлениях многочисленные вооруженные шайки», наводившие ужас на окрестное население. «Добыча, состоящая иногда из целых стад овец, по возвращении в Дебар продается здесь совсем открыто. Захваченные из христианских сел пленники до получения за них выкупных цен содержатся здесь в заключении»⁸², — писал Хитрово.

Согласно свидетельствам дебарского митрополита Геннадия, эти разбойники не трогали женщин и монахов, а обирали купцов, умыкали членов богатых семейств, за которых требовали выкуп⁸³. Они принимали только золото, редко серебро и никогда медь. Шайки, которые состояли из албанцев-гегов, иногда сопровождали свои разбои варварскими истязаниями. Грабежи же с бесчеловечным надругательством были делом не имеющих никакого занятия турок из отставных запятя (жан-

дармов) и поляков*, а также празднующейся пьяной турецкой молодежи⁸⁴. Жертвами насилий и разбоев чаще всего бывали безоружные христиане, так как они не имели права защищаться. Христианин знал, что за убийство турка, даже для спасения своей собственной жизни, он никогда не найдет оправдания перед турецкими судьями.

По наблюдениям русских консулов, большинство главарей шаек имели своих покровителей среди богатых беев, которые заседали в кебир-меджлисе. Их чифтлики никогда не подвергались нападениям, и, по словам Хитрово, они содержали «право разбоя на полуофициальном откупу»⁸⁵. Генерал-губернатор Битоля Абдул Керим-паша, а также сменивший его в 1862 г. хаджи Али-паша не предпринимали никаких действенных мер, чтобы как-то бороться против грабежей и насилий, которые стали бичом для региона, особенно для христианского населения.

Так, в начале июля 1864 г. среди бела дня на христианское село Леуново напала шайка в 80 человек из Долно-Дебара под начальством Рам Павана. Местные жители попытались оказать сопротивление, но силы были неравны. Село было разграблено, несколько домов сожжено, 4 человека убито, а 4 молодых людей было уведено в Дебар пленниками, за которых потребовали выкуп в 35 тыс. пиастров. Село находилось в Тетовской нахии, подчиненной нишскому генерал-губернатору Митхад-паше. Он уже тогда пользовался репутацией одного из наиболее деятельных, справедливых и энергичных турецких губернаторов. Митхад-паша немедленно обратился к битольскому губернатору хаджи Али-паше, прося его содействия в освобождении из Дебара пленных леуновских христиан. Но не видя никаких реальных действий со стороны хаджи Али-паши, он послал в Дебар разбойникам из казенных денег 35 тыс. пиастров выкупа и в то же время телеграфировал в Стамбул как о случившемся, так и о мерах, которые он вынужден был предпринять ввиду бездействия битольских властей. Дебарский разбойник Рам Паван отказался принять казенные деньги и продолжал удерживать христиан в Дебаре. Тогда по приказу из Стамбула в дело вмешались воен-

* Поляки – сельская стража, набираемая из мусульман, для охраны селений и полей крестьян от разбойников.

ные власти Битоля. Мушир Абди-паша вызвал из Дебара беев и фисовых старшин, без объяснения им причин вызова. Четырех беев в сопровождении полицейского офицера затем отправили обратно в Дебар для освобождения пленных, а остальных оставили в Битоля в качестве заложников хотя и на свободе, но на поруках и с запрещением оставлять Битоля до тех пор, пока леуновские пленные не будут доставлены в город. Христиан освободили, а вместе с ними и еще одного христианина, который был похищен другими разбойниками из Демир-Хиссара⁸⁶.

В сентябре 1864 г. хаджи Али-паша был смнен Хюсни-пашой, который был генерал-губернатором Салоник и сумел в этом крае навести порядок – обуздать разбойников и несколько смирить албанских беев. Хюсни-паша немедленно сменил многих служащих из прежней администрации, оставив только мудиров городов Старова, Каралан, Крчева и др. На ответственные должности он поставил своих людей, прибывших с ним из Салоник и Стамбула. Потерял свое место и Халиль-бей, потомок старинного албанского рода и один из самых богатых землевладельцев Битоля. Он отправился в Стамбул, где провел год, интригуя против нового вали.

28 сентября 1864 г., в присутствии созванных мудиров, многих митрополитов, членов меджлиса и городских старшин как Битоля, так и других городов и множества собравшегося народа, новый вали произнес речь, в которой он заявил о своем намерении проводить политику реформ. Хюсни-паша обратился к мудирам с упреками за небрежность и нерадение в исполнении ими служебных обязанностей и высказал недовольство турецкому населению за его ненависть к христианам, за убийства и насилия. «Он приводил цитаты из Корана, что христиане поручены Богом мусульманам в виде залога и их надо как рабов защищать и не притеснять». Чтобы пресечь разбой в крае, он предоставлял право любому жителю убивать разбойников и обещал за каждую принесенную голову разбойника от 10 до 40 лир* вознаграждения. Речь Хюсни-паши за-

* В донесении австрийского вице-консула П. Окули от 1 (13) октября 1864 г. приведена другая цифра: от 10 до 50 турецких лир вознаграждения за голову разбойника (Македония през погледа... № 127. С. 330).

кончилась объявлением о его намерении ехать в Дебар, в это разбойничье, по его словам, гнездо, в котором он введет новый порядок — Танзимат и вполне подчинит себе албанцев⁸⁷.

Е.М. Тимаев, сообщая о первых мероприятиях нового вали в донесении от 12 октября 1862 г., выразил сомнение в успехе его планов, поскольку Дебар слишком отличался от Караджово, где Хюсни-паше действительно удалось ослабить влиятельных беев и прекратить разбои. Караджово — небольшой горный массив, ограниченный с одной стороны солунской равниной, а с другой — битольской, где проживало всего несколько тысяч человек. Дебарский же край, гористый, с узкими долинами, простирался «на большее пространство и вмещал в себя густое население, которое, не занимаясь ни торговлей, ни промышленностью, ни даже хлебопашеством, отыскивает средства своего существования единственно в грабежах». Русский дипломат вспомнил о том, что в 1858 г. мушир (маршал) Абди-паша, черкес по происхождению, «с войсками и пушками не смог с ними справиться». «Вероятно, Хюсни-паша совсем не знает Дебара»⁸⁸, — писал Тимаев.

Впрочем, поездка Хюсни-паши в Дебар была несколько раз отложена, и он отправился туда только весной следующего года. Речь Хюсни-паши и его наставления об отношении к христианам не возымели никакого действия на мусульманское албанское население Дебара, о чем убедительно свидетельствовало убийство священника, папы (попа) Стояна, наместника дебарского митрополита. Священник во всеуслышание на чарши (рынке) разъяснял на болгарском языке эту речь нового вали, особо отмечая, что «отныне мусульмане не будут распоряжаться жизнью и имуществом христиан, и каждый может получить то, что ему следует по праву». Из факта убийства папы Стояна албанцем «можно заключить, что албанцы нелегко откажутся от права своей вольницы и нескоро покорятся воле правительства»⁸⁹, — писал Тимаев Н.П. Игнатьеву, российскому посланнику в Константинополе.

Однако некоторые подвижки в расшатывании древних традиций дебарян все же начали происходить. Дело в том, что Дебар, несмотря на требования турецких властей, никогда не

выдавал им дезертиров или разбойников, искавших там защиты. Известный разбойник Решид из с. Галжиляри близ Кальяри, 18 лет опустошавший вместе со своей шайкой из 62 человек местность Сарыгёл, бежал в Дебар, памятуя о его неписаных законах. Но он был схвачен и приведен в Битоля Салих-беем, который в награду за оказанную заслугу получил от Хюсни-паши пару серебряных пистолетов и должность мудира в Долно-Дебаре. Это событие нашло в Битоля два объяснения. Одни считали, что Хюсни-паша действительно внушил албанцам страх. Другие утверждали, что только личная месть одного из товарищей Решида побудила выдать его правительству и что дебаряне «останутся всегда верными своему характеру и никогда не выдадут того, кто ищет между ними спасения»⁹⁰.

Хюсни-паша, хотя и отсрочил свою поездку в Дебар, но не отказался от мысли подчинить себе албанских беев, имевших вес в этом регионе. Вали немедленно вызвал в Битоля членов дебарского меджлиса вместе с другими старшинами и влиятельными беями, всего до 40 человек. Но среди них не было Сали-Марко, который не согласился покинуть Дебар. Хюсни-паша принял дебарских беев с большой предупредительностью, выделил им помещение и дал содержание от себя. В начавшихся переговорах, которые в течение 2-х недель велись «как почти между равными сторонами», паша требовал строгого повиновения и ответственности за грабежи и добился от дебарян того, что они поклялись быть покорными султану и исполнять всякое приказание правительства. Впрочем, вали им не доверял, да и дебаряне не гарантировали точного исполнения каждого приказа из Битоля. Поэтому Хюсни-паша добился от них письменного обещания в исполнении своих требований, которое они долго не решались давать, поскольку ручаться как «за других своих соплеменников», так и «за уничтожение прежних порядков в их стране» «им казалось делом невозможным»⁹¹. Но вали решил принудить дебарян к круговой поруке, для чего оставил в Битоля четырех из них в виде заложников.

Охридский каймакам Сулейман-паша подал в отставку, которая, однако, не была удовлетворена. Поводом к его отказу от должности явилась невозможность управлять Дебаром при

Хюсни-паше на новых основаниях. По вызову Хюсни-паши в Битоля затем прибыли «для принятия приказаний паши» члены меджлисов из Призрена, Дьякова и Малисии.

Но в Дебаре приказы Хюсни-паши встречали явное сопротивление. Австрийский вице-консул П. Окули доносил в Стамбул 3 (15) декабря 1864 г. о том, что Сулейман-паша созвал самых видных албанских вождей из различных сел, чтобы сообщить им новые инструкции. По традиции они прибыли вооруженными. На требование снять оружие, которое стояло первым пунктом этой инструкции, старый Элдин-бей, демонстративно покидая собрание, ответил, что никогда не разоружится и что инструкции его не касаются. Остальные вожди также попрощались с дебарским каймакамом и вернулись в свои горы⁹². Хитрово писал 12 декабря 1864 г., что эту инструкцию дебарский каймакам Сулейман-паша даже не осмелился прочитать во всеуслышание в меджлисе, потому что первым условием покорности полагалось снятие с себя оружия во время заседания в меджлисах. Дебарские беи скорее готовы были оставить присутствие, чем выполнить данное требование. Открытое неповиновение было оказано в 20 селах Кучук-Бургаса (Мало Грло) в Горно-Дебаре. В этих селах отрез отказались от исполнения приказаний Хюсни-паши⁹³. Впрочем, после запрещения мусульманам носить оружие при себе вошли в употребление небольшие одноствольные пистолеты иностранной работы — сначала в Битоля, а потом нововведение распространилось и далее по региону. Эти пистолеты носились открыто, потому что они были невелики. Но турки в Битоля боялись Хюсни-пашу, и эта боязнь, по наблюдению Хитрово, порождала в них сильное недовольство.

Началось активное преследование разбойников. Так, был брошен в тюрьму за участие в разбое Хусейн-бей, брат Абдуррахман-бея, начальника полиции в Старовском каза. Дебарскому бею Сали-Марко из-за угроз вали все-таки пришлось прибыть в Битоля, где от него потребовали выдачи его родственника — разбойника Али Тета. Сали-Марко, который не желал выдавать место его укрытия, посадили под арест, но скоро отпустили с позволением выехать из Битоля⁹⁴. Стро-

гость Хюсни-паши к мудирам заставила их заботиться о спокойствии края из опасения лишиться своих мест. Мудирь старались предавать в руки правосудия как можно большее число разбойников, причем в их число попадали виновные и невинные. Таким образом, тюрьмы в Битоля были полны — до 700 человек. Больше половины из них были арестованы за преступления, остальные за долги.

Но жесткость властей порождала ответные действия. Например, власти г. Дьякова, преследуя разбойников в районе Малисии, арестовали нескольких убийц и грабителей. Тогда малисьевцы в отместку напали, в числе 4 тыс. человек, на Дьяково, разграбили его и сожгли несколько домов. Было убито 15 человек. Турецкие власти, полагая, что в Албании началось восстание, послали в Дьяково 3 батальона — по одному из Ниша, Ново-Пазара и Битоля. В Битоля привезли убийцу священника папы Стояна, а его сообщники напали на село Луково, место службы священника, и угнали 500 овец. Таким образом, «турецкие власти своими необдуманными действиями увеличивают это зло тем, что вызывают мстителей за поимку и наказание разбойников»⁹⁵, — полагал Тимаев.

Одна из принятых мер для поимки преступников состояла в том, что в Битоля привозили жен и детей разбойников, рассчитывая на то, что они сами себя выдадут властям. Этой мерой Хюсни-паша нарушил почитаемый обычай мусульманского быта — неприкосновенность гаремов. Об эффективности предпринимаемых властями мер свидетельствовало то, что были пойманы многие разбойники, в их числе Али Тета и Хуршид Алдандалы. Их заключили в битольскую тюрьму. Но накануне байрама в 1865 г., «для польщения чувства самолюбия дебаряи», был выпущен на свободу дебаряин Мета Краль, пробывший в тюрьме более 4 месяцев⁹⁶. В Битоля прошел слух, что будто бы дебаряне пригрозили, что если новый генерал-губернатор будет с ними и далее слишком строг, «то они содеются христианами* (вероятно, католиками), соединятся вместе с мирдитами и вместе будут действовать против правительства»⁹⁷.

* То есть вновь перейдут в христианство.

Активная борьба Хюсни-паши с преступлениями резко сократила количество разбоев и убийств. Но против нового битольского генерал-губернатора в Стамбуле развернул борьбу Халиль-бей. Действия вали вызвали критику и в прессе. Смещение Хюсни-паши, по мнению Тимаева, явилось бы «величайшим несчастьем для христиан, на которых в таком случае с удвоенной силою изольется накипевшая злоба и сдерживаемая ныне месть мусульманского фанатизма». Победа Халиль-бея означала бы возвращение времен с «разбойничеством, беспорядками и с сильным фанатизмом»⁹⁸. «Если Хюсни-паша удержится на месте, то дух христианского населения может скорее ободриться, идея равенства христианина с мусульманином делается популярнее, и после нескольких лет христиане вспомнят свою многочисленность перед магометанским населением, могут об этом обстоятельстве чувствительным образом дать заметить мусульманам»⁹⁹, — подчеркивал Тимаев в секретном донесении от 29 марта 1865 г.

Друзья Хюсни-паши, мушир Абди-паша и английский консул в Битоля Кальверт, решили послать в те же газеты в его защиту статьи с положительной оценкой его деятельности. Митрополит Венедикт пригласил городских старшин подписать султану адрес (махзар) с одобрением действий Хюсни-паши. Однако мусульмане восприняли этот адрес с негодованием¹⁰⁰. Впрочем, затем было приказано собрать и подписи мусульман под махзаром султану с изъявлением благодарности и одобрением деятельности Хюсни-паши. Австрийский вице-консул П. Окули сообщал в Стамбул, что в Битоля этот адрес никто не подписал — ни мусульмане, ни христиане. Население было недовольно, потому что Хюсни-паша собирал налоги и задолженности по налогам чрезвычайно жестко, не взирая ни на какие обстоятельства¹⁰¹. Кроме того, он не стремился завоевать расположение населения. Исключение составляли только военные, которые благодаря ему исправно получали каждый месяц жалование. «Это единственное хорошее качество вали», — говорили генералы. П. Окули сожалел, что «исключительное корыстолюбие» (в суде вали брал взятки с обеих сторон — с истцов и ответчиков, выигрывал давший больше

денег) Хюсни-паши «омрачало имя одного из самых благороднейших гражданских губернаторов»¹⁰².

В Дебаре албанцы также не соглашались подписывать махзар. Каймакам пригрозил членам меджлиса тюремным заключением, если те не дадут письменного одобрения деятельности Хюсни-паши. Дебаряне возмутились и отказались признавать власть каймакама, который был вынужден в поспешности бежать в Битоля. Хюсни-паша отстранил дебарского каймакама и для успокоения дебарян 26 марта 1865 г. отправил в Дебар находившихся в Битоля дебарских представителей¹⁰³. Следует сказать, что дебарян к неповиновению упорно подстрекал Халиль-бей.

Хюсни-паша, хотя и с большим трудом, но приступил с ноября 1864 г. к проведению в Дебаре рекрутской кампании. Дебаряне начали выдавать своих горцев в турецкую армию: по большей части это были люди, искавшие здесь спасения от преследовавшего их закона, или люди, к которым они питали ненависть. Но этот факт в совокупности с тем, что дебаряне стали снимать с себя оружие, являлось свидетельством того, что новые порядки с трудом, но все же внедрялись в их жизнь, и что они «больше прежнего покорны властям»¹⁰⁴.

16 апреля 1865 г. Хюсни-паша с многочисленной свитой и в сопровождении эскадрона кавалерийского полка отправился в Центральную и Северную Албанию (до Призрена). Путешествие продлилось несколько месяцев, и его основной целью было «успокоение умов» в этих краях и набор рекрутов. В Охриде Хюсни-паша лично встретил сопротивление: там ему отказали в наборе башибузуков, которые должны были исполнять обязанности местных жандармов.

Прибыв в Дебар и оценив обстановку, Хюсни-паша переменял свой образ действий. Он предполагал строгими мерами навести страх на дебарян и этим заставить их повиноваться. В Дебар из Битоля был отправлен батальон пехоты, который после отъезда вали из Дебара возвратился в Битоля. В городе, наконец, была построена казарма, были установлены посты. Сюда были назначены для постоянного размещения 4 батальона. Однако, когда по требованию Хюсни-паши самый

влиятельный из беев Сали-Марко отказался явиться в Дебар, хотя и послал к нему в заложники своего внука, паша начал принимать «очень ласково» тех из старшин, которые к нему приходили, и даже освободил внука Сали-Марко, подарив ему пару пистолетов в серебряной оправе. Кроме того, он раздавал бедным деньги, одежду и даже оружие. Но, как отмечал русский консул Н.Ф. Якубовский, в мае 1865 г. сменивший М.А. Хитрово на дипломатическом посту в Битоля, на подобное великодушие и доброту албанцы смотрели как на слабость и продолжали под разными предлогами отказываться платить недоимки за прошлые годы. Дебаряне опять подали сенед, прося о прощении им старых недоимок и уверяя «в повинности и полной готовности исправно платить на будущее время все повинности». «Ни строгость, ни доброта не подвинули дело вперед»¹⁰⁵, — констатировал Якубовский. С этим Хюсни-паша и покинул Дебар.

Но его действия получили одобрение в Стамбуле. Великий визирь прислал ему благодарственное письмо за успокоение страны и уничтожение между албанцами кровной мести. Это письмо Хюсни-паша получил во время своего пребывания в Призрене. 2 августа 1865 г. его копия была прочитана в битольском меджлисе при полном собрании его членов. Русский консул Якубовский, тонкий знаток Востока, однако писал, что чувство кровной мести было сильно развито между албанцами, и трудно было поверить в то, чтобы за такое короткое время можно было бы подавить и уничтожить это «чувство дикого албанца», которое «переходит от отца к сыну и передается из рода в род как священный долг» и которое он «хранит как заветное наследство от своего отца». Тем более, что даже во время пребывания Хюсни-паши в Дебаре разборки на почве кровной мести не прекратились, и их жертвой стали 6 человек¹⁰⁶.

В Призрене Хюсни-паша направил свое внимание на ремонт городских зданий и улиц, а также «на приведение в повиновение» албанцев Дьяковского и Ипекского округов, которые, подобно дебарянам, не выказывали «особой готовности платить государственные повинности»¹⁰⁷. После нескольких

недель постоя в Призрене Хюсни-паша отправился в Ипек, затем в Скопье и Велес. Продление этой инспекционной поездки битольского генерал-губернатора объясняли тем, что он собирал деньги и подарки¹⁰⁸. Действительно, в октябре 1865 г. он привез в Битоля 10 миллионов пиастров, которые ему удалось получить с жителей региона, прежде уклонявшихся от уплаты налогов Порте. Через своего родственника вали переправил эту сумму в Стамбул¹⁰⁹.

Но кровавые стычки в Дебаре продолжались, вопреки заверениям Хюсни-паши об их искоренении. Так, в феврале 1866 г. в результате ссоры двух старшин, Хусейна-бея Коло и Ахмеда-бея, завязался настоящий бой, в котором с обеих сторон было ранено и убито более 20 человек. Необходимо было поставить во главе этого беспокойного края авторитетного среди албанцев человека. Халиль-бей, член уголовного суда в Битоля, имевший большое влияние в Албании, был возведен в звание паши и назначен каймакамом в Дебар. Но он отказался туда ехать, избрав Охрид своей резиденцией. «Эта предосторожность со стороны Халиль-бея, — писал Якубовский 28 февраля 1866 г., — объясняет настоящее положение каймакама в Дебаре, выказывает наклонность духа албанцев и намекает на степень важности последнего происшествия, которое бросает особенный свет на донесение Хюсни-паши о восстановлении в последнее время порядка и уничтожении кровной мести»¹¹⁰.

Весной 1866 г. Халиль-паше все же пришлось приехать в Дебар. Но его пребывание в городе не повлияло на ситуацию в нем, поскольку имели место несколько случаев грабежей и убийств. Кроме того, Халиль-паша стал причиной вооруженного конфликта между двумя дебарскими старшинами. Дело в том, что Халиль-паша назначил начальником полевых стражей Дестана Зупа, отказав в этой должности другому албанцу. Последний со своими товарищами, засев в ущелье Дервента, притока Дрина, открыл ружейный огонь по Дестану Зупу, возвращавшемуся домой со своими приближенными. Были убитые и раненые¹¹¹.

В июле 1866 г. в Центральной Албании возобновились беспорядки, поскольку жители селений Эльбасанского каза,

известных под названием Чемерика, отказывались платить следуемые с них недоимки, отговариваясь неимением денег. Мудир Эльбасана приказал задержать 20 человек, главных зачинщиков выступлений, и послал их под присмотром жандармов в Битоля на суд Хюсни-паши. Но по пути они были отбиты албанцами, которые вышли в числе 150 человек, при этом был убит 1 жандарм. Хюсни-паша немедленно отставил эльбасанского мудира от должности, вменяя ему в вину, что при настоящем положении дел, т.е. в связи с критскими событиями, он не должен был прибегать к строгим мерам и тем раздражать албанцев¹¹².

Битоля из-за восстания греков на Крите вновь стал принимать вид военного лагеря. В июле 1866 г. сюда прибыли 8 батальонов египетских войск (с семью нарезными пушками) под начальством Эмин-паши, которые расположились лагерем недалеко от города. Ожидали еще 6 батальонов, которые должны были быть направлены в Ларису. В июле был объявлен набор башибузуков. По этому случаю Хюсни-пашой были созваны в Битоля албанские беи, а из Охрида приехал Халиль-паша. Было принято решение о том, что Сали-Марко и Сали-бей будут иметь каждый под своим начальством по 2500 человек башибузуков, Абдурахман-ага — 2 тыс. человек, приматы Тетова и Дьякова Хасан-Делра и Сулейман-бей — также по 2 тыс. человек. Даже разбойник и убийца Хасан Потко (Плоска), албанец родом из Дебара, был выпущен из тюрьмы и возведен в звание капитана башибузуков. Он был отправлен в Албанию, где должен был набрать 1 тыс. башибузуков. Иррегулярные войска должны были включать от 15 тыс. до 20 тыс. человек. Недостающее до этой величины число башибузуков собирались набрать из южных албанцев. Каждому башибузуку было положено 120 пиастров в месяц жалованья и выдача хлеба. Во время черногорской войны жалованье составляло 80 пиастров в месяц¹¹³.

Албанские беи, недовольные строгими мерами Хюсни-паши, давно хлопотали об удалении его из Румелийского эялета. В письме от 9 апреля 1866 г. Н.П. Игнатьев сообщал Якубовскому о том, что к нему обращались некоторые ал-

банские беи, прося посредничества российской миссии в Константинополе перед Портой для удаления Хюсни-паши. Они передали также записку, где перечислялись разные злоупотребления, совершавшиеся под управлением битольского вали. Игнатьев в частном разговоре с Мехмедом Эмином Али-пашой, министром внутренних дел, коснулся этого вопроса без упоминания имен, на что Али-паша заверил русского посланника в том, что Хюсни-паша будет отозван в самом непродолжительном времени¹¹⁴. Начавшееся Критское восстание заставило Порту выполнить свое обещание. Чтобы не раздражать албанцев в момент, когда требовалась их военная помощь, Стамбул пошел на уступки, и осенью 1866 г. Хюсни-паша был снят со своей должности. Новым генерал-губернатором Румелии стал Тевфик-паша, прибывший в Битоля 9 октября 1866 г.

Таким образом, после черногорской войны, по наблюдению Хитрово, власть турецкого правительства внутри страны, несмотря на все злоупотребления, значительно окрепла. Порта сумела воспользоваться военной передышкой, чтобы продолжить сложный процесс по внедрению новых порядков среди албанцев Дебара. Но реформы носили крайне ограниченный характер и не поколебали местных устоев. К тому же, натиск Танзимата был ослаблен начавшимся обострением Восточного вопроса в связи с Критским восстанием 1866—1868 гг.

Хитрово, искавший силы, которые смогли бы способствовать разрушению Османского государства, не обнаружив их в христианах Битольского края, обратил внимание на албанцев. Разумеется, он видел разобщенность этого народа, который разделяли не только разные религии, кровная месть, вражда между отдельными фисами, но и сама природа Албании, однако в них не было той покорности и униженности, которые русский консул наблюдал постоянно в сельском и городском славянском населении Битольского региона. В своих донесениях в Петербург и российскую миссию в Константинополе Хитрово, привлекая внимание своего начальства к Албании, писал, что здесь «неудовольствия против турецкого правительства с каждым днем возрастают и, бросая глубокие корни

в албанском народонаселении, могут рано или поздно представить для Турции опасность едва ли не существеннейшую, чем все призраки пробуждающихся христианских народностей, которые так устрашают Порту»¹¹⁵.

Однако Хитрово слишком предвосхищал события. Его прогнозам не суждено было осуществиться в 60-е — начале 70-х годов XIX в. Славяне Балканского полуострова все же опередили соседей-албанцев в размахе и зрелости освободительного движения за свои самостоятельные государства.

Примечания

¹ *Ортайлы И.* Период Танзимата и последующее административное устройство // История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006. С. 238.

² *Мейер М.С.* Кризис османских имперских порядков: меняющиеся отношения центра и периферии в XVIII в. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 78.

³ *Никитин С.А.* Крымская война // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 199.

⁴ *Запорожец В.М.* Развитие военной организации Османского государства в XVIII-XIX вв. М., 1989. С. 19.

⁵ *Струкова К.Л.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004. С. 25.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423.Л. 83.

⁷ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.

⁸ Там же. Л. 50.

⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 34.

¹⁰ Там же. Д. 1416. Л. 38.

¹¹ Там же. Л. 14 об.

¹² Там же. Л. 73 об.

¹³ Там же. Л. 55.

¹⁴ Там же. Л. 73.

¹⁵ Там же. Л. 73 об.

¹⁶ Там же. Л. 84 и об.

¹⁷ Там же. Л. 87.

¹⁸ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. № 83. С. 218.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 85.

²⁰ Там же. Л. 83.

²¹ Македония през погледа... № 80. С. 213.

²² АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 326 об.

²³ Македония през погледа... № 89. С. 229.

- 24 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 130.
- 25 Македония през погледа... № 87. С. 225.
- 26 Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 167.
- 27 Македония през погледа... № 92. С. 235.
- 28 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 138.
- 29 Там же. Л. 138 об.
- 30 Там же. Л. 139.
- 31 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 118 об.
- 32 Там же.
- 33 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 152 об.
- 34 Там же. Л. 189.
- 35 Там же. Л. 139.
- 36 Там же. Л. 142 и об.
- 37 См.: *Фролова М.М.* «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.* М., 2012. С. 61–73.
- 38 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 117.
- 39 Там же. Л. 114.
- 40 Там же. Л. 114 об.
- 41 Там же. Л. 114.
- 42 *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XVI–XVIII вв. // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* М., 1986. С. 103–104.
- 43 Там же. С. 104.
- 44 *Сенкевич И.Г.* Новые документы по истории южных славян (Из рукописного наследства М.А. Хитрово) // *Славянский архив. Сборник статей и материалов.* М., 1963. С. 247.
- 45 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 128 об.
- 46 Там же. Л. 134 об.
- 47 Там же. Л. 130.
- 48 Желязкова А. Указ. соч. С. 114.
- 49 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 128.
- 50 *Стайнова М.* Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* С. 96.
- 51 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 124.
- 52 Там же. Л. 123 об.
- 53 Сенкевич И.Г. Новые документы по истории южных славян... С. 247.
- 54 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 124.
- 55 Там же. Л. 126.
- 56 Там же. Л. 123 об.
- 57 Там же. Л. 126.
- 58 Там же. Л. 126 об.
- 59 Там же. Л. 127.
- 60 Там же. Л. 127 и об.

- 61 Там же. Л. 131.
- 62 Сенкевич И.Г. Новые документы по истории южных славян... С. 249.
- 63 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 144.
- 64 Там же. Л. 144.
- 65 Там же. Л. 144 об.
- 66 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 30 об.
- 67 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 136.
- 68 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 522 об.
- 69 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 53 об., 54, 55.
- 70 Там же. Л. 40.
- 71 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. № 142. Л. 142 об.
- 72 Македония през погледа... № 63. С. 186.
- 73 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 142 об.
- 74 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 40.
- 75 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 10и об.
- 76 Македония през погледа... № 32. С. 120.
- 77 Там же. № 31. С. 118.
- 78 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. № 24. Л. 637.
- 79 Арш Г.Л. Зарождение национально-освободительного движения // Краткая история Албании. М., 1992. С. 159.
- 80 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 40 об. – 41.
- 81 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 851 об.
- 82 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 125.
- 83 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч.1. Л. 30 об.
- 84 Там же. Л. 327 об. – 328.
- 85 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 56.
- 86 Там же. Д. 1418. 1864. Л. 164 об. – 165.
- 87 Там же. Л. 205-206.
- 88 Там же. Л. 207.
- 89 Там же. Л. 208.
- 90 Там же. Л. 207 об.
- 91 Там же. Л. 210.
- 92 Македония през погледа... № 131. С. 336.
- 93 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 232 об.
- 94 Там же. Л. 222 об.
- 95 Там же. Л. 211 и об.
- 96 Там же. Д. 1419. Л. 28.
- 97 Там же. Д. 1418. Л. 222 об.
- 98 Там же. Л.222.
- 99 Там же. Д. 1419. Л. 48.
- 100 Там же. Д. 1418. Л. 222 об.
- 101 Македония през погледа... № 136. С. 341.
- 102 Там же. Т. 2. София, 1998. № 15. С. 33.
- 103 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 45 об.

- ¹⁰⁴ Там же. Л. 22 об.
¹⁰⁵ Там же. Л. 65.
¹⁰⁶ Там же. Л. 68.
¹⁰⁷ Там же. Л. 68 об.
¹⁰⁸ Македония през погледа... № 142. С. 349.
¹⁰⁹ Там же. № 143. С. 350.
¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1420. Л. 12 об.
¹¹¹ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1185. Л. 47 об.
¹¹² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1420. Л. 41 об.
¹¹³ Там же. Л. 43.
¹¹⁴ Там же. Л. 16.
¹¹⁵ Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 117 об.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

АЛБАНСКАЯ ЛИГА ПРИЗРЕНА 1878—1881 ГГ. И РОССИЯ*

Деятельность образованной летом 1878 г. и просуществовавшей три года Призренской (Албанской) лиги представляет собой одно из наиболее ярких и одновременно неоднозначных явлений в истории албанского национального движения. Албанская историография и национально-государственная традиция отводят этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли путем борьбы «против всех возможных врагов и завоевателей»¹. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д.Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения»².

Однако в исторических трудах представителей других государств балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституировавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают все происходящее на Балканах в последующие годы (вплоть до настоящего времени) борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги и со-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ в рамках исследовательского проекта РФНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

здание «Великой Албании» на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физическое) других балканских народов³.

В контексте данной широкой проблемы немалый интерес представляет вопрос отношения к Призренской лиге России. Прежде всего, следует напомнить, что русско-турецкий прелиминарный договор, подписанный в Сан-Стефано (совр. Ешилькей, близ Стамбула) 3 марта 1878 г. по итогам Великого Восточного кризиса, не содержал никаких упоминаний об Албании и албанцах. Они – в отличие от представителей других балканских национальностей – могли по умолчанию рассчитывать лишь на ограниченную административную автономию. Наиболее «близко» к албанцам подошла XV статья Сан-Стефанского договора, гласившая:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 года, сообразуясь с желаниями, уже выраженными местным населением.

Подобный же устав, примененный к местным потребностям, будет также введен в Эпире и Фессалии и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим актом.

Разработка подробностей нового устава будет поручена в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие. Результаты этих трудов будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты, которая, прежде чем применить их, посоветуется с российским императорским правительством»⁴.

Таким образом, Албания проходила в тексте Сан-Стефанского прелиминарного договора как «другая часть Европейской Турции». Кроме того, документ предусматривал передачу ряда территорий с преобладающим албанским населением соседним государствам, в связи с чем не упоминавшиеся в его тексте албанцы могли рассматриваться как «одни из его главных жертв»⁵. В частности, Болгарии передавалась западная область Албании с важным торговым центром Корча, а также Поградец, Дебар, Гостивар и Тетово. Сербия получала значительную часть приштинского санджака. Черногории были

присуждены североалбанские районы с городами Печ, Улцинь (Дульциньо), Хоти, Плав, Гусинье и Подгорица⁶.

Подобная ситуация стала следствием в том числе неурегулированности разногласий самих великих держав по поводу настоящего и будущего Албании — прежде всего, в отношениях Вены и Санкт-Петербурга. Секретное Рейхштадтское соглашение России и Австро-Венгрии, заключенное 8 июля 1876 г. по итогам свидания российского императора Александра II и министра иностранных дел князя А.М. Горчакова с их австрийскими коллегами Францем Иосифом и Д. Андраши в Рейхштадтском замке в Чехии, оказалось составленным таким образом, что русская и австрийская записи различались как раз применительно к албанским делам. В частности, согласно записи Андраши, Албания должна была стать автономной провинцией Османской империи наравне с Болгарией и Румелией. В русской же версии упоминание об Албании отсутствовало⁷. Не прояснили ситуацию насчет Албании и подписанная 15 января 1877 г. в Будапеште еще одна секретная русско-австрийская конвенция, а также подписанная 18 марта того же года, но датированная тем же 15-м января дополнительная конвенция⁸. Последний документ особо оговаривал «ожидаемые результаты предстоящей войны»⁹.

Что характерно — в то время, как российские дипломаты на уровне международных переговоров и соглашений в целом не уделяли тогда албанской проблеме должного внимания, российское общественное мнение проявляло все больший интерес к албанским сюжетам. В частности, известна оценка, данная рассматриваемым вопросам в феврале 1878 г. тогда еще молодым журналистом Василием Ивановичем Немировичем-Данченко: «Мы так или иначе разрешили вопрос болгарский, но на смену ему выдвигается целый ряд новых, между которыми не последнее место должно быть отведено албанскому»¹⁰.

В условиях растущего разочарования положениями Сан-Стефанского договора, с весны 1878 г. в албанском национальном движении все большее распространение стала приобретать идея образования общеалбанской лиги, призванной способствовать объединению всех албанских земель в одно государст-

венно-политическое автономное образование, а также воспрепятствовать планам великих держав и балканских государств добиться отторжения в их пользу территорий, населенных албанцами. По последнему вопросу взгляды албанцев в принципе соответствовали интересам турецкого правительства (которое стремилось использовать албанское движение в интересах сохранения территориальной целостности Османской империи), а также вписывались во внешнеполитическую стратегию некоторых великих держав, в первую очередь, Великобритании и Австро-Венгрии, настаивавших на необходимости пересмотра Сан-Стефанского соглашения и планировавших использовать недовольство албанцев в качестве рычага давления на Россию.

Уже в мае 1878 г. британский консул в Шкодере Герберт Грин сообщал о всеалбанском объединении как о почти что свершившемся факте. Он же предложил Форин-оффис рассмотреть вопрос об использовании 15-тысячного корпуса албанских добровольцев из Дебара, Мата и других албанонаселенных районов с тем, чтобы «использовать его в случае войны с Россией», на которую в Лондоне готовы были пойти в случае нежелания Петербурга пересмотреть положения Сан-Стефанского договора в том, что касалось независимости Болгарии в широких территориальных пределах¹¹.

Берлинский трактат от 13 июля 1878 г. в целом подтвердил сан-стефанские положения касательно реформ в Европейской Турции и территориального разграничения на Балканах. Ключевая статья XXIII, к которой впоследствии активно апеллировали в Белграде и других балканских столицах, а также поборники албанского национального движения, звучала в следующей редакции:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие»¹².

И хотя решение Берлинского конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским предварительным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи), документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением — Плава и Гусинье, а Греции — значительной части Эпира, в том числе районов с преобладающим албанским населением.

Это вызвало новый всплеск недовольства со стороны лидеров албанского национального движения. Призренская лига установила контроль, помимо Призрена, над косовскими городами Вучитрн, Печ, Косовска-Митровица и Джняковица, что дало основания российскому послу в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому в сентябре 1878 г. прийти к следующему заключению: «Надо полагать, что сопротивление албанцев выполнению условий Берлинского договора перерастает в общее восстание против Порты»¹³.

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер¹⁴. Однако многие турецкие исследователи — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»¹⁵. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»¹⁶. Аналогичную оценку дала принятой программе российская газета «Голос», перепечатавшая ее в номере от 29 сентября 1878 г. и

отметившая в своем комментарии, что «Албанская лига, основанная первоначально исключительно для противодействия расчленению Албании, приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»¹⁷. Тем не менее, вплоть до лета 1879 г. власти Османской империи оказывали существенное содействие Албанской лиге. В Константинополе рассчитывали использовать ее активность для того, чтобы избежать выполнения решений Берлинского конгресса, касающихся передач албанских территорий соответствующим балканским государствам. Эта сторона взаимоотношений Призренской лиги не укрылась от российских дипломатов, находившихся в регионе. Так, консул России в Янине А. Троянский особо отмечал факты передачи турецкими властями албанским отрядам большого количества оружия. По его данным, к декабрю 1878 г. янинский комитет Албанской лиги получил от военного командования Османской империи в общей сложности 12 тыс. ружей¹⁸.

Однако обнародованный летом 1879 г. отказ султана пойти навстречу требованиям албанцев об образовании единого албанского автономного вилайета ознаменовал собой фактический раскол между албанским национальным движением в рамках Призренской лиги.

В сложившейся ситуации отделения Лиги стали по собственной инициативе организовывать на местах албанские административные и судебные органы, что привело во многих районах к фактическому двоевластию албанских и турецких структур. Албанское население отказывалось платить налоги Константинополю и вступало в национальные вооруженные отряды. К этому времени подчинявшиеся Призренской лиге вооруженные албанские формирования насчитывали не менее 16 000 человек. Особого накала противостояние комитетов Албанской лиги и турецких властей достигло в Призрене, Дебаре, Джаловице и Люме, где оно подчас принимало вооруженный характер. Как сообщал российский генеральный консул в Салониках М.К.Ульянов, албанские органы власти — в частности, в Дебаре — фактически осуществляли судебные и полицейские функции: «Здесь члены

лиги строго преследуют разбойничество и убийства, приговаривая нередко преступников к смертной казни или сожжению домов и имущества их, тогда как турецкое правительство в своих провинциях никоим образом не может прекратить разбойничество и обеспечить жизнь мирных селян»¹⁹.

Ряд российских дипломатов в своих донесениях не только информировали о текущей военно-политической ситуации в районах деятельности Призренской лиги, но и анализировали исторические и идеологические корни албанского национального движения. Так, российский консул в Призрене И.С. Ястребов (являвшийся в дипломатическом корпусе России одним из ведущих специалистов по албанским делам) высказывал широко распространенное в российских внешнеполитических кругах мнение о том, что Албанская лига является во многом творением властей Константинополя. Вместе с тем, он указывал, что Лига была создана по предложению и на основании разработок одного из идеологов албанского движения Пашко Васы, являвшегося в то время советником косовского вали. Сам же Пашко Васа, по словам дипломата, заимствовал данную идею у видного деятеля Парижской коммуны генерала Клузере, посещавшего районы Европейской Турции. Ястребов даже именовал сторонников Призренской лиги «коммунарами», хотя прямые аналогии все же выглядели здесь сомнительными вследствие глубоких различий в социально-экономических и общественно-политических условиях во Франции и в албанских землях²⁰.

Особого накала противостояние Албанской лиги и властей Османской империи достигло по линии выполнения решений Берлинского конгресса о разграничении с Черногорией и Грецией.

В городе Превеза 6 февраля 1879 г. начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами. Положение об их проведении было прописано в решениях Берлинского конгресса, предусматривавших передачу Греции Турцией Фессалии и значительной части Эпира, включая населенную албанцами область Чамерия. Эти планы встретили противодействие со стороны Ал-

банской лиги, которая в январе 1878 г. провела в Превезе свое заседание и постановила провести всеобщую мобилизацию и оказать вооруженное сопротивление в случае попыток реализации вышеупомянутого решения Берлинского конгресса. Эта информация не укрылась от внимания российского консула в Янине А. Троянского, который сообщал в феврале 1879 г. в Петербург, что руководство Албанской лиги приняло решение, в случае согласия Константинополя с требованиями великих держав и Греции, «низложить турецкие власти во всем Эпире и заменить их властями албанскими»²¹.

Что же касается сопротивления албанцев передаче ряда спорных территорий Черногории, то оно быстро приобрело характер открытого вооруженного противостояния. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить, наконец, передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды нанесли 8–10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся явочным порядком оккупировать присужденные ей Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот

и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, передавших албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволивших им занять оборонительные позиции турецкой армии. Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Цетинье. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. позволили албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им также оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 тыс. человек, включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой – будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 г.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике стал стратегически важный, населенный преимущественно албанскими мусульманами, портовый город Улцинь вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями – турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое руководство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., героическое сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командовани-

ем Юсуф-аги Соколы было подавлено, 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы.

Следует отметить, что лидеры Призренской лиги во главе с Абдюлем Фрашери и Мехметом Али Вриони предпринимали значительные усилия, чтобы убедить в правоте своей позиции и несправедливости положений Берлинского трактата великие державы. Они посетили все ведущие европейские столицы и встретились, в частности, с министрами иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтоном и главой итальянского кабинета А. Депретисом. Единственной столицей великих держав, куда они не заехали, оказался Петербург. В условиях отсутствия аутентичных исторических свидетельств о причинах подобного расклада можно лишь предположить, что албанские лидеры изначально не строили иллюзий насчет российской позиции. Во-первых, они учитывали тесные исторические связи России с балканскими славянскими и православными государствами. А во-вторых, еще ранее, в октябре 1878 г., Ставку главнокомандующего русской армией в Адрианополе генерала Э.И. Тотлебена все-таки посетил один из албанских лидеров, чье имя в российских дипломатических документах не конкретизировалось, который изложил генералу цели Албанской лиги, поинтересовавшись отношением к ним России. Тотлебен в ответ заявил, что «Россия относится сочувственно ко всем народностям и к их законным и справедливым стремлениям, что она отнесется также сочувственно и к албанцам, если они поведением своим сумеют оправдать эти симпатии». А подобное поведение должно было заключаться, прежде всего, в согласии албанцев с решениями Берлинского конгресса по территориальному разграничению²². Подобная позиция в целом соответствовала подходам других участников «европейского концерта». Однако, вкупе с несомненными симпатиями России в отношении сербов, черногорцев и греков, она не могла не убедить албанских лидеров в тщетности попыток «перетянуть» на свою сторону Петербург..

Что же касается «великоалбанских» аспектов в деятельности Призренской лиги, то следует признать, что в военно-поли-

тических, социально-экономических и культурно-религиозных условиях, сложившихся в Османской империи к 1878 г., очень трудно было провести четкую грань как между отдельными этносами, так и между «национальным» и «великодержавным». Албанские лидеры — во всяком случае, те из них, кто не отождествлял себя полностью с османами — понимали историческую и этническую географию Балкан приблизительно в тех же категориях, что и их соседи — сербы, болгары, греки и черногорцы. А конкретное направление или изменение границ определялось не «историческим» или «этнографическим» правом, а соотношением военных сил и — главное — позицией «концерта великих держав». Не случайно именно вопросы сербо-албанского и греко-албанского разграничения станут ключевыми в ходе многомесячных международных дискуссий 1912–1913 гг., когда населенные албанцами земли Балканского полуострова превратятся в арену уже не локальных вооруженных конфликтов, а полномасштабной войны Балканского союза и Турции. Именно тогда, впервые после 1878 г., полыхнут узлы противоречий, завязанные на Берлинском конгрессе. Как писала британская исследовательница и путешественница Эдит Дурхэм, «границы, нарисованные Берлинским трактатом, были столь невозможными, что они во многих местах не могли быть проведены, а еще меньше — навязаны. Как описывали их сами «разграничители» — граница плавает на крови»²³. А по образному выражению сербского исследователя Спасое Джаковича, «крах турецкой империи в 1912 г. привел к прекращению османской оккупации и в Косово и Метохии. Но ее последствия никуда не делись — междоусобная месть и столкновения населения»²⁴.

Подобное развитие событий предвидели на рубеже XIX–XX вв. многие российские дипломаты. О том, что стремление включить албанонаселенные районы Балкан в состав Черногории красной нитью проходило через все царствование черногорского короля Николы, сообщал еще министр-резидент российской дипломатической миссии в Цетинье К.А. Губастов. В своей написанной в июне 1900 г. и адресованной тогдашнему министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву служебной записке он сообщал, что «Черногория, несмотря на

скудость своих доходов, содержит 11 школ в Албании и в Старой Сербии, тратя на них 3500 гульденов ежегодно»²⁵. Более того, одна из причин враждебности черногорского руководства к Австро-Венгрии, по словам российского дипломата, как раз объяснялась ее намерением «пробраться через земли Старой Сербии к Салоникам и захватить, если будет возможно, все побережье Адриатического моря, занять Албанию.

Если бы подобные австрийские планы когда-нибудь осуществились, то, очевидно, — продолжал К.А. Губастов, — положение Черногории сделается совершенно нестерпимым. Княжество борется, насколько может и умеет, с распространением австрийского влияния между албанцами. Главари же албанские не отказываются ни от австрийских пособий, ни от черногорских бакшишей и, не рассуждая о будущем устройстве их родины, вполне довольствуются существующим турецким правлением или, вернее сказать, бесправием и безначалием»²⁶.

«Князь Николай, — писал Губастов, — полагает, что его дом имеет больше прав считать себя преемником Неманей, чем Обреновичи, и потому города Призрен, Ипек (Печ. — *П.И.*) и Дьяково (Джяковица. — *П.И.*), игравшие когда-то значительную роль в сербской истории, должны достаться Петровичам. Он высказывает эти претензии в поэтических своих произведениях и заявил также королю Александру (Обреновичу. — *П.И.*) в одной из интимных с ним бесед в Цетинье в 1897 г., в которой они намеревались наметить будущий раздел Старой Сербии. Возбужденный спор за будущее обладание Призреном прекратил дальнейшие переговоры»²⁷.

Российский представитель уже тогда прогнозировал грядущие военно-политические события на Балканах: «Об установлении прочных и искренних отношений к Турции не может, конечно, быть и речи. Черногорцы не скрывают своих поползновений расшириться к востоку и югу за счет султановых владений и желали бы, чтобы эта счастливая минута наступила как можно скорее.

Как ни шатки исторические права Петровичей на наследство Неманей, но их можно еще принять во внимание ввиду того, что коренное население Старой Сербии то же, что и в

Черногории, и жители этой дикой и забытой турецкой области невольно тяготеют к княжеству, тратящему последние гроши на поддержание связи с призренскими христианами. Но взоры и вождения князя не ограничиваются одними сербами. Они постоянно устремлены на соседнюю Албанию. Скутарский санджак по морской береговой линии до Дураццо (Дуррес. — *П.И.*) намечен князем для Черногории. Ей, а никому другому, должны достаться богатые скутарийские поля. Воображение князя не останавливается ни перед трудностями захвата, ни перед еще большими трудностями управления страной, населенную фанатиками горцами, мусульманами и католиками.

Князь убежден, что льготы, дарованные им подгорицким и приморским мусульманам, сделали его имя популярным в Албании и что тамошнее население предпочтет черногорский образ правления всякому другому, после наиболее приятного ему турецкого. Князь постоянно озабочен, как бы привлечь к себе албанских главарей. Он приглашает их на цетинские празднества, дарит им оружие, беседует с ними, дает даже... денежные подарки! Скутарские власти не одобряют этих посещений, наказывают ходивших в Цетинье и угрожают им тюрьмой.

Самообольщение князя не мешает ему, однако, сознавать, что главный соперник его в Албании — Австрия — располагает большими и вернейшими средствами проложить себе путь в албанские дебри, чем Черногория или даже Италия, тоже не покинувшая еще своих претензий на эту страну.

Не делая никаких предсказаний о том, что готовит будущее для Албании и которому из трех на нее претендентов она достанется, здесь будет уместно только сказать, что для создания из нее самостоятельного независимого или даже полунезависимого государства, о чем мечтают итальянские албанцы-патриоты, не может быть и речи. В ней нет и не будет для этого необходимых внутренних элементов. Поэтому с окончанием турецкого владычества она неминуемо должна сделаться добычею кого-нибудь...»²⁸.

С позиций сегодняшнего дня программные положения и вся деятельность Призренской лиги, безусловно, несли в себе значительную «великоалбанскую» составляющую — в первую очередь,

в том, что касалось направления греко-османского разграничения, а также понимания будущей судьбы Косово и Македонии²⁹. Но ожидать иного в тех условиях попросту не приходилось.

Примечания

- ¹ *Brestovci S. Marrëdhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830–1878). Prishtinë, 1983. С. 268.*
- ² *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25.*
- ³ Подробнее см.: *Искендеров П.А. История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3.*
- ⁴ *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 168.*
- ⁵ *Vickers M. The Albanians. A Modern History. L. – N.Y., 1995. P. 29.*
- ⁶ *Castellan G. L'Albanie. Paris, 1980. P.10; Poulton H. The Balkans. Minorities and States in Conflict. Minority Rights Publications. L., 1993. P. 3–4.*
- ⁷ *Сборник договоров России... С. 144–148.*
- ⁸ Там же. С. 149–155.
- ⁹ *История дипломатии. Том второй. М., 1945. С. 38.*
- ¹⁰ *Краткая история Албании. М., 1992. С. 170.*
- ¹¹ Там же. С. 172.
- ¹² *Сборник договоров России... С. 192.*
- ¹³ *Цит.по: Краткая история Албании... С. 180.*
- ¹⁴ *Frashëri K. Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.*
- ¹⁵ *Külce S. Osmanli Tarihinde Arnavutluk. Izmir, 1944. F. 250.*
- ¹⁶ *Краткая история Албании... С. 179.*
- ¹⁷ *Голос. 1878. 29 сентября.*
- ¹⁸ *Краткая история Албании... С. 177.*
- ¹⁹ Там же. С. 184.
- ²⁰ Там же. С. 179–180.
- ²¹ *Цит.по: Краткая история Албании... С. 181.*
- ²² Там же. С. 183.
- ²³ *Durham E. The Struggle for Scutari. L., 1914. P. 159.*
- ²⁴ *Ѓаковић С. Сукоби на Косову. Београд, 1986. С. 10.*
- ²⁵ *Хлебникова В.Б. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 42.*
- ²⁶ Там же. С. 45.
- ²⁷ Там же. С. 46.
- ²⁸ Там же. С. 48.
- ²⁹ *Комментируя решения, принятые в Берлине, генеральный секретарь Коммунистической партии Албании Э. Ходжа однажды заметил, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал – это слияние с Албанией». – Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 2. М. – Новосибирск, 1998. С. 206.*

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

АЛБАНЦЫ И АЛБАНСКИЙ ВОПРОС В НАУЧНОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.А. РОВИНСКОГО

В отечественной славистике Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) занимает почетное место как крупнейший специалист по истории и этнографии Черногории. Однако современные исследователи почти не обратили внимания на то, что черногорский период жизни ученого, его знакомство с местными народами начались с областей, заселенных албанцами. И потом, на протяжении многих лет, история отношений черногорских и албанских племен, состояние албанских областей в периоды кризисов на Балканах, перспективы политического развития Албании занимали определенное место в исследованиях П.А. Ровинского. Этот малоизученный, но несомненно актуальный сюжет заслуживает самого пристального внимания в контексте современной истории бывшей Югославии, особенно края Косово. Возможно, если бы те, кто берется сегодня устраивать судьбы Балканского полуострова, были лучше осведомлены об историческом опыте, о логике многовековых отношений народов этого региона, они действовали бы куда более осторожно и профессионально.

П.А. Ровинский попал в Черногорию против своей воли. В 1878–1879 гг. он являлся корреспондентом газеты «Новое время» на Балканах, и был выслан австрийскими властями из Боснии за то, что резко критиковал решение Берлинского конгресса передать славянские земли под власть Австро-Венгрии. Переехав из одной страны в другую, П.А. Ровинский сразу же оказался в гуще нового вооруженного конфликта, на этот раз между черногорцами и албанцами, подстрекаемыми турецкой администрацией. Он стал санитаром-добровольцем

черногорского войска, посланного занять Плав и Гусинье — земли, населенные, в основном, албанцами, но переданные на Берлинском конгрессе Черногории. Османская империя изо всех сил мешала выполнению этого пункта Берлинского трактата. Великие державы проявили безразличие к тому, что турецкая бюрократия не держит своих обещаний. Черногорский князь, не справившись с нетерпением, попробовал заполучить новые владения силами собственного войска. П.А. Ровинский в качестве корреспондента газеты «Русский курьер» сообщал в Россию подробности этой военной операции. В начале октября 1879 г. из населенного пункта Андреевица он написал, как приближаются к Плаву и Гусинью черногорские батальоны, как албанцы готовятся к вооруженному отпору. Славист еще не был знаком со всеми деталями разгоревшегося столкновения. Он не упомянул Албанскую (Призренскую) лигу, которая собирала собственные отряды. Черногорская историография по традиции называет их башибузуками¹. Однако с первых дней пребывания на театре военных действий Ровинский точно ухватил суть конфликта и разъяснил ее российским читателям. Речь шла о жестокой схватке двух народов, которые в течение многих веков жили бок о бок: «Над здешними племенами, как проклятье, тяготит одна характерная черта — дух племенного несогласия. Как прежде бились между собой черногорские племена, служа друг против друга турецкому правительству и не имея никакой общей связующей цели, так теперь и арнауты бьются между собой и сами не зная, зачем, хотят биться с черногорцами. Им только бы биться с кем бы то ни было»².

Славист не только ясно увидел специфику региональных конфликтов на Балканах, но и правильно оценил меру ответственности европейских государств, вмешавшихся в дела Османской империи и кроивших карту полуострова по своему усмотрению, но не считавших долгом прекратить насилия и кровопролития. «Думает ли европейская дипломатия о том, что созданное Берлинским трактатом положение, вместо истинного улучшения положения христиан, разом убивает несколько тысяч христианского населения?» — задавал он риторический вопрос³. В следующих корреспонденциях славист продолжил

обсуждение этой неудобной для европейских политиков темы. Он сообщал, что чиновник, присланный из Турции для того, чтобы официально передать под управление черногорских властей новые земли, целый месяц просидел в Призрене, не торопясь выполнить свое поручение. И ни одна великая держава не обратила внимания Порты на то, что следовало бы заставить неразворотливого пашу приступить к разграничительным работам. Уже в ноябре 1879 г. П.А. Ровинскому стало ясно, что Европа не отягощает себя проблемами южных славян: «Берлинский конгресс..., отняв у черногорцев добытую ими на оружие часть Герцеговины, наградил прирезкой области Плава и Гусинья, прилегающей к восточной границе и составляющей форпост арнаутов, с которыми ничего не смогла сделать Турция...». Этим, по мнению слависта, европейские лидеры поставили черногорское правительство в крайне сложное положение. Крохотная, истощенная войной страна должна была иметь дело с «дикой силой» в лице албанцев, которые «никого не признают»⁴. Было очевидно, что княжество не сможет воспользоваться итогами войны для увеличения своей территории.

Плохо вооруженные и полуголодные черногорские батальоны не смогли занять Плав и Гусинье, несмотря на тяжелые бои местного значения. Вот одно из описаний сражения, присланное П.А. Ровинским в газету: «Что происходило в главном пункте боя, того не в состоянии были объяснить даже те, которые сами бились и вышли живыми из боя: ломались ножи и отрывались стволы от ружей; в бешеной свалке едва мог различать свой своего; действовал нож и револьвер; один сек голову другому и тотчас сам валился без головы, погибая в свою очередь от третьего; живой наступал ногой на своего умирающего собрата, чтобы отомстить его смерть, но и сам валился тут же; трупы наших были перемешаны с арнаутами, и местами лежало в куче по три, по четыре трупа; все поле на расстоянии около 2 километров было устлано трупами как снопами»⁵. Ученый считал эту трагическую гибель множества людей напрасной, «которой могло не быть, не должно было быть»⁶. Он подвел читателей к выводу о том, что загубленные жизни славян и албанцев — на совести европейских политиков, совершенно безразличных к

участи балканских народов, видящих в них только средство для достижения корыстных целей великих держав. Доказательством правоты русского исследователя, обвинившего Европу в преступном равнодушии к участи югославыян, служит тот исторический факт, что в конце концов Черногория не стала хозяйкой Плавско-Гусиньского округа, эти земли так и не перешли под ее юрисдикцию. Скромной компенсацией за материальные, людские и моральные потери княжества в 1877–1880 гг. стал населенный албанцами прибрежный город Ульцин (Антивари), который был совсем небольшим по территории и численности населения. Стремясь быть максимально объективным, ученый отметил заслуги британского премьер-министра У. Гладстона, который настаивал на передаче этого приморского города черногорцам. Остальные лидеры европейских стран не считали нужным твердо требовать от Османской империи точного выполнения решений Берлинского конгресса.

Хочется отметить еще одну важную сторону первого знакомства П.А. Ровинского с обычаями Балкан и воинственными албанскими племенами. Он впервые побывал на войне в качестве непосредственного участника и проявил себя не только последовательным гуманистом, но и отважным бойцом. Хорошо знавший слависта М.М. Вукичевич вспоминал: «Автору этих строк сам П.А. рассказывал, как он, зачислившись в один из черногорских отрядов пехоты и получив ружье, пошел бороться вместе с черногорцами против арнаутов, как таскал с черногорцами пушки на снежные обледеневшие горы и показывал им, как должно их устроить и направлять против врагов, как спускался сидя с высоких бездорожных, покрытых снегом гор, скользя по обледенелым уклонам; говорил, какое значение имел при этом Плавско-Гусиньский округ со своими высокими горами вообще для Черногории, затем как страдали черногорцы от холода на вершинах гор, как переносили голод, и т.д.»⁷. Потом этот боевой опыт Ровинского трансформируется в незыблемый принцип его научной работы: нужно не просто изучать народ, нужно жить с ним, вникать в его проблемы. Только тогда исследователь может претендовать на объективность своих наблюдений и выводов. Про личное участие в

плавско-гусиньской экспедиции славист сказал следующее: «Я не мог не принимать участия, то как свидетель, сообщая русским газетам о происходящем, то ухаживая за ранеными и больными»⁸. И о своем научном пути он справедливо отзывался так: «...славяне для меня всегда представляли не объект только исследования, но и нечто неразделимое со мной. Я не только наблюдал и изучал их, но жил с ними и действовал»⁹.

То же самое мог написать П.А. Ровинский и об албанцах. Хотя эта тема заняла в его творчестве относительно скромное место, интерес к ней был постоянным. Об этом свидетельствует личный фонд исследователя, хранящийся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук. В фонде хранятся папки, в которых осели «албанские» материалы — вырезки из газет, черновики статей самого ученого, гранки, письма из краев, населенных албанцами. Особенно интересны послания русского консула в Скутари (Шкодре) Г.С. Щербины. Они как будто подтверждали прежние наблюдения П.А. Ровинского об особом положении албанцев на Балканах, обреченных быть инструментом в чужих руках. Дипломат так характеризовал общественно-политическую жизнь пограничных с Черногорией албанских областей в конце XIX в.: «У нас в Скутари до последнего времени все было спокойно; австрийцам это, конечно, не на руку; им нужны раздоры, смуты, преступления, «vendetty», чтобы иметь возможность говорить в Европе об анархии в Албании!»¹⁰. В 1902 г., когда после длительного отсутствия П.А. Ровинский вернулся в Черногорию, Г.С. Щербина написал ему о новых тенденциях в албанском обществе: «...У нас положение довольно смутное: мирдиты волнуются и обратились ко всем консулам с воззванием об ограждении их прав и привилегий, нарушенных Портой...»¹¹. Таким образом, содержание личного архива П.А. Ровинского позволяет утверждать, что он был хорошо осведомлен о ходе дел в пограничных албанских землях, пристально следил за тем, как там меняется военная и политическая ситуация. Из писем Г.С. Щербины ясно, что П.А. Ровинский, как всегда, не оставался сторонним наблюдателем. Он хлопотал не только о черногорцах, но и об албанцах, когда речь шла о благотворительности или помощи

в церковных и культурных делах. В частности, Г.С. Щербина просил слависта проконтролировать отправку груза с церковной утварью, присланного из России для христианской общины Скутари¹². Следовательно, в случае с албанцами П.А. Ровинский не отступил от своего главного научного принципа: «... Недостаточно пропутешествовать по стране и записать все, что обыкновенно считается этнографическим материалом: нужно пожить с народом, чтобы дать этому материалу надлежащее освещение для правильного понимания и толкования»¹³.

Албанская тема в статьях П.А. Ровинского, присылаемых из Черногории в русские газеты и журналы, всегда оставалась для исследователя актуальной. Она затронута в публикациях, посвященных новым владениям Черногории¹⁴. Сведения об албанцах встречаются и на страницах его труда «Черногория в ее прошлом и настоящем». Оценивается их роль в истории Балканского полуострова и в книге о Петре II Негоше¹⁵. В конце 90-х годов XIX в. П.А. Ровинский опубликовал три заметки об албанцах в газете «Санкт-Петербургские ведомости»¹⁶. Но наиболее обстоятельно славист выступил по албанскому вопросу в 1912 г., когда приближалась, а затем разразилась Первая балканская война. Он опубликовал обширную статью «Албанцы и албанское движение» в «Известиях Министерства иностранных дел». В совокупности все, что написал ученый об албанских племенах и о возможности создания Албанского государства, сложилось в довольно стройную историко-политическую концепцию, которую интересно рассмотреть и оценить именно сейчас, когда так разительно изменилась политическая карта Балканского полуострова, но остаются туманными перспективы развития отношений сербского и албанского народов.

История албанцев в описании П.А. Ровинского выглядит следующим образом. В монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» подчеркивалось, что албанцы — автохтонное население Европы, игравшее определенную роль уже во времена Римской империи, подтверждение чему содержится в сочинениях Т. Ливия¹⁷. Славист называл албанцев старожилками Римской империи, «народом фракийского происхождения»¹⁸. Позже, в эпоху формирования сербского

феодалного государства, югославяне несколько потеснили албанские племена: сербы Зеты «сталкиваются с албанцами, ...на счет которых они и распространились. В Рецкой и Цермницкой нахиях до сих пор встречается много географических названий албанского происхождения»¹⁹. В период турецкого завоевания славяне и албанцы, по мнению П.А. Ровинского, стали естественными союзниками в борьбе с пришлыми турками, «как два народа, имеющие если не все, то много общего в смысле культурном»²⁰. Этот период феодальной истории сербов очень привлекал П.А. Ровинского, потому что именно тогда выделилась среди владений сербских монархов Зета — будущее ядро Черногории. Детально изучая историю Зеты, ее политическое и культурно-историческое наследие, ученый соединил скудные и отрывочные материалы местных архивов, народные предания, сохранившиеся в виде военно-исторических песен, и сведения из европейских книг XVI–XVIII вв. У слависта сложилась своя историческая картина совместного противостояния албанцев и сербов турецкому натиску.

По мнению П.А. Ровинского, в XV–XVI вв. албанцы были такими же жертвами турецкой агрессии, как и другие народы Балкан. Турки поступали с ними так же, как со всеми покоренными племенами. Например, правитель ряда албанских областей Иоанн Кастриот (Кастриоти) был вынужден платить дань османам, а также отослать в империю в качестве заложников своих сыновей. Дети были обращены в ислам. Младшему Георгию было 9 лет. Он получил прозвище Искандера (Скендербега, Скандербега) — якобы в честь великого завоевателя Александра Македонского, особо почитаемого на Востоке. Острый ум, уникальная физическая сила, отвага и нарочитая преданность султану позволили Скандербегу стать крупным военачальником Османской империи²¹. Подробности биографии легендарного албанского правителя П.А. Ровинский восстанавливал не только по книгам западных авторов. В частности, в своей монографии он анализировал произведение младшего современника Скандербега М. Барлетия, которого еще называли Марин Скадранин, то есть уроженец Скадара (современного Шкодера, Скутари). М. Барлетий написал биографию Скандербега

примерно через 60 лет после его смерти. В то же время ученый опирался на исторические источники, открытые им самим в Черногории и России. Это «Повесть о Скандербеге-Черноевиче», две редакции которой изучал славист, одну в Публичной библиотеке Петербурга, другую он обнаружил в Цетинье. П.А. Ровинский не только ввел в научный оборот сведения из этих источников, но и настоял на их издании. В России это сделал его коллега П.А. Лавров, опубликовавший «Повесть о Скандербеге-Черноевиче» вместе с рецензией на монографию «Черногория в ее прошлом и настоящем»²².

Опираясь на данные источников, П.А. Ровинский утверждал, что судьба отцовских владений Скандербегу была дороже его карьеры при дворе султана. «В душе он, однако, оставался христианином и ждал случая освободить свое отечество», — считал ученый²³. В 40-е годы XV в. Георгий Кастриот выступил против турок и возглавил борьбу албанцев за свободу, продолжая ее до самой смерти в 1467(8) г. Соратником мятежного албанского вождя стал правитель Зеты Стефан Црноевич (Черноевич), в том числе и потому, что «в Зетское государство входила значительная часть земель, населенных албанскими племенами», а столица располагалась в Скадаре (Скутари). Союзу Скандербега и Стефана Црноевича славист уделил особое внимание, подчеркивая как близки и необходимы были друг другу два вождя. П.А. Ровинский отметил, что мать Скандербега была болгаркой, его сестра вышла замуж за серба, а сам албанский правитель стал православным. Правда, последнее утверждение слависта было весьма натянутым, в доказательство приводились сведения о том, что переписку с соседями Скандербег вел на сербской кириллице²⁴. Еще одним свидетельством религиозных предпочтений Скандербега ученый считал тот факт, что до XIX в. часть албанцев исповедовала и продолжает исповедовать православие. Сегодня такие аргументы не кажутся достаточно убедительными, чтобы твердо говорить о вероисповедании албанского правителя. Завершая анализ этого периода истории албанского народа, П.А. Ровинский сделал вывод, который можно назвать просербским: «...Этот единственный блестящий исторический эпизод, про-

славивший на весь свет Скендербега и с ним албанский народ, обуславливается участием, которое в нем принимали сербы Зетского государства...»²⁵. Спорность подобных заключений очевидна современному историку. Однако не стоит забывать о том, что такая «ангажированная» историческая гипотеза сама по себе имеет научное значение, потому что она отразила отношение русского общества в целом, российской славистики в частности, к проблеме взаимоотношений балканских народов в начале XX в. Многие россияне считали, что союз балканских монархов и племен в историческом прошлом являлся примером для современных правителей региона, стремящихся к суверенитету и процветанию своих стран. Только единение коренных жителей Балкан позволило бы им перестать быть игрушкой в руках европейских политиков.

После покорения турками Балканского полуострова судьба албанских областей, по мнению П.А. Ровинского, стала складываться совсем по другому сценарию. Отсутствие этнического родства с европейскими народами способствовало сближению завоевателей и побежденных, албанцы превратились в орудие Османской империи в отношении славян. Порта в течение веков успешно использовала принцип «разделяй и властвуй», ставя завоеванные земли в разное юридическое положение. Во-первых, албанцам дали возможность заселить территории, ранее обжитые сербами: «...в них водворяются арнауты, спускаясь с гор, в которых они держались всегда, занимаясь исключительно скотоводством, ведя пастушескую жизнь, делясь на племена и сохраняя во всей неприкосновенности свои нравы и обычаи. И весь этот край от границы Старой Сербии на юге до залива Арты делается чисто арнаутским»²⁶. Во-вторых, на Балканах постепенно сложился определенный этнический баланс между турками и албанцами, причем в пользу последних. Турки не смогли ассимилировать албанцев, заняли только города, «где заводят свои правительственные учреждения, возводят гарнизоны, и из городов управляют страной, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа». П.А. Ровинский всегда подчеркивал, что основная масса жителей региона — это албанцы²⁷.

Вместе с тем, слависту приходилось признавать, что о турецком «невмешательстве» можно говорить условно, в албанских племенах быстро распространился ислам, который заметно потеснил христианство. Особенно мало осталось православных, католикам долгое время оказывала поддержку Венецианская республика, помогавшая сохранить довольно сильную католическую общину в Скутари²⁸. Исследователь обнаружил интересную закономерность в распространении ислама среди албанцев. Легче новую веру принимали жители равнинной местности, начавшие заниматься земледелием. Вероятно потому, что в Османской империи только мусульманин мог владеть землей. Жители же гор остались христианами. П.А. Ровинский отметил, что несмотря на разделение по религиозному признаку, народ сохранил терпимость в вопросах вероисповедания: «Вообще албанцам чужд религиозный фанатизм, поэтому у них не было большого антагонизма христиан и мусульман. И еще больше их сближала обоюдность материальных интересов. Жители равнин снабжают горцев произведениями земледелия, получая от них в замену продукты скотоводства, и горцы на зиму спускаются на равнину, а жители равнин летом поднимаются со своим скотом в горы»²⁹. П.А. Ровинский считал, что религиозная толерантность албанцев сыграла в дальнейшем существенную роль в их контактах с соседними черногорскими племенами и в период турецкого владычества, и после 1879 г., когда часть албанских племен относительно спокойно перешла под юрисдикцию черногорского князя.

Главная же особенность албанских областей Турции заключалась в том, что они получили от Порты право на ограниченную автономию. В 1889 г. П.А. Ровинский писал: «Для арнаута-горца ничего не значит ни вера, ни народность; ему дорога его воля; вся жизнь его заключается в его племени; и потому он ничего не хочет знать ни о подати, ни о каких законах, стесняющих его личную волю; но за своего царя (султана) они в то же время готовы биться без различий веры, магометане и католики. Потеряв свою историческую традицию..., ревниво охраняли оставленную им автономию, которая выражалась и в том, что с половины XVII в. у них все визири были из местного рода

Бушатлиев»³⁰. Правда, представители местной албанской элиты позволяли себе поведение, свойственное любому феодальному правителю Европы. Время от времени Бушатлии становились сепаратистами, стремясь к большей самостоятельности. Например, «... Кара-Махмуд в конце XVIII века (погиб в битве против черногорцев на Крусах в 1796 г.) действовал уже почти независимо от Цареграда. Пользуясь смутами в Турции, стал стремиться к тому же и внук его Мустафа-паша. Цель у него была чисто личная, эгоистическая»³¹. В непокорности Бушатлиев, по мнению П.А. Ровинского, «не было никакой ни политической, ни национальной подкладки», в целом албанские предводители в феодальную эпоху были надежными слугами Высокой Порты. Интересы турок и албанцев долгое время не приходили в противоречие друг с другом. «Турки ни в каком, чужом им по происхождению народе, не находили большей преданности, как в албанцах; а албанцы ни у какого другого правительства не нашли бы более соответствующего их культурному состоянию и нравам режима, как турецкий», — считал ученый³². При этом окружение султана не забывало подпитывать лояльность албанских вожаков существенными уступками.

Славист отмечал «исключительно привилегированное положение» албанцев в империи: «У них не только христианам наравне с магометанами дано право носить оружие, но они, не в пример другим народностям, освобождены от отбывания воинской повинности вне пределов Албании и не платят *беделии* или *аскерии* — денежной отплаты за ту повинность, которая в Боснии и Герцеговине взималась в размере 40 грошей (2 рубля) с каждой мужской души, хотя бы были дряхлый старец, вечный и неизлечимо больной, или младенец»³³. Албанская автономия, как полагал П.А. Ровинский, сложилась не случайно. В XVII–XVIII вв. шли войны между турками, австрийцами, поляками, венграми и др. Не ощущая этнической близости ни с одной страной, воевавшей против Османской империи, албанцы неизменно поддерживали султана. Славяне, напротив, помогали христианам, за это турки их истребляли, а освободившиеся от славян земли заселяли албанцы. «Таким образом, Турция очистилась от непримиримого славянского элемента,

а албанцы за его счет распространяли область своего населения», — заключал ученый³⁴. Содержание отношений двух соседних народов стало качественно новым, — теперь они враждовали, сербы подвергались насилию и со стороны турок, и со стороны албанцев, последние «служат только орудием в руках турецкой власти, которая толкает их на этот путь...»³⁵. Выводы П.А. Ровинского вполне соответствовали общепринятым тогда представлениям о характере отношений народов Балкан, распространенным в среде дипломатов, журналистов, ученых России и славянских стран.

Однако исследователь не остановился на этой несколько упрощенной схеме. Его наблюдения о роли албанцев в Османской империи были сложнее и интереснее. Слависту удалось увидеть неоднозначность, запутанность и противоречивость процесса развития славяно-албанских отношений на протяжении всего XIX и начала XX вв. Он был убежден, что не только во времена Зеты албанские племена «молчаливо и добровольно признавали над собой власть зетских государей»; «И после того ближайшие соседи Зеты: Хоты, Груды и Клименты (названия албанских племен. — В.Х.) чуть не до последнего времени были постоянными союзниками черногорцев»³⁶. Такая близость двух народов, попеременно враждующих и вступающих в союзы, наложила отпечаток на их бытовую повседневную культуру, на мировоззрение и творчество. В этнографическом разделе своей монографии П.А. Ровинский не просто несколько раз подчеркнул «сходство во многих чертах между черногорцами и совершенно несродными им албанцами»³⁷. Он поставил научную проблему — «параллельно изучать славян и албанцев»³⁸. Обосновывая такой комплексный подход, ученый привел убедительные доказательства в пользу того, что есть цивилизационное единство югославян и албанцев, что они — носители определенной ментальности пограничного региона Балкан, где сосуществовали и противоборствовали исламская Турция и христианская Европа. «Сходство это замечается в песне, характере, образе жизни и обычаях, при том не общее только, а и в деталях, что ясно указывает на существующую между ними тесную связь и на их взаимодействие», —

писал П.А. Ровинский об исторической судьбе черногорцев и албанцев. Он многократно отмечал наличие албанских географических названий там, где проживали черногорцы. В филологической части монографии славист осветил вопрос о лексике, заимствованной народами-соседями друг у друга.

Еще больше убеждала исследователя в похожести черногорцев и албанцев материальная сторона жизни, одинаковые способы земледелия и скотоводства (например, выпас скота в горах, где строились катуны — специальные сезонные жилые и хозяйственные помещения, в которых можно было провести целое лето); «Много сходства между ними в устройстве и обстановке жилища»³⁹. Племенной уклад, сложившийся у черногорцев после гибели Сербской державы, практически ничем не отличался от общественного и семейного быта албанцев. «Есть сходство при исполнении свадебного обряда, например, при вступлении молодой в дом мужа, ей подают ребенка, непременно мальчика, которого она поворачивает в руках три раза и, поцеловав и обдарив чем-нибудь, возвращает подавшим его»⁴⁰. По мнению П.А. Ровинского, одинаковые традиции, обряды и ритуалы (кровной мести, примирения враждующих родов, побратимства и т.д.) были особенно важны. Благодаря им, несмотря на этнические и языковые различия, славянские и албанские племена владели общим культурным кодом, имели возможность использовать схожие социальные институты и механизмы для преодоления конфликтных ситуаций, споров и разногласий.

Праздники славян и албанцев протекали почти одинаково. На Рождество и те, и другие срубали специальное деревце (бадняк) и жгли его в очаге, перед которым собирались на торжество вся семья и гости. На Масленицу ряженые в народных костюмах и масках развлекали соседей, Юрьев день тоже отмечали на один манер. В устном народном творчестве славист обнаружил большое количество фантастических персонажей, носивших одни и те же имена и причинявших практически те же неприятности: «Есть у албанцев существа вроде черногорских вил, вештиц, дивов, вукодлаков и здухачей, с теми же почти как у черногорцев именами»⁴¹. Все эти чудесные таинственные обитатели Балкан были в умах людей источником

постоянной угрозы. Вилы — «существа женского пола, обитательницы гор и лесов, уединенных, почти неприступных пещер на самых высоких вершинах»⁴². По народным преданиям, они покровительствовали тем, кто жил по соседству, но были обидчивы, капризны и мстительны, особенно с чужаками. «Див — это демон в образе человека, обладающий необыкновенной, сверхъестественной силой, которую он и практикует постоянно над обыкновенным, сравнительно с ним весьма слабым человеком»⁴³. Вештицы — ведьмы, вукодлаки — вампиры, и те, и другие пили кровь своих близких и насылали болезни. Здухачи — люди, иногда животные, обладавшие необычным свойством, их душа расставалась с телом и «носились в пространстве»⁴⁴. Они, в отличие от ведьм и вурдалаков, были расположены к человеку, не вредили, а помогали. Эти герои фольклора родились в мире людей, живущих в постоянной опасности, трудностях и лишениях, в войне и тревогах. Суровая среда обитания, непростые географические и климатические условия, одни те же испытания, выпадавшие на долю славянских и албанских племен, сблизили их настолько, что даже политика Османской империи, направленная на разделение и угнетение, не смогла уничтожить сложившегося на протяжении многих веков ощущения регионального единства.

Написав о сходстве албанцев и черногорцев, П.А. Ровинский обнаружил и некоторые интересные ментальные отличия. Например, он часто отмечал повышенный интерес черногорцев к своему историческому прошлому, их любовь к семейным преданиям, отличное знание своей родословной и истории своего племени и края. «Любят особенно книжки исторического содержания и, что прочитают, отлично помнят и любят пересказывать другим», — писал славист о черногорцах⁴⁵. Албанцы, напротив, по его наблюдениям, народ без истории. Правитель Скандербег часто упоминался в сербских народных песнях, «а у албанцев о нем песен нет»⁴⁶. В книге о поэте Негоше ученый утверждал, что «албанцы почти совсем забыли своего славного вождя Скендербега, а знали только, что их когда-то покорили турки...»⁴⁷. Близко узнав албанцев, проживавших в Баре и Ульцине, изучив и описав в русских

журналах их быт, устройство дома, внешний облик, народный костюм, П.А. Ровинский не смог собрать сколько-нибудь значимого материала по истории албанцев на побережье Адриатики. Жители г. Ульцин не сохранили никаких преданий о том, как они поселились в этих местах, «и напрасно вы будете спрашивать о том местных жителей, для которых история как будто не существует. Кроме темных догадок о своем происхождении из той или иной местности Албании, они не имеют никаких фамильных преданий»⁴⁸. Может быть, столь различное отношение к собственной истории и к своей родословной обусловлено разным статусом и разной ролью славян и албанцев в Османской империи. Первые боролись с завоевателями, противопоставляли себя туркам, стремясь к самоидентификации, опирались на исторические мифы в своем стремлении к независимости. Вторые вписались в социально-экономическую и политическую жизнь империи, заняли свою нишу, возможно, даже сохранились как этнос благодаря сотрудничеству с османами, но забыли свою историю, потеряли к ней интерес.

Тем не менее, чувство региональной солидарности и близость материальной и духовной культуры были не менее значимыми факторами существования балканских народов, чем их склонность к распрям и междуусобицам. Это одна из самых важных черт противоречивой политической культуры Балкан. Поэтому в XIX в., в соответствии со складывающейся ситуацией, вожди албанцев и славян все чаще не враждовали, а успешно договаривались между собой. Особенно это стало заметно в приморском городе Скутари (Шкодра), где, по словам П.А. Ровинского, «зарождалась новая жизнь и чувствовались новые веяния»: «И православные, несмотря на их малочисленность, не только держались совершенно свободно, но и принимали активное участие во всех общественных делах. Был между ними один, Глиго Перович, родом из племени пипер в Черногории, которого не раз выбирали в разные общественные должности; а иногда магометане призывали его на свои особые собрания, когда нужно было решить какой-нибудь важный вопрос. В то время самые хорошие отношения были и с Черногорией, и черногорцы свободно приходили на Скадрский базар»⁴⁹. В участвов-

шихся контактах, в мирном сосуществовании славян и албанцев можно видеть один из признаков будущего распада Османской империи. Албанцы постепенно расставались с ролью непримиримых защитников интересов султана, избавлялись от чувства этнического превосходства, привыкали к регулярному экономическому и общественному сотрудничеству со славянами, которых ранее должны были держать в страхе.

П.А. Ровинский полагал, что и положение самой Османской империи в Европе изменилось, особенно после Крымской войны 1853–1856 гг. Поскольку европейские державы выступили в роли защитников Порты, ей пришлось постепенно сближаться с европейской цивилизацией. В частности, в турецких городах появились консулы из Франции, Англии, Италии, Австрии, Германии, России с целью обеспечить веротерпимость и защитить христианских подданных султана. И хотя албанцы-христиане подвергались куда меньшим ограничениям, чем представители других народов, о них тоже стали заботиться европейские дипломаты. При поддержке иностранцев открывались новые школы, активизировалась деятельность католических священников. «Усилилось с этого времени и поселение в Скадре иностранцев различных специальных профессий: аптекарей, фармацевтов, ремесленников, кондитеров, торговцев, учителей, занимавшихся, главным образом, обучением иностранным языкам и в то же время служивших переводчиками», — подчеркивал славист⁵⁰. Оживились ремесло и торговля. Албанцы выходили из прежнего замкнутого состояния, проявили некоторый интерес к европейским порядкам и идеям. Это, несомненно, ускорило процесс самоидентификации и осознания того, что нужды албанского народа не менее значимы, чем потребности империи. Рано или поздно албанские лидеры должны были прийти к мысли о возможности создания своей государственности. Как Россия подталкивала черногорские племена к строительству светского княжества, так Италия и отчасти Австрия начали поддерживать политические устремления албанских вождей, надеясь использовать их для укрепления своего влияния на Балканах. С 70-х годов XIX в. все чаще заявляли о себе деятели Албанской лиги, стремившиеся к самостоятельному государственному существованию.

Между тем, значительная часть албанских племен по решению Берлинского конгресса перешла под власть Черногории. Ситуация усложнялась, Черногория могла помешать осуществлению идей создания независимой Албании. Само достаточно молодое, княжество должно было решить сложнейшую задачу интеграции двух этносов в рамках одного государства. Эта проблема привлекла внимание П.А. Ровинского в начале 80-х годов XIX в.: «Черногории нужно примирить их (албанцев. — *В.Х.*) с собой, заставить забыть, что они покорены силой и почувствовать себя в лучшем положении, чем в каком они были прежде под господством турок»⁵¹. Он совершил поездку по новым владениям Черногории и написал большую статью историко-этнографического содержания, в которой весьма обстоятельно рассказал о быте и настроениях албанцев. Первое, что отметил славист, это атмосфера мира и спокойствия в албанских областях княжества: «Все жители, без различия веры и народности, смотрят открыто и относятся к правительству с доверием»⁵². Второе, что бросалось в глаза ученому, — рост экономической активности в регионе: «Я был в Баре несколько раз, и всякий раз замечал, как он понемногу оживает: прибывает население, выстраиваются постоянно новые лавки, многолюднее становятся базары»⁵³. П.А. Ровинский сравнивал настроения албанцев до и после вхождения в состав Черногории, поведение тех племен, которые стали подданными князя Николы, и тех, кто остался в Османской империи. «Ульцин и весь Ульцинский округ, населенный одними арнаутом, магометанами и католиками, когда-то пугал всякого своим своеволием, нетерпимостью, убийствами и разбоями, а с тех пор, как вступили черногорцы, не было ни одного случая ни сопротивления закону и власти, ни какого-нибудь нарушения порядка; тогда как около, только через границу, продолжается прежний беспорядок, воровство, убийство и вообще отсутствие личной безопасности», — такими были наблюдения исследователя⁵⁴.

Конечно, подобные превращения происходили не вдум и не на пустом месте. Тяготение албанцев к черногорцам, по мнению слависта, наметилось еще в 1877–1878 гг.: «Во время последней войны Черногории с Турцией в черногорский ла-

герь не раз приходили толпы арнаут с их главарями с предложением своих услуг. Представители племен шали и шоши еще до войны приходили к черногорскому князю, чтобы он помирил их, и после того были при мне в Цетинье с заявлением, что они хотят быть его подданными и готовы помочь ему против хот и груд или против гусиньского Али-бега...»⁵⁵. С одной стороны, это свидетельство русского ученого может подтверждать обычную практику балканцев ссориться, враждовать, объединяться с одними против других. С другой, оно может быть истолковано иначе. Постепенно понимая неспособность турецкой администрации решать нарастающие проблемы, местная албанская элита инстинктивно склонялась к тому политическому режиму, который казался ей более привлекательным и эффективным. На этот выбор влияло ощущение сходства и близости с черногорцами, о которых речь шла выше. Поэтому албанцы-ульциняне в конце 70-х годов XIX в., как полагал исследователь, сопротивлялись черногорцам «единственно под давлением турецкого правительства и албанской лиги, которые грозили им военной силой, но как только два эти рычага были сломаны, они приняли черногорцев как старых друзей»⁵⁶. Причем, такому выбору пытались помешать политические силы и в самой Османской империи, и в Европе. П.А. Ровинский в конце XIX в. не видел в албанских племенах признаков национального подъема, который мог бы испортить отношения с Черногорским княжеством: «...между отдельными племенами нет связи, которая основывалась бы на сознании общей народности. Эта идея им совершенно чужда; и все усилия создать ее со стороны пропагандистов Австрии, Италии и турецких чиновников, которым она нужна была для их собственных целей, оказались напрасными»⁵⁷. Славист заметил, что у албанцев «даже нет собственного слова для понятия «народ»; они говорят: *milet* или *ropul*, заимствуя первое слово из турецкого языка, а второе из латинского»⁵⁸. Поэтому третьим политическим силам, несмотря на все попытки, не удалось возродить прежнюю рознь между албанцами и славянами. П.А. Ровинский был уверен, что «национальной вражды против черногорцев они не имеют нисколько...»⁵⁹. Региональ-

ные интересы и общая потребность в экономическом и общественном прогрессе брали верх над прежней политической практикой междоусобиц, сложившейся в далеком прошлом.

Иная картина складывалась на границах Черногории во владениях Османской империи. Там, как и прежде, нередко случались кровопролития, пограничные стычки, разбойные нападения, но реакция властей на подобные происшествия была разной. Черногорская администрация старалась не допускать провокаций, поэтому сурово наказывала виновных, замешанных в пограничных инцидентах. Турецкие власти, наоборот, бездействовали, по сути признаваясь в своем бессилии. «...Черногорское правительство своих подданных, совершавших убийства албанцев, хватает, сажает в тюрьму и подвергает суду, который выносит им смертные приговоры, — иногда черногорцам очень заслуженным, — в Турции все убийства черногорцев никогда не преследуются...», — писал П.А. Ровинский⁶⁰. Такая же пассивность турецких начальников наблюдалась не только на границах, но и во внутренних областях Албании, где, с одной стороны, имели место межплеменные столкновения, с другой, авторитет османских властей упал до критической отметки: «Распушенность доходила до того, что к властям явилось полное презрение, и чиновники подвергались оскорблениям»⁶¹. В 1883 г. туркам даже пришлось применить артиллерию, чтобы усмирить албанцев в окрестностях Скутари. П.А. Ровинский тогда путешествовал по пограничным областям и обратил внимание на то обстоятельство, что настроения албанцев в отношении славян в столь критический момент оставались самыми миролюбивыми. «В то время мне привелось в тех самых местах проезжать верхом в черногорском костюме и с одним проводником из муаджеримов (магометане, эмигрировавшие из Черногории) и, встречая на пути множество албанцев, по обычаю во всем вооружении шедших на базар в Скадр, я встречал с их стороны приветливость на мой привет «надья мир» (добрый день); а на станции, где я останавливался для отдыха, мне в албанском доме оказано было широкое гостеприимство», — вспоминал славист в 1912 г.⁶². Следовательно, ожесточение албанцев сменило направление,

которое было нацелено против турецкой администрации, славяне перестали быть «врагом номер один».

Более того, убедившись в недееспособности официальных представителей Османской империи, вожди албанских племен взяли в свои руки дело наведения мира и правопорядка в пограничных землях. В 1892 г. между албанскими и черногорскими старейшинами была достигнута договоренность о проведении обряда примирения крови, который должен был закрыть все счета по кровной мести и прекратить кровопролитие. Обряд примирения клал конец распрям, продолжавшимся с 1882 г. по 1892 г. Подсчитали все обиды: за это время было убито 100 албанцев и 84 черногорца, ранено 64 человека с обеих сторон. Поскольку потери были приблизительно равны, племенные вожди решили действовать коллективно: «... если присуждать удовлетворение по отдельным случаям, то дело осложнилось бы соглашением отдельных лиц и слишком затягивалось; при том для некоторых бедных людей это повлекло бы полное разорение, так как им привелось бы заплатить больше, чем у них было имущества, и поэтому у них осталось бы враждебное чувство к своему противнику, и они по-прежнему искали бы удовлетворения; а потому решили все, что было, взаимно простить и предать забвению». Особенно поэтично и оптимистически выглядело в описании П.А. Ровинского завершение обряда: «В знак такого решения все попарно, черногорец и албанец, побросали камни в р. Лим с обещанием, что, как эти камни останутся вечно в глубине реки и не могут подняться вверх, так не должно вспоминаться все прошлое»⁶³. Наступивший после этого мир принес пользу обеим сторонам, потому что албанцы смогли свободно жить в черногорских городах, заниматься там ремеслом и торговлей, некоторые даже получали от черногорского правительства казенные подряды на поставку соли и хлеба в неурожайные годы⁶⁴. Черногорцы по своим делам отправлялись в Старую Сербию, в Печ и Призрен и возвращались оттуда без всяких затруднений.

Однако славист с сожалением отметил, что «народный» мир оказался непродолжительным. Как только успокоилась граница, сразу поползли слухи о том, что черногорский князь меч-

тает прибрать к рукам всю Старую Сербию. В 90-е годы XIX в. снова стали собираться отряды албанских «башибузуков», имели место нападения на пассажирский пароход, курсировавший между Скутари и Черногорией, однажды был поврежден телеграф. Возникал вопрос, кому выгодно, «чтобы в Албании постоянно существовало брожение, и народные страсти держались в возбуждении»? П.А. Ровинскому ответ был ясен — он считал, что турецкие и черногорские верхи не очень-то ценили народные усилия, направленные на сохранение мира. С одной стороны, Османская империя, принимая князя Николу на самом высоком дипломатическом уровне, делая ему дорогие подарки, лицемерно заверяя на словах в своем миролюбии, на деле поощряла отдельных непримиримых албанских главарей, вроде знаменитого Исы Болетинаца, продолжавших притеснять славян. С другой стороны, черногорский монарх тоже был не против использовать воинственность албанцев против турецкого султана. «Князь Николай ласкает их. Поэтому, когда в княжеском доме или вообще в Черногории бывают какие-нибудь торжества, например, свадьба княжича, всегда является албанская депутация человек по двадцати и более. Им оказывается почет и дается самое широкое угощение, а на прощание на них просыпаются наполеондоры. Приходят они в Цетинье и помимо особенных случаев, удостоиваются приема у князя и уходят домой, также щедро одаренные. Появляется иногда какой-нибудь знатный и богатый бег, чем-то недовольный дома, как будто жалуясь князю и прося его ходатайства и заступничества. Никто не знает, что происходит и о чем говорится на этих приемах», — писал П.А. Ровинский в 1912 г.⁶⁵

Не стояли в стороне от балканских интриг и европейские страны. Появлялись загадочные «политические агитаторы» и самозванцы, например, из Франции прибыл «претендент на албанский престол, потомок Скендербега Кастриота, с прокламациями к албанскому народу...». Слависту было очевидно, как опасна такая ситуация и каким хрупким, непродолжительным может оказаться мир на Балканском полуострове. Отдельно ученый обратил внимание российских читателей на то, как почти двадцать лет шло непрерывное вооружение

албанских племен буквально отовсюду. «Целые транспорты оружия приходили морем и переправлялись дальше куда-то, только не в казенные турецкие арсеналы. И это совершалось на виду турецких властей. Отчасти и Черногория способствовала вооружению своих соседей»⁶⁶. Бездействие и попустительство властей в столь щекотливом вопросе наводили на мысль, что правители балканских государств не исключают возможность военного способа решения всех накопившихся проблем. Часть местной элиты вообще считала войну едва ли не единственным средством достижения национальных целей. Неудивительно, что в 1912 г., когда разгорелось антитурецкое восстание в Албании, в ружьях и боеприпасах недостатка не было. Очередной региональный конфликт быстро перерос в большую войну «всех против всех». История двух Балканских войн еще раз подтвердила: роль албанцев на Балканах к началу XX в. полностью изменилась. Теперь албанские племена выступили застрельщиками освободительной борьбы против той самой Османской империи, которую в прошлом они поддерживали и часто защищали. Причины такой перемены были изучены и раскрыты П.А. Ровинским.

Наш соотечественник, в отличие от некоторых своих современников, был подлинным демократом в самом прямом смысле этого слова, искренне сочувствовал всем народам Балканского полуострова, был убежден, что каждый этнос этого сложного региона имеет право на свободное историческое существование. Вопреки распространенным стереотипам своего времени о дикости, жестокости, неуправляемости албанцев, славист изучал их культуру, быт, историю внимательно и непредвзято и проникся к ним таким же уважением, как и к их соседям-славянам. Российский ученый был убежден, что если албанский народ «сохранился до сих пор, пройдя длинный ряд столетий, сквозь столько разнообразных культурных влияний и таких радикальных переворотов, был свидетелем возникновения и падения двух великих империй и несколько государств меньшего значения, то он должен задержаться и, отныне начав свое развитие, открыть новую эпоху в своей темной до сих пор истории»⁶⁷.

Подводя итог, еще раз хочется отметить, что П.А. Ровинский был одним из немногих исследователей, кто познакомил русское общество с загадочным албанским народом. Славист сумел ясно доказать, что албанцы, с одной стороны, совершенно уникальны, а с другой, являются неотъемлемой частью пестрого населения Балкан, что они сохранили в своей народной культуре те черты и признаки, которые характерны для материальной и духовной культуры региона в целом, что они — носители особой балканской ментальности и региональной политической культуры. В своих трудах ученый определил несколько важных исторических этапов в прошлом албанского народа, показал, как менялась их роль в политической жизни полуострова с древнейших времен до начала XX в., и выразил надежду на то, что этот этнос пойдет вслед за всей Европой по пути прогресса, сохраняя при этом свою самобытность.

Примечания

¹ Напр. *Ражнатовић Н.* Плавско-гусињска афера 1879. и Марко Миљанов // Историјски записи. Титоград, 1982. №№ 3–4; *Ракочевић Н.* Црногорско-албански односи 1878–1914. године. Београд, 1990; *Макић Ђ.* Србија и Црна Гора у мали-сорској кризи 1910–1911. године // Историјски записи. 1985. №2 и др.

² Русский курьер. 1879. 24 октября. С. 2.

³ Там же.

⁴ Русский курьер. 1880. 1 января. № 1. С. 2.

⁵ Русский курьер. 1880. 22 января. № 21. С. 4.

⁶ Русский курьер. 1880. 23 января. № 22. С. 4.

⁷ *Вукичевич М.М.* П.А. Ровинский и сербы // Известия Императорского Российского Географического общества. 1916. Т. III. С. 537.

⁸ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. СПб, 1888. С. IV.

⁹ Там же. Т. I. С. IV.

¹⁰ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – ПФ АРАН) Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. V–VI.

¹⁴ *Ровинский П.* В новых владениях Черногории // Русская мысль. 1883. № 7, 8.

¹⁵ *Ровинский П.А.* Петр II (Раде) Петрович Негош владыка черногорский (1830–1851). СПб, 1889.

¹⁶ *Ровинский П.* Албанцы и их роль в истории и современной жизни Балканского полуострова // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 25 марта, 9 апреля, 28 мая.

¹⁷ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. 346.

¹⁸ *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение // Известия Министерства иностранных дел. 1912. № 6. С. 147.

¹⁹ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. 350.

²⁰ Там же.

- 21 *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. 410–411.
- 22 *Лавров П.А.* Разбор труда П.А.Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» // Сб. Отделения русского языка и словесности АН. 1906. № 81. С. 63–112.
- 23 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 148.
- 24 *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. 149–150.
- 25 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 150.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С. 151.
- 28 Там же.
- 29 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 151.
- 30 *Ровинский П.А.* Петр II... С. 50.
- 31 Там же.
- 32 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 155.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 152.
- 35 Там же. С. 153.
- 36 *Ровинский П.А.* Черногория... Т. I. С. 341.
- 37 Там же. Т. II. СПб., 1901. Ч. 2. С. I.
- 38 Там же. С. III.
- 39 Там же. Т. II. Ч. 2. С. I.
- 40 Там же. С. II.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 510.
- 43 Там же. Т. II. Ч. 2. С. 507.
- 44 Там же. С. 528.
- 45 Там же. Т. II. Ч.1. СПб., 1897. С. 471.
- 46 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 149.
- 47 *Ровинский П.А.* Петр II... С. 50.
- 48 *Ровинский П.* В новых владениях Черногории (Очерк из путешествия). Ульцин // Русская мысль. 1883. № 8. С. 157.
- 49 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 158.
- 50 Там же.
- 51 *Ровинский П.* В новых владениях Черногории (Очерк из путешествия). Бар и Ульцин // Русская мысль. 1883. № 7. С. 162.
- 52 Там же.
- 53 Там же. С. 206–207.
- 54 Там же. № 8. С. 151.
- 55 *Ровинский П.* В новых владениях Черногории... № 8. С. 164.
- 56 Там же. С. 162.
- 57 Там же. С. 164.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 172.
- 61 Там же.
- 62 Там же. С. 172–173.
- 63 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 173.
- 64 Там же. С. 175.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 *Ровинский П.* В новых владениях Черногории... № 8. С. 164.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

ОТ ПРИЗРЕНСКОЙ ЛИГИ – К НЕЗАВИСИМОСТИ АЛБАНИИ (1881–1912 ГГ.)*

Разгром в 1881 г. турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косово. Как справедливо указывает албанский исследователь К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя в качестве национального албанского движения», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»¹.

Одновременно, одобренная Берлинским конгрессом оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом и в косовской политике Сербии, поставив воссоединение этих территорий во главу угла ее внешнеполитического курса. На международном уровне этот поворот был закреплен посредством секретного политического договора, заключенного 28 июня 1881 г. с Австро-Венгрией. Через этот документ Сербия заручилась поддержкой своих планов территориального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»² – что охватывало как Косово, так и Македонию) взамен от своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Первым конкретным шагом на пути реализации нового плана стало открытие

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ в рамках исследовательского проекта РФНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи, приуроченное к 500-летию битвы на Косовом поле. Особая роль среди этих дипломатических представительств отводилась консульству в Приштине³.

До начала XX в. ситуация в Косово не претерпела серьезных изменений. После разгрома Призренской лиги центр албанского национального движения переместился за границу — в те страны и города, где имелись многочисленные албанские колонии, прежде всего, в Константинополе, Софии, Бухаресте, Южной Италии, Египте⁴. Особо благоприятные условия для албанского национального движения в эмиграции были в Италии. Во-первых, вследствие существования в этой стране значительной прослойки так называемых итало-албанцев — потомков двухсот тысяч албанских эмигрантов, покинувших свою страну в XV в. после подавления турецкими властями восстания Скандербега, нашедших убежище в Неаполитанском королевстве, на Сицилии и особенно в Калабрии и на протяжении веков сохранявших и развивавших родной язык и родную культуру. А во-вторых — благодаря моральному и материальному покровительству премьер-министра Италии Ф. Криспи, тоже итало-албанца по своему происхождению. Так, в 1900 г. в Неаполе при местном Восточном институте была открыта кафедра албанского языка и литературы⁵.

Ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли (1882—1965), который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачусетс по призыву местного албанского землячества, ведшего борьбу за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. архиепископ русской православной церкви в Америке посвятил двадцатишестилетнего Фана Ноли в сан священника. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях⁶.

В 1884 г. выдающийся албанский деятель Наим Фрашери основал албанское периодическое издание «Дрита» («Свет»), а через два года подготовил целый ряд сочинений, рассматривавшихся им в качестве учебников по истории, географии и другим наукам для будущих албанских школ. Первая из них — частная албанская школа для детей как из мусульманских, так и православных семей⁷ — была открыта по инициативе Наима и Сами Фрашери в Корче в 1887 г.; вслед за ней, албанские школы появились также в городах Эльбасан, Влера, Тирана и в ряде деревень⁸.

Продолжавшие же действовать на косовской территории албанские объединения перешли к решению культурно-национальных задач. Это относилось, в частности, к Печской лиге, созданной в городе Печ в январе 1899 г. одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой. Благодаря его стараниям, деятельность новой Лиги также стала приобретать политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан⁹. В течение последующих месяцев в других районах Османской империи, населенных албанцами, проходили собрания в поддержку решений, принятых в Пече, кое-где учреждались местные органы власти, замещавшие турецкую администрацию, и даже вооруженные отряды. Однако деятельность Лиги не приобрела столь необходимый ей для успеха албанского национального движения общеалбанский характер из-за исторически существовавшей разделенности албанцев по географическому, культурно-национальному и религиозному признакам. Турецким властям, использовавшим метод «кнута и пряника», попеременно проводя военные карательные экспедиции и подкупая крупных албанских феодалов денежными суммами и высокими государственными должностями, удалось подавить разрозненные и неорганизованные выступления албанцев.

В 1900 г. Печская лига была распущена по требованию Константинополя, а сам Хаджи Зека в 1902 г. был убит в результате покушения. По албанской версии, покушение осуществил «сербский агент» при поддержке властей Османской империи¹⁰.

Сама Сербия в это время переживала серьезные внутри-политические трудности, объективно ограничивавшие ее возможности проводить активную внешнюю политику. Что же касается великих держав, то они, придерживаясь политики поддержания статус-кво на Балканах, после разрешения вопроса о территориальном разграничении между балканскими государствами на основе решений Берлинского конгресса, на какое-то время перестали открыто проявлять интерес к албанским делам. В частности, они оставили без ответа меморандумы, содержавшие проекты будущего государственного устройства албанских земель, которые в период обострения македонского вопроса и греко-турецкой войны на рубеже XIX – XX вв. направлялись в адрес Порты и правительств великих держав албанскими организациями, действовавшими за пределами самой Албании. Албанский вопрос признавался хотя и теоретически существующим, но находящимся даже не на втором, а на третьем плане актуальной балканской политики.

Ситуация кардинальным образом изменилась в конце первого десятилетия XX в. К лету 1908 г. относится начало нового этапа в развитии албанского национального движения, происходит его сближение с турецким революционным движением, возглавлявшимся комитетом «Единение и прогресс» и получившим впоследствии название младотурецкого. Младотурки, выдвинувшие в качестве своих основных программных требований восстановление конституции, равенство и гражданские свободы для всех народов Османской империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения, а один из признанных лидеров албанского движения Исмаил Кемали, находясь в эмиграции во Франции, принимал в 1902 г. непосредственное участие в состоявшемся в Париже младотурецком конгрессе¹¹. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в победе младотурок в июле 1908 г., в результате которой в стране было восстановлено действие конституции 1876 г. Следует отметить, что против султана Абдул-Хамида выступили даже албанцы Косовского вилайета, традиционно являвшиеся его опорой и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башибузуков. Еще раз албанцы встали на

защиту конституционного строя в апреле 1909 г., когда солдаты константинопольского гарнизона подняли 13 апреля 1909 г. мятеж с требованием отставки правительства. Широкие слои албанского населения не поддержали призывы придворных кругов, а также оппозиционной партии «Ахрар» («Либералы») оказать поддержку в восстановлении прежнего режима. Две недели спустя город был занят революционными войсками, Абдул-Хамид низложен, и с середины 1909 г. власть в стране полностью перешла в руки младотурок¹². К этому же времени относится новая крупная веха в истории собственно албанского национального движения. На состоявшемся в ноябре 1908 г. в Битоле всеалбанском конгрессе (формально посвященном обсуждению вопроса о разработке и внедрении в Албании единого алфавита, что было чрезвычайно актуально для объединения усилий двух культурно-национальных общностей, существовавших в рамках единой албанской нации – гегов и тосков) была принята развернутая программа действий, включавшая в себя как положения о признании и использовании реформированного албанского языка в государственной и образовательной деятельности, так и требования выборности местных органов власти из числа представителей албанцев, стимулирования хозяйственного развития региона, развития торговой деятельности и т.д.

Однако революция не привела к существенному улучшению положения широких масс населения, а после подавления контрреволюционного мятежа младотурецкое руководство не только не пошло навстречу чаяниям албанцев, но и стало проводить репрессивную политику в отношении их национального движения. К лету того же года относятся первые вооруженные выступления албанцев против нового режима, которые весной следующего года переросли в массовое вооруженное восстание албанцев Косовского вилайета. Это вызвало ответные вооруженные действия Константинополя, направившего на борьбу с албанскими отрядами крупные соединения регулярной турецкой армии во главе с Шевкетом Торгут-пашой, и введение в конце лета осадного положения на всей территории Албании. Как указывал в своем донесении от 4 мая 1910 г. рос-

сийский представитель в Призрене Разумовский, «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»¹³.

Одновременно положение турецких властей осложнялось тем обстоятельством, что, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье в газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расшириться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания¹⁴.

Еще более высоко оценивали масштабы и роль албанских выступлений западноевропейские и американские средства массовой информации. Газета «Вашингтон таймс» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», добавив, что «эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2.000.000 человек», «подверглась влиянию сецессионистского (сепаратистского. — П.И.) духа в период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции»¹⁵.

Изменилось и отношение к албанской проблеме со стороны европейских государств. Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в европейских столицах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу дейс-

твий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»¹⁶.

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н.С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнауты (албанцы. — *П.И.*), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся, будто бы, до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной авантюре и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. — *П.И.*) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но, из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»¹⁷.

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один во-

енно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области все более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее — с оккупацией Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы¹⁸), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства¹⁹. Основным смыслом и содержанием борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»²⁰.

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой державой. Адриатическое море должно остаться свободным»²¹.

Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и мировая печать того времени всерьез рассматривала даже возможность военного конфликта между ними. Так, вышедшая далеко от европейских просторов — в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «Дезерет ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»²².

Что же касается России, то она, также руководствуясь своей внешнеполитической деятельностью собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем с опасением относилась к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетинье от 13 мая 1910 г. подчеркивалась необходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»²³.

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, оно «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, турки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»²⁴. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную

и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»²⁵. Одновременно, по мнению сербского консула, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста²⁶.

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А.А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»²⁷.

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства. Двойственное отношение к ним Греции определялось

тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Оттоманской империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это, впрочем, вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»²⁸. С другой стороны, обострение вследствие восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татищев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»²⁹.

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское правительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двум организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

Первое из них было основано в 1887 г. на основе распавшегося за год до этого культурно-просветительного общества с аналогичным названием. В качестве цели своей деятельности его руководство во главе с преуспевающим торговцем хлебом и активным деятелем албанского национального движения уроженцем Горицы Николой Начо ставило развитие албанской культуры, а также содействие установлению автономии Албании мирными средствами. Одно время общество издавало собственную газету, однако к данному моменту оно переживало сложные времена.

Второе общество, во главе которого встал крупный албанский фабрикант Тома Чама, было создано в 1908 г. В отличие от предыдущей организации, оно располагало значительными денежными средствами (его членом был, в частности, банкир Коста Евтимиу) и ставило перед собой более широкие задачи, выступая за независимость Албании в широких территориальных границах. «Башким» поддерживал через специальных эмиссаров тесные контакты с руководителями албанского восстания и оказывал им серьезную материальную поддержку³⁰.

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с другими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя тот факт, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»³¹.

Вполне определенные планы существовали у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве

что там наступят исключительные события, чего он, впрочем, не ожидает в близком будущем»³².

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»³³.

Рассматриваемое восстание – прежде всего, вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в албанском национальном движении), и политики невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, а также амнистия для участников восстания). Тем не менее, оно свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также неудачной для Турции Триполитанской войны.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкоudere (так же как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью пятидесяти видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении

данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникают, если их требования не будут исполнены немедленно же»³⁴.

Одновременно с этим, руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Однако премьер-министр Сербии Н. Пашич, крайне встревоженный, по словам Гартвига, «тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»³⁵, отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»³⁶. Однако эти попытки окончились провалом. Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории³⁷.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев³⁸.

16 июля 1912 г. в г. Влера состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших; причем, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»³⁹.

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию

специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влери и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»⁴⁰.

В июле 1912 г. специальный корреспондент петербургской газеты «Речь» В. Викторов (выделявшийся среди своих коллег объективностью, интересом и познаниями в области албанских сюжетов) посетил штаб-квартиру одного из руководителей восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрам Цурри и Асанбея. В ходе продолжительного разговора Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Оттоманской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский народ (Sic! – П.И.)»⁴¹. «Наша теперешняя борьба, – продолжал он, – это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого – Салоникского – мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами. Это – борьба против издевательств комитета (младотурок. – П.И.) над нашими справедливыми и законными требованиями»⁴².

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования. Они были переданы специальной комиссией, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины, одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не был принят, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда, в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа, 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны, и на открывшейся 17 декабря того же года конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов.

В данной связи следует отметить, что хотя Англия и не являлась державой, имевшей непосредственные интересы в балканском регионе, и тем более в самой Албании, лондонское правительство рассчитывало, что албанское движение ослабит Турцию и ее контроль над арабскими областями, представлявшими одно из основных направлений колониальной политики Великобритании. Оно высказывалось в поддержку требований повстанцев и неоднократно обращалось к другим европейским столицам с предложением совместно потребовать от турецкого правительства их выполнения. При этом на позицию Англии и, в частности, министра иностранных дел Э. Грея, оказывало влияние убеждение, что албано-турецкий спор может быть

разрешен только военным путем — ввиду «невозможности для Черногории оставаться долгое время нейтральной»⁴³.

Российские дипломатические представители на Балканах подтверждали рост влияния албанского фактора и предупреждали об угрозе, которую он несет. Как сообщал в 1912 г. в Петербург российский консул во Влере А.М. Петряев, «албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое»⁴⁴.

Собравшееся 28 ноября 1912 г. во Влере всеалбанское Национальное собрание стало ключевой вехой в истории албанского национального движения. Принятый его делегатами акт о провозглашении независимости Албании готовился с участием представителей ряда великих держав. Так, глава первого албанского правительства Исмаил Кемали предварительно побывал в Вене, где обсудил свои планы провозгласить Албанское государство и через местную прессу очертил его границы, включавшие в себя, помимо собственно албанских земель, также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен.

И хотя открывшееся в декабре 1912 г. в Лондоне Совещание послов великих держав не признало акт о государственной независимости Албании и решило передать многие территории, на которые претендовали лидеры албанского движения, соседним балканским странам — главное было сделано: Албанское государство не просто было провозглашено, но стало реальным фактором балканской и общеевропейской политики. Документ подписал 41 албанский лидер, представлявшие Берат, Дебар, Дуррес, Эльбасан, Гирокастру, Печ, Крую, Люшню, Охрид, Стругу, Шияк, Тирану, Влеру, албанскую колонию в Бухаресте, а также находившиеся в окружении армий балканских союзников Корчу, Пермет и Шкодер. Представлять последний было доверено одному из влиятельных албанских лидеров и «одному из инициаторов данного собрания» Луиджу Гуракучи. Соответствующее решение было единогласно поддержано собравшимися делегатами.

В своем выступлении перед делегатами всеалбанского Национального собрания Исмаил Кемали напомнил, что хотя албанцы всегда были верны Османской империи, они «никогда не забывали свой собственный язык и национальность, лучшим доказательством чего стали их стремления и восстания, имевшие место время от времени, в особенности в последние четыре года, в целях защиты их прав и обычаев». «Османское правительство никогда не принимало во внимание их интересы и никогда не желало вознаградить албанцев за великую службу, которую они несли. Оно недавно продемонстрировало определенный интерес к тому, чтобы прийти к взаимопониманию с нашим народом, но не явило доказательств своей честности и не предприняло всех необходимых шагов для того, чтобы успокоить и удовлетворить албанцев. На Балканах недавно вспыхнула война с четырьмя странами, стремившимися к переменам и обеспечению прав для своих народов, объединенных этничностью и религией.

Позднее эти страны отбросили свои первоначальные цели и, поскольку война развивалась для них успешно, согласились разделить между собой Империю, включая Албанию. Понимая, что турецкая армия разгромлена, и Империя не выживет, албанцы, игравшие намного большую роль в боях, нежели простые солдаты, поспешили предпринять требуемые шаги в своих собственных интересах как хозяева страны», — подчеркнул Исмаил Кемали, добавив, что «поскольку больше не было надежды сохранить Албанию силой оружия — единственным путем к спасению стало отделить Албанию от Турции». По его словам, данная идея «была хорошо воспринята всеми великими державами, в особенности Австрией и Италией. Только Россия осталась в чем-то враждебной данной идее из-за славян, но она не отрицала существование Албании и албанского народа». В силу всего вышеизложенного, «самыми срочными мерами, которые албанская нация, — продолжал оратор, — должна предпринять сегодня, являются следующие: Албания должна стать независимой под управлением временного правительства, для содействия и надзора за правительством должен быть избран совет старейшин, и в Европу должна быть направлена комис-

сия для того, чтобы защищать албанские интересы перед великими державами». По свидетельству вышедшей во Влере газеты «Перлиндь е Шчипнис» («Албанская весна». — *П.И.*), делегаты Национального собрания «единодушно согласились» со словами Исмаила Кемали о том, что «Албания с сегодняшнего дня должна стать самостоятельной, свободной и независимой под управлением временного правительства.

Это решение было встречено нескончаемыми аплодисментами со всех сторон. Заседание было прервано до следующего дня, и делегаты вышли наружу и приветствовали флаг, который был поднят в пять тридцать пополудни»⁴⁵. В истории Албании начинался новый этап...

Примечания

¹ *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 419.

² *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

³ *Перуничѝ Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.

⁴ Активная деятельность албанских землячеств в различных странах, прежде всего, в Италии, Турции, США, не говоря уже о балканских государствах, продолжается и в настоящее время. Что же касается данных о количестве албанцев, проживающих за пределами современных границ Албании, то, как отмечалось в 1976 г. на Национальной конференции этнографических наук в Тиране, оно составляло на то время порядка 5 миллионов // *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 19. В настоящее время подобная картина в целом сохраняется.

⁵ *Ibidem.* P. 11.

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Norris H.T.* Islam in the Balkans. University of South Carolina Press. Columbia, S.C., 1993. P. 164, 166; *Reti Gy.* Mit kell tudni Albaniarol? Kossuth Könyvkiado. Budapest, 1981. F. 30.

⁹ Вопросам территориальной целостности и неприкосновенности албанских земель отводилось первоочередное место в документах, принятых Лигой, в отличие от требований и путей достижения албанцами автономии, по которым участникам форума не удалось прийти к взаимному согласию вследствие противостояния между радикальными и консервативными элементами.

¹⁰ *Myzyri H.* Kriza lindore e viteve 70 dhe rreziku i copëtimit të tokave shqiptare // *Historia e popullit shqiptar: për shkollat e mesme.* Prishtinë, 2002. F. 182–185.

¹¹ *Castellan G.* L'Albanie... P. 12.

¹² Подробнее см.: *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918). М., 1972.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 45.

¹⁴ Новое время. 1910. 30 мая.

- ¹⁵ The Washington Times. 1908. 8 Oct.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.
- ¹⁷ Там же. Л. 52.
- ¹⁸ Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.
- ¹⁹ San Giuliano A. di. Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.
- ²⁰ Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.
- ²² The Deseret Evening News. 1910. 24 Dec.
- ²³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.
- ²⁴ Там же. Д. 2084. Л. 152.
- ²⁵ *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 270.
- ²⁶ Там же. С. 271.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.
- ²⁸ Там же. Л. 232.
- ²⁹ Там же. Л. 233.
- ³⁰ Там же. Д. 2083. Л. 115.
- ³¹ Там же. Д. 2084. Л. 219.
- ³² Там же. Л. 211.
- ³³ Там же. Л. 353.
- ³⁴ Там же. Л. 326.
- ³⁵ Там же. Л. 353.
- ³⁶ Там же. Л. 366.
- ³⁷ Там же. Л. 247.
- ³⁸ Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен 5 турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов – АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521.
- ³⁹ Документи о спольној политици Кральевине Србије 1903–1914. Књига V. Свеска 2. Београд, 1985. С. 179.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.
- ⁴¹ Речь. 1912, 28 июля.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Цит. по: *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 149.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.
- ⁴⁵ *Nosi L.* Dokumenta historike për t'i shërbye historiës tone kombëtare. Tirana, 2007. F. 176–179.

Татьяна Ивановна ЧЕПЕЛЕВСКАЯ

ЯНКО ЛАВРИН ОБ АЛБАНИИ И АЛБАНЦАХ: ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ «В СТРАНЕ ВЕЧНОЙ ВОЙНЫ (АЛБАНСКИЕ ЭСКИЗЫ)»

Янко Лаврин (1887–1986), словенец по происхождению (он родился в едва насчитывавшей десяток домов деревне Крупа в словенской Белой Крайне), прожил долгую и весьма плодотворную творческую жизнь (он умер на 100-м году жизни в Лондоне), оставив после себя книги о русских писателях, воспоминания друзей и соратников.

В его жизни можно выделить 3 периода: ранний, словенский период до 1907 г., когда он, спасаясь от военной и любой гражданской службы в Австро-Венгрии, фактически «сбежал» в Россию; затем, начиная с 1908 г. вплоть до октября 1916 г., следует «русский» период его жизни и, наконец, английский период, когда он обосновывается в Великобритании, став преподавателем русского языка и литературы в Ноттингемском колледже (с 1948 г. – университете). На этом, самом продолжительном этапе его жизни появляются его многочисленные книги-исследования (переиздававшиеся на многих языках, в том числе и на русском), посвященные А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому.

Не менее насыщенным событиями и плодотворным был и «русский» период жизни Я. Лаврина¹. Россия была выбрана им не случайно, причиной служили и любовь к русской литературе, и мечты о славянской культурной общности, осуществлению которых молодой словенец хотел посвятить себя. Он стремится овладеть русским языком как родным, знакомится с видными представителями неославянского движения

(Т. Масариком, В.М. Бехтеревым, И.А. Бодуэном де Куртенэ), принимает участие в работе 2-го Славянского съезда 1909 г. в Петербурге. У него множество друзей и знакомых среди русских литераторов (С. Городецкий, В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Хлебников), а также людей искусства. Так, Б.М. Кустодиев в 1909 г. пишет его портрет, который в настоящее время хранится в Государственном Русском музее.

Лаврин начинает активно заниматься журналистикой: вместе с группой единомышленников издает с 1909 г. журнал «Славянский мир», в котором печатаются произведения современных славянских авторов в переводах на русский язык (в том числе и в его переводах), пишет статьи, которые подписывает псевдонимом Лев Савин². Позже вместе с Сергеем Городецким Янко Лаврин задумывает издание нового альманаха русских и инославянских писателей «Велес», первый номер которого выходит на рубеже 1912/1913 гг. (в него вошли новые стихи Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, А. Ремизова, А. Белого), а в 1915 г. он принимает участие в литературном сборнике «Перун», где были напечатаны 3 его рассказа. Летом 1912 г. он много путешествует по Кавказу вместе со своими друзьями — художником М.В. Ле-Дантю (входившим в группу художников-лучистов³ во главе с М. Ларионовым и Н. Гончаровой) и И.А. Зданевичем⁴, которым помогает собирать по трактирам и погребкам Тифлиса работы Нико Пиросманишвили (они впервые были представлены на московской выставке лучистов «Мишень» в марте 1913 г.).

Новая страница биографии Лаврина открывается в начале 1913 г., когда он получает приглашение главного редактора газеты «Новое время» стать ее зарубежным корреспондентом. Успешная работа молодого словенца на этом поприще вызвала новое предложение — в 1915 г. М. Суворин предлагает словенцу поехать на Балканы для освещения в российской прессе хода войны. Так писатель, переводчик становится военным репортером. Не колеблясь, Лаврин принимает предложение и в октябре присоединяется к сербской армии. На его долю выпали невероятные испытания и приключения: в Черногории он получил аудиенцию у короля Николы, который, что-

бы выразить свои прорусские симпатии, даже наградил Лаврина национальным орденом. В Албании ему удалось взять интервью у Эссад-паши (см. прим. 12), который выделил ему эскорт из четырех солдат, сопровождавших его через самые опасные районы страны. Эти и другие события стали материалом для целой серии публикаций (например, в 1915–1916 гг. газета «Новое время» публикует два его коротких и одно развернутое интервью с выдающимся сербским политиком Николой Пашичем), а позже и книги «В стране вечной войны (Албанские эскизы)», которая, пройдя военную цензуру, вышла в августе 1916 г.⁵

Сам Я. Лаврин в октябре 1916 г. вновь уезжает на Корфу и больше не возвращается в Россию. Ксерокопию своей книги он получил спустя годы благодаря усилиям российской исследовательницы Ольги Владимировны Мудровой, о чем написал в 1983 г. своему другу, словенскому ученому и языковеду Драготину Цветко.

Текст этой книги, значимый как для истории Балкан того периода, так и для воссоздания важного этапа жизни ее автора, уже стал предметом нашего изучения в плане освещения темы «Человек в истории и народ в истории», а также темы личностной и национальной самоидентификации словенского писателя⁶. В данной работе предпринята попытка воссоздания образа Албании и албанцев начала XX в.: их быта, условий сосуществования с другими народами, населяющими эти территории, выявления особенностей национального характера народа, который, по оценке Лаврина, представляет собой «одну из самых старых рас на Балканах»⁷.

Интерес к данной теме проявляли и другие авторы документальной прозы начала XX в. Например, А.А. Башмаков в книге «Через Черногорию в страну диких гегов» (1913), куда вошли его очерки о путешествии в Северную Албанию, ранее печатавшиеся в газетах «Россия» и «Славянские известия» в виде «Писем Вещего Олега⁸ из славянских земель», а также А.В. Амфитеатров. Последний в книге очерков «Страна раздора. Балканские впечатления» (СПб, 1903), описывая некоторые стороны жизни албанцев, ближайших соседей славян

на Балканах, пытается вскрыть значимые черты национального характера албанцев и причины его формирования. По этому же пути идет и Я. Лаврин. Он старается быть предельно внимательным к происходящему, индифферентным, порой он словно стремится намеренно продемонстрировать свой несколько отстраненный, «европейский» взгляд на события, но внутренняя потребность выявить самые разные стороны жизни народов этого региона через оппозицию свой / чужой проявляется постоянно.

Первая часть книги включает очерки, посвященные путешествию Лаврина в 1913 г. по Старой Сербии, и его впечатления о жизни смешанного сербско-албанского населения этого региона, которую отличало сложное переплетение этнических, национальных, конфессиональных особенностей.

Уже была провозглашена 28 ноября 1912 г. Национальным собранием во Влере (Валоне) независимость Албании и образовано временное правительство во главе с Исмаилом Кемали, уже балканскими союзниками был подписан договор с Турцией (30 мая 1913 г.), по которому Порта отказывалась от всех своих прав на Албанию в пользу великих держав; а позже, 29 июля 1913 г., Лондонская конференция признала государственную независимость Албании, провозглашенную Национальным собранием во Влере. Однако до мира, который, казалось, должен был воцариться здесь, было по-прежнему далеко.

Лаврин попадает в Старую Сербию вместе с сербскими войсками, которые заняли ряд территорий к северу от так наз. «стратегической границы» в Албании, проходившей по долине реки Дрин⁹. Свою миссию как военного корреспондента Я. Лаврин видел не только в информировании российских читателей о происходящем. Он стремился создать картину жизни населения этих территорий, где на каждом шагу можно было увидеть приметы сложного сосуществования албанцев и сербов.

В первой главе («Косово поле») автор дает яркое описание этого значимого для каждого серба места: «преддверие Албании – историческое Косово поле. Кладбище, где было

похоронено в 1389 году сербское царство заодно с царем Лазарем и его войском, павшим в неравном бою с турками...» (с. 4) Он образно называет его «черным кладбищем», «землей обетованной, символом мести и воскресения» (с. 5), приводит строфы из эпических песен косовского цикла, рассказы косовских сербов, которые «до сих пор любят объяснять путникам малейшие подробности этой битвы» (там же).

Вместе с тем, Лаврин замечает и следы турецкого владычества на этих территориях: сохраненные святыни (мавзолей султана Мурата и старинные надгробные камни на могилах турок, павших в косовском сражении), албанские селения в окрестностях Приштины, где живут албанцы племени шкипетаров, переселившиеся сюда «из голой Люмы и Малиссии» (с. 9).

Постепенно у читателей начинает формироваться образ иного мира, по сравнению с миром старой сербской истории. Косовские города, в которых, как замечает автор, албанцы «успели сделаться господствующим населением..., носят поэтому во всем чисто албанский отпечаток... Так как в доброе турецкое время угрожала постоянная опасность грабежа и убийства, то многие дома превратились в форменные крепости, окруженные глухими стенами. Идя по улице, вы часто видите не дома, а только высокие грязные ограды... Все свидетельствует о суровой, дикой и жалкой жизни» (с. 9).

Лаврин дает картину албанского города Джяковицы, где каждый дом точно «нахмуренная кула (башня)» с маленькими отверстиями для ружей вместо окон, и это придает городу еще более суровый вид». Он описывает типичные албанские жилища («Они из грубого камня, высокие, трехэтажные, крытые черепицей и обнесенные толстыми стенами. Каждая из них представляет неприступную крепость... Маленькие оконца (обыкновенно только со ставнями без стекол) имеет лишь третий этаж. В первом же и во втором этажах красуются вместо окон «пушкарницы», т.е. отверстия для ружей» — с. 18) и на основе своих впечатлений определяет особенности этого мира — его закрытость и даже враждебность, черты, которые складывались на протяжении длительного времени под вли-

нием внешних обстоятельств. Да и каждое албанское селение здесь, признает Лаврин, «старается обособиться от всего окружающего и образовать свой замкнутый, совершенно отдельный мир...» (с. 34).

Ту же картину закрытого, с отсутствием признаков жизни мира он описывает после посещения вместе с отрядом черногорского генерала Вешовича арнаутского селения Юники (для умирения восставших племен): «Мы попали...собственно не в селение, а в хаотическую кучу из пятидесяти трехэтажных кул-крепостей с «пушкарницами» во всех этажах. На улице никого нет. Точно все вымерло» (с. 29).

Албанскому селению Лаврин противопоставляет сербский монастырь, как сакральный локус, но и он в этих местах обнесен, точно средневековый замок, общей толстой стеной. И автор констатирует: «Сочетание крепости с монастырем... Оно здесь не лишнее...» (с. 19).

Понимая, как важно представить русскому читателю и образ жизни албанцев, автор книги стремится быть предельно внимательным к деталям и объективным в передаче исторических фактов. При этом он, ссылаясь на мнение уже бывавших здесь ученых и путешественников, приводит данные о живущих в северной Албании 27 различных, беспрестанно враждующих между собой фисах, т.е. племенах; сообщает об особенностях их внутреннего строя — разделении на баряки и задруги, говорит о системе собственности, определяющей жизнь местных албанцев, касается вопроса о положении албанских женщин.

Лаврин стремится дать внешний портрет мужчин и женщин, старается запечатлеть детали национальной одежды. Во время первой остановки в Приштине это первое впечатление еще достаточно общее: «...попадают на встречу то группы промокших солдат, то худощавые албанцы в рваных «елеках» (*куртка с очень короткими рукавами и обыкновенно с башлыком), узких чакширах (брюках) и белых шерстяных шапочках, едва прикрывающих макушки голов» (с. 5).

В главе «По Малиссии с черногорскими войсками» Лаврин разворачивает далее этот внешний портрет: «Они высокого

роста, с длинными руками, с суровыми лицами и с ловкими, кошачьими движеньями. Мужчины бреют головы до макушек, оставляя сзади длинные чубы, женщины подстригают волосы по краям. Они в этих местах довольно милостивы, даже красивы. Носят короткие колоколообразные юбки из черной шерстяной материи с необыкновенно широкими металлическими поясами» (с. 34).

Лаврин обращает внимание на высокий рост, худощавую фигуру, особо выделяет выражение глаз («стройный албанец с лицом хищной птицы», с. 108; «...гибкий, как кошка... Особенно неприятны его хищные, звериные глаза, которыми он то и дело загадочно поблескивает...», с. 109). Особенно мрачно и враждебно смотрят албанцы на черногорских солдат отряда генерала Вешовича, «точно на непрошенных гостей, дерзко вторгшихся в их “патриархальность”» (с. 34). Этот взгляд («маленькие звериные глаза, глядящие исподлобья», с. 40) автор замечает здесь очень часто¹⁰.

Через внешнее Лаврин стремится понять внутреннее, проникнуть в суть национального типа. Воинствующий характер албанцев подчеркивается им неоднократно. Так, в главе «В русском монастыре в Албании», говоря об обитателях городка Джяковицы, Лаврин отмечает: «...достаточно сказать, что без сопровождения вооруженного с головы до пят солдата было рискованно, особенно вечером, удалиться на десять шагов от т. н. центральной части города» (с. 16). В той же главе Лаврин рассуждает о страшной привычке — убивать во время ссоры, из обиды, из кровной мести, с целью грабежа, а часто и без всякой цели. С грустной иронией он называет эту привычку, которая «тесно срослась со всей албанской жизнью», своеобразным «искусством», которое дошло «до крайней виртуозности» (с. 16).

Набор черт, характерных для национального характера албанцев, пополняется и при описании истории существования и выживания сербского монастыря Дечаны, защитникам которого не раз приходилось отражать многочисленные набеги «свирепых арнаутов», «жадных до наживы албанцев», «разбойников» (с. 22).

На основании рассказов случайных попутчиков и собственных впечатлений автор формулирует своеобразный ко-

декс чести жителей северной Албании, первое правило которого «заключается в том, что кража и воровство вне пределов своего «фиса» считаются не проступком, а доблестью, так как обогащают достояние собственного племени» (с. 32). Вторым правилом этого кодекса считается закон кровной вражды. Именно кровная месть, глубоко укоренившаяся в албанских нравах, по наблюдению Лаврина, является «главным двигателем всех поступков и проступков албанца». Всего удивительнее то, что этот самый отсталый, самый дикий и примитивный народ в Европе представляет, как не раз повторяет автор книги, «одну из самых старых рас на Балканах». Так звучит голос европейца, человека XX в., оценивающего происходящее в регионе (с. 33).

Однако автор старается не ограничиваться лишь перечислением примеров кровной вражды, этой «священной обязанности мщения» у албанцев. В главе «У малиссорского племени мертуров» он детально описывает произошедшую на его глазах церемонию замирения кровных врагов — «заключение бесы», важного для всего албанского села события. Весьма значимая и почетная роль при ее проведении отводится местному ходже и избранным посредникам между двумя сторонами (они определяют размер выплаты за излишние убийства, а также проводят всю церемонию): «...желающий помириться албанец должен при заключении бесы отдать себя, а часто также и своих детей, в полное распоряжение врага, который может до последнего момента раздумать и отомстить... Со связанными руками он должен предстать пред врагом сначала совершенно один, подвергаясь разным унижительным процедурам. Но после заключения бесы оба бывших врага заключают также и побратимство, и кровная вражда переходит в кровное родство...» (с. 46).

Данный пример дает автору повод обратиться к вопросу о возможном взаимовлиянии народов, живущих на этих землях, прежде всего, сербов и албанцев. Одной из общих для них черт он считает закон гостеприимства, правда, объясняет албанское гостеприимство не внутренним радушием, а, скорее, суеверием и приводит следующий интересный случай из народного предания. Мать троих сыновей, которые отправи-

лись на празднество, приютила гостя, спасавшегося от кровной вражды, накормила его и дала ночлег. А когда вернувшиеся сыновья рассказали ей о смерти брата от руки ее гостя, старая албанка не выдала убийцу сына, а, отослав детей из дома, отпустила его со словами: *«Ты убил сегодня моего сына, но в доме я тебе мстить не смею... Я тебя накормила, напоила... Теперь уходи, чтобы тебя мои сыновья здесь не застали, и будь проклят!..»* (с. 41–42).

Другим обычаем, который албанцы-католики переняли от вытесненных ими сербов (что доказывал и описанный выше случай замирения кровных врагов), по мысли писателя, стало побратимство (по-албански – побратиния) или «братство по Богу». Этот обычай ставит побратима не только выше друга, но и выше родного брата и обязывает «в случае, если у албанца убили одновременно брата и побратима, мстить в первую очередь за побратима. Достойным внимания кажется Лаврину и празднование Славы, которое, по его мнению, албанцы переняли у сербов: *«В связи с этим у них иногда целое племя имеет общего покровителя. Которого «славят» не только христиане, но и мусульмане, принадлежащие к тому же фису. Из христианских святых пользуются почему-то особым кредитом у мусульман св. Николай и св. Георгий...»* (с. 40–41).

Следует отметить, что вопросы религиозных отношений в этом сложном регионе привлекают пристальное внимание словенского писателя. Свои знания по этому вопросу, почерпнутые из разных источников (письменных и устных), он дополняет личными впечатлениями. Например, во время посещения сербского монастыря Дечаны автор приводит свидетельства веротерпимости албанцев-католиков, которые вместе с черногорскими солдатами и офицерами посещают православный храм во время службы¹¹. Чтобы показать степень терпимости к другой вере у этого народа, автор пишет: «Нередко встречаете в одном и том же племени, даже в одном и том же семействе, христианскую и мусульманскую религии вместе. Мусульмане с почтением относятся к «пророку Исе» (Иисусу), а христиане с не меньшим почтением к пророку Мохаммеду. Кое-где они даже совместно празднуют как христианские, так и мусуль-

манские праздники» (с. 23). Но касаясь вопроса об отношении к христианским святыням, Лаврин замечает, что «арнауты-мусульмане почитают их главным образом из суеверия и страха. Кроме вурдалаков и “джинов”, албанец ничего так не боится, как христианских святых...» (с. 24)¹².

Свое отношение к исламу, который исповедовало в то время до 70 % албанцев, писатель выразил во время посещения секты «руффаи», подробно описав и беседу с шейхом (главой секты), и иступленное вращение «танцующих дервишей» (глава «Эльбасан. Среди албанских факиров»): «...*мои европейские нервы не выдержали. Я выбежал из молельни... Я долго не мог прийти в себя. Но несмотря на всю патологию этого странного “богослужения”, я впервые почувствовал стихийную силу и дух исламизма, рожденного в голой пустыне. Мне стал понятнее былой фанатизм мусульманских армий, распространявших когда-то огнем и мечом закон Корана...*» (с. 87).

Яркой отличительной чертой книги Лаврина являются прекрасные описания суровой природы северной Албании, которую автор часто сравнивает с природой Кавказа или диких Альп. Сравнение с холодными вершинами Кавказа он повторяет и при описании Скадарского озера и его окрестностей («Среди чудовищных, совершенно голых скал оно производит впечатление высокогорного озера где-нибудь на холодных вершинах Кавказа», с. 58), и при воссоздании картин отступления сербской армии 1915 г. («Подобного не видал я даже на Кавказе. Вся местность здесь похожа на грандиозный горячечный бред из причудливо спутанных горных хребтов, фантастичных линий, форм и красок и снежных вершин, сливающихся с облаками», с. 105). Романтическая долина Васят в горах Люмы напоминает ему Осетию: «та же почти голая, давящая своей угрюмой грандиозностью величаво раскинувшаяся первобытная природа» (с. 112). Подобные описания Лаврин переносит в плоскость оппозиции Балканы / Европа, которую он вписывает в рамки более общей: природа (натура) / культура. Благодаря этому раскрывается его взгляд на современную цивилизацию: «*Местность с каждым шагом интереснее. Хаотически нагроможденные горы, скалы и леса и*

ясное небо... К тому же ничто не напоминает Европы с ее шумной возней, фабричной копотью, конторами и проституированной культурой. Все это осталось позади. Все это было когда-то, давным-давно, а теперь оно далеко, слава Богу!

После вечной шумихи в пыльных городах, человеку вначале непривычно и даже неловко в такой первобытной обстановке. Но понемногу он точно преображается: вся “культура”, закупи́вшая его душу, затормозившая и закрывшая ему мир божий, каков он есть, стусевывается, отпадает, как нечто ненужное, жалкое и смешное.

Со всего кругом как бы спадает маска, и несказанно близкой и родной становится земля. Родными становятся леса и горы, и небо, и животные, и травы. В воздухе так и чудится смутный зов великого Пана, попавшего еще 2000 лет тому назад в отставку...» (с.42–43).

Но все же, как показывает писатель, постепенно цивилизация захватывает и эту часть Балкан. Описание г. Скадара (глава «Скадар (Скутари)»), в то время столицы северной Албании, которое Лаврин насыщает историческими комментариями, сюжетами народных легенд и песен (одна из них – «Песнь о построении Скадра»), изобилует деталями, позволяющими автору назвать его «почти европейским городом». Здесь внешняя европеизация соседствует с настоящим востоком. С одной стороны, «есть почти европейские улицы, дома, гостиницы и магазины; вы можете встретить даже арнаута в котелке...» (с. 61). С другой – «Восток как будто здесь в загоне. Но это только на первый взгляд. Если хотите подышать им на славу, то идите в т. н. старый город под цитаделью...» (с. 61). Все это дает основание автору книги назвать местную культуру «культурой поневоле» (с. 61), а сам город охарактеризовать как «Албания в Европе. Или Европа в Албании» (с. 67).

Отдельная глава книги посвящена встрече с Эссад-пашой¹³ (глава «Моя встреча с Эссад-пашой») в Дурресе (у Лаврина – Дураццо). Получив уникальную возможность взять интервью, Лаврин стремится как можно подробнее представить читателю нового правителя, о котором в Европе уже

сложилось мнение как о диктаторе Албании. Помимо предварительной характеристики своего высокопоставленного собеседника (пользуясь «домашними, албанскими средствами», т.е. деньгами и террором, он сумел внести в Албанию зародыш организации и дисциплины; любитель восточной духовной музыки), а также сделав несколько ироничных замечаний в адрес охраны дворца Эссад-паши («вместо легиона свирепых телохранителей у входа стоят только два заспанных албанца в турецкой форме и с ружьями австрийского образца», с. 75), писатель коротко передает основные темы беседы: впечатления «русского журналиста» об Албании, мнение Эссад-паши о положении в мире, о наступлении Германии на Сербию и о возможном присоединении к ней Болгарии, а также о позиции России в отношении Сербии. Как выясняется по ходу разговора, Эссад-паша видит в Сербии скорее союзника, чем врага албанцев, оценивая возможное развитие событий начавшейся мировой войны.

Однако главное внимание Лаврин сосредоточивает на создании внешнего портрета правителя Албании: «высокий, краснощекий и усатый мужчина в феске и в штатском платье», говорящий тихим, «как бы застенчивым голосом» (с. 76), который не укладывается в образ кровожадного правителя. Далее писатель пытается дать психологический портрет Эссад-паши, понимая, что читателям будут интересны мельчайшие подробности: *«На улице можно бы его принять за энергичного, разбогатевшего “своими трудами” коммерсанта средней руки... Он чрезвычайно приветлив, но своей приветливостью производит все же какое-то двойственное впечатление: тихий и ласковый голос не соответствует как-то его высокой фигуре и примитивному, очень непородистому, упрямому лицу, на котором выдаются энергичный нос и холодные, немного косые глаза, свидетельствующие о большой смекалке. Но с другой стороны, во всей его фигуре есть какое-то неуклюжее добродушие. Настоящее ли, поддельное ли — Аллах его разберет. Движения у него не совсем уверенные, точно он все время боится как-нибудь нечаянно уронить свое достоинство. Европейский костюм сидит на нем мешковато. Эссад как будто это знает и как буд-*

то чуть-чуть стесняется. От этого он кажется еще добродушнее... Одним словом — в нем нет ровно ничего необыкновенного, романтического и “страшного”. Его внешность совершенно расходится с его репутацией и наоборот... На меня он произвел впечатление человека, попавшего не в свою обстановку, взявшего на себя очень ответственную роль, но в то же время желающего во что бы то ни стало подчеркнуть и убедить кого-то, что именно это его настоящая роль и есть... Убедить, может быть, прежде всего самого себя... Впрочем, в тех условиях и в тех возможностях, какие были ему даны, он до сих пор справлялся со своей ролью довольно сносно, конечно, принимая опять-таки во внимание местные средства...» (с. 76–77).

Писатель добавляет к описанию и манеру общения Эссад-паши: *«Говорил он... очень складно. Во время разговора старается степенно жестикулировать. Но степенность ему трудно дается. То он наклонится чересчур вперед, то слишком резко откинется назад, то сделает комичный жест рукою. Вообще, он замечательно походил на свою столицу: издали как будто Европа, но вблизи все та же Албания...» (с. 79).*

Портрет Эссад-паши становится существенным дополнительным штрихом к создаваемому автором книги национальному портрету албанцев, к которому по ходу повествования добавляются все новые черты. Правда, во второй части книги, повествующей об отступлении сербской армии и толп беженцев через Албанию, он вставляет лишь отдельные зарисовки, понимая невозможность полной объективности в обстановке военного хаоса. Лаврин даже оправдывает поведение «кровожадных, вороватых и неприветливых» местных жителей, замечая что «рассчитывать на сочувствие албанского населения было наивно, а еще наивнее надеяться на съестные припасы в этих местах» (с. 104). А сравнивая северных албанцев с южными, эфирскими («которые не только не обманывают, а часто стараются даже облегчить положение беженцев», с 123), он приходит к выводу, что выстроить целостный национальный портрет албанцев практически невозможно. И, словно в оправдание, приводит слова генерала Вешовича, который в ответ на слова автора, что албанцы не

столь дики, как кажется, и им не чужды чувства признательности и благодарности, замечает: *«О, не верьте оптическому обману! Вы их еще не знаете... Их души похожи на апрельское небо: никогда нельзя ручаться за погоду... Теперь вас радушно угощают, а через полчаса они же способны уюкокошить вас без малейшей жалости... С ними нужны совершенно особые приемы, да и то трудно... Не только политики, но и психологи ломают на албанцах зубы...»* (с. 57).

Книга Я. Лаврина представляет собой удивительный по глубине восприятия событий начала XX в. в одной из самых «горячих» точек Европы того времени художественный документ. При этом словенский писатель не довольствуется ролью простого наблюдателя, он стремится проникнуть в суть происходящего и донести свои мысли и впечатления до читателей. Его путевые очерки, несомненно, помогают нам представить и понять систему ценностей, основы мировосприятия албанцев, одного из народов Балкан, с которым соседям-славянам приходилось сосуществовать в далеком прошлом и, конечно, придется сосуществовать в будущем. И в этом заключена актуальность и ценность описания «страны вечной войны»: его наблюдения и замечания, сведения о «малых» и крупных событиях в балканском регионе на рубеже XIX–XX вв. несомненно станут важным дополнением к тем вновь открытым архивным документам по истории международных отношений на Балканах, которые стали достоянием науки на рубеже XX–XXI вв.

Примечания

¹ См.: Хронология жизни Янко Лаврина в России: 1907–1917 (составители В.И. Барановский, И.Б. Хлебникова) // Янко Лаврин и Россия. М., 2011. С. 308–334.

² Спустя годы этот псевдоним был расшифрован аспиранткой МГУ О.В. Мудровой (в замужестве О.В. Косик) в период ее работы над кандидатской диссертацией «Сербская культура в русской периодической печати начала XX в.».

³ Лучизм – авангардное течение в русской живописи начала XX в., провозглашенное М.Ф. Ларионовым (трактат «Лучизм», 1913 г.). Оно возникло под влиянием кубизма, футуризма, новейших физических открытий и было основано на смещении цветовых спектров и светопередачи.

⁴ Хронология жизни Янко Лаврина в России... С. 317–318.

⁵ На обратной стороне обложки надпись: «Дозволено военной цензурою 25 августа, 1916 г.» Типография Ивановскаго. Пгт, Ср. Подъяческая, 5.

⁶ См. об этом: *Чепелевская Т.И.* Опыт национальной и личностной идентификации: на материалах книги Я. Лаврина «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Петроград, 1916 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации.* М., 2008. С. 245–255.

⁷ *Лаврин Я.* В стране вечной войны (Албанские эскизы). Птг, 1916. С. 33. Здесь и далее цитаты даются по этому изданию с указанием страницы в скобках (Данная работа является сокращенным и дополненным вариантом статьи: *Чепелевская Т.И.* Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны»), 1916) // Янко Лаврин и Россия. М., 2011. С. 69–86.)

⁸ Под этим именем А.А. Башмаков издает в 1912 г. сборник стихотворений. – *Вещий Олег.* Славянские струны. Спб, 1912.

⁹ В данном случае власти Сербии опирались на секретную декларацию от 19 мая 1913 г., приложенную к союзному договору, которую заключили Сербия и Греция и согласно которой Албания была поделена на сферы влияния. В ответ было поднято восстание: 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10 тыс. человек, которыми руководили известные албанские вожди (Эссад-паша Топтани (1863–1920) был единственным из албанских вождей, который отказался примкнуть к военной коалиции). – См.: *Арш Г.Л.* Возрождение Албанского государства // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 45–50.

¹⁰ Эту необычайную суровость и даже воинственность албанцев, сквозящую в каждом взгляде, отмечали и другие авторы очерков и заметок о путешествиях по Балканам в XIX в. Их «воинственный вид» выделял А. М. Спиридов в небольшой работе «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи», напечатанной в журнале «Северный архив» в 1825 г. (№ 14). М.Ф. Карлова, автор заметок «Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь – Путешествие по Македонии и Албании», пишет о гордости албанцев, достоинстве, с которым они держатся, но также добавляет: «В особенности же характеризует этих албанцев необыкновенно суровый взгляд...». – См.: *Жура А.В.* Албания в русской науке и культуре. Справочно-библиографическое издание. ИЛИ РАН. СПб, 2007. С. 168, 178.

¹¹ Точно так же молятся в албанском католическом храме черногорские офицеры во время экспедиции к племени мертуров. – *Лаврин Я.* В стране вечной войны... С. 50.

¹² О том, что вне городов, среди крестьян, особенно в горных районах Албании «значительная веротерпимость и явления криптохристианства (скрытого, тайного христианства. – Т.Ч.) дожили до середины XX в.», пишет российская исследовательница Ю.В. Иванова. «Отсюда, – отмечает она, – та легкость перехода из одного вероисповедания в другое, которая еще в конце XIX в. так поражала русских дипломатов, работавших в разных городах этой части Османской империи». – См.: *Иванова Ю.В.* Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начала XX века. 1. Зимние праздники. М., 1973. С. 299–300.

¹³ Эссад-паша Топтани, крупный феодальный собственник, военный министр и министр внутренних дел в правительстве возведенного на албанский престол великими державами князя Вильгельма Вида. К моменту встречи, о которой повествует Я. Лаврин, он в мае 1914 г. был обвинен Видом в государственной измене и подготовке восстания мусульман против христианского князя, смещен со своего поста, арестован в Дурресе и был вынужден покинуть страну и перебраться в Италию (при содействии итальянского дипломатического представителя в Дурресе). Но уже в сентябре 1914 г. Эссад-паша возвращается в страну и во главе собственной армии и при поддержке движения «Исламское сопротивление Албании» занимает Тирану, а 5 октября того же года провозглашает себя премьер-

министром «Княжества Албания – Дуррес». Этот пост он будет занимать и сохранять контроль над обширными районами Центральной Албании до 1916 г., когда переберется в Сербию, заявив о желании помочь Королевству, а также Греции в войне с Австро-Венгрией. – См.: *Искендеров П. А.* Сербы и албанцы: исторический опыт взаимодействия // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации.* М., 2008. С. 33–34.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

ИСМАИЛ КЕМАЛИ – ОТЕЦ АЛБАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ*

Исмаил Кемали (Кемаль-бей в турецком варианте) родился в 1844 г. во Влере. Он происходил из богатого и знатного рода местных беев. Получив начальное образование в родном городе, он отправился в Янину (столица Янинского вилайета Османской империи, ныне – город в северной Греции), где поступил в престижную гимназию Зосимеа. После ее окончания юноша в 1859 г. вместе с семьей переехал в Стамбул, где поступил на службу в канцелярию султана. Он успешно продвигался по служебной лестнице при содействии своего непосредственного начальника – известного своими либеральными взглядами Мидхат-паши. Занимая впоследствии посты градоначальника ряда балканских городов, Исмаил Кемали не меньшее внимание уделял устройению его родной Албании. Он, в частности, пытался стандартизировать албанский алфавит и создать культурную албанскую ассоциацию¹.

Его критический склад ума и связи с албанскими патриотическими организациями становились все более явными и не могли не привлечь внимания османских властей. Первый кульминационный момент в богатой биографии Исмаила Кемали наступил в 1877 г. – в разгар Великого Восточного кризиса. Будущий глава албанского правительства уже ожидал назначения на один из ключевых постов в оттоманской иерархии, однако карты спутало решение султана Абдул-Хамида II отправить в отставку с поста премьер-министра Османской империи его покровителя Мидхат-пашу.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

Сразу же впавший в немилость Исмаил Кемали был отправлен в почетную ссылку в Западную Анатолию, хотя позднее султан решил перевести его на весьма почетный пост губернатора в далеком от Стамбула Бейруте.

В апреле 1900 г. Исмаил Кемали был назначен губернатором триполитанских владений Османской империи. Однако сам он увидел в этом решении очередную попытку убрать его из столицы, а быть может, и подготовить его физическое устранение. Он решает покинуть Османскую империю. В мае 1900 г. Кемали поднялся на борт яхты британского посла в Стамбуле и попросил политического убежища. Его просьба была удовлетворена, и он был эскортирован в Лондон. Так начинается первый – восьмилетний – эмигрантский период в биографии Исмаила Кемали, в течение которого он занимался разработкой проектов конституционного обустройства Османской империи и обеспечения интересов Албании.

В это же время происходит сближение будущего лидера самопровозглашенной независимой Албании с движением младотурок. Однако отношение Исмаила Кемали к ним с самого начала было неоднозначным. Он поддерживал ту часть их программы, которая предусматривала ограничение полномочий верховного правителя Османской империи – султана. Однако в том, что касалось принципов национально-государственного устройства страны, его неприятие вызывало стремление младотурецких комитетов ограничить права нетурецкого населения – та самая политика «османизации», формирования особой «османской» (или «оттоманской») нации, которая станет государственной после прихода младотурок к власти. Как говорилось в программе «Оттоманского общества “Единение и прогресс”», «в целях предупреждения наших мусульманских и христианских соотечественников относительно системы правления нынешнего режима, который нарушает такие человеческие права, как справедливость, равенство и свобода, который лишает всех оттоман прогресса и отдает нашу страну под иностранное господство, образовано «Оттоманское общество “Единение и прогресс”», состоящее из мужчин и женщин, которые все без исключения являются оттоманами»².

На конгрессе представителей младотурецкого движения в 1902 г. в Париже Исмаил Кемали открыто выступил против ущемления национально-культурных интересов албанцев и представителей других этносов.

Между тем, в период своей эмиграции Исмаил Кемали отнюдь не являлся и сторонником предоставления албанцам широких политических прав. Албания виделась ему как одна из областей единой Турции, пользующаяся культурно-национальной автономией. Он был убежден, что самостоятельное существование Албании невозможно в условиях враждебного окружения и стремления великих держав поделить Балканы между собой.

После победы младотурецкой революции в Турции была восстановлена конституция 1876 г. Депутатами созванного младотурками осенью 1908 г. нового парламента стали 26 албанцев. Среди них оказался и вернувшийся к этому времени из эмиграции Исмаил Кемали – наряду с другими албанскими лидерами, пользовавшимися поддержкой со стороны своих вооруженных сторонников. Исмаил Кемали, Хасан Приштини, Эссад-паша Топтани – совсем скоро им предстояло сойтись в ожесточенной схватке за верховную власть в стране. Пока же они заседали вместе в парламенте, демонстрируя лояльность режиму, хотя и «слабо веря в жизнеспособность нового режима»³.

Однако практическая деятельность младотурок, отнюдь не спешивших выполнять свои социально-экономические и политические обещания, а, наоборот, под предлогом реализации лозунга «османизма» (или «пантюркизма»), взявших курс на ущемление прав нетурецких национальностей, вызывала у Исмаила Кемали растущее разочарование⁴. Созданная и возглавленная им в декабре 1908 г. партия «Ахрар» («Либералы»), по сути, носила антимладотурецкий характер. Одним из пунктов ее программы стало требование проведения в стране государственно-административной реформы на принципах децентрализации управления с предоставлением Албании и другим областям с нетурецким населением расширенной автономии. Во время попытки переворота, осуществленной солдатами стамбульского гарнизона в апреле 1909 г., партия Исмаила Кемали выступила против младотурок. По сути, албанский ла-

герь оказался расколотым. Все решила поддержка, оказанная властям албанскими национальными комитетами на местах, а заодно македонскими вооруженными четами. Две недели спустя Стамбул был занят революционными войсками, а Абдул-Хамида II на султанском троне сменил Мехмед V⁵.

На волне контрреволюции Исмаил Кемали успел в течение двух дней побыть на посту председателя оттоманской Национальной ассамблеи, однако вслед за тем вновь — во второй раз (но, забегаая вперед, заметим, — отнюдь не последний) — был вынужден отправиться в эмиграцию — в Грецию, а затем в Румынию. В Стамбул он уже больше не вернется.

Прекрасно осознавая тот факт, что турецкие владения на Балканах доживают последние дни, Исмаил Кемали основное внимание в своей деятельности уделял теперь дипломатическим маневрам. Этого требовали как его собственные выводы из анализа сложившейся военно-политической обстановки на Балканах и вокруг них, так и решения прошедшего в Бухаресте 5 ноября 1912 г. собрания представителей албанских эмигрантских организаций, в подготовке и работе которого Кемали принял активное участие.

Взяв на себя «миссию выразителя интересов всех албанцев за рубежом»⁶, Исмаил Кемали отправился в обе столицы монархии Габсбургов — Вену и Будапешт, где попытался убедить представителей Австро-Венгрии в необходимости поддержать национально-освободительную борьбу албанского народа, пока территория страны не оккупирована войсками антитурецкой коалиции. «Когда балканские союзники объявили войну Турции и болгарские армии оккупировали Кирк-Килиссе, в то время как сербы заняли Ускюб (Скопье. — *П.И.*), я понял, что для нас, албанцев, настало время предпринять энергичные меры для нашего собственного спасения», — писал он впоследствии⁷.

Исмаил Кемали был встречен в обеих столицах Монархии весьма благожелательно. В частности, в Вене они имел встречи в местном парламенте, а также с дипломатическими представителями Англии, Италии и Франции. Однако главным пунктом повестки дня его турне стала беседа с министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольдом. Очевидно,

что стремление Кемали создать суверенную Албанию в значительной степени отвечало объективным интересам Габсбургской монархии – особенно в условиях громких побед войск Балканского союза на фронтах Первой Балканской войны. Вена не могла не тревожить перспектива возникновения на Адриатике сербского порта. И хотя относительно дальнейшей судьбы этого порта мнения расходились (большинство политиков и военных прогнозировали в будущем его переход в руки России, в то время как эрцгерцог Франц-Фердинанд полагал, что сербским портом на Адриатическом море в конечном итоге завладеет Италия⁸), сути дела это не меняло. Для Вены главным было не допустить триумфального прорыва сербской армии через албанские горы на побережье. И создание суверенной Албании в значительной степени должно было послужить гарантией от роста экономической, политической и военной мощи Сербии, ее авторитета в глазах южнославянских народов Австро-Венгрии. Что же касается вопроса об установлении границ Албании, которые, по мнению Вены, должны были обеспечить «жизнеспособность» государства, то переговоры по этому вопросу в рамках Совещания послов завершились, по словам графа Берхтольда, принятием компромиссного решения. Оно предусматривало, что «за наш отказ от включения Джаловицы в границы автономной Албании сюда включено будет Скутари, даже в случае занятия его Черногорией, и что католическому албанскому меньшинству на территориях, расположенных вне нового государства, будет сохранена религиозная и национальная свобода, а равно, что албанская территория будет очищена от иностранных войск»⁹. Подобная карта Албании мало соответствовала представлениям о ее границах самого Исмаила Кемали – в том виде, как он очертил их на страницах венской прессы. Эти границы включали в себя, помимо собственно албанских земель, также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен.

За международным турне Исмаила Кемали с понятным интересом наблюдали в Белграде. Посланник Сербии в Вене Дж. Симич сообщал в своей телеграмме от 10 ноября 1912 г., что албанский лидер намерен вскоре отправиться в Албанию,

где, по мнению посланника, «попытается организовать некое государственное управление», в связи с чем он ныне стремится «заложить определенный фундамент» в глазах Европы¹⁰.

После завершения поездки Исмаил Кемали вернулся в Албанию. 19 ноября в порту Триест его ждал пароход, предоставленный австрийским правительством. Вот как описывал обстоятельства его возвращения посланник Сербии в Греции М. Бошкович в своей телеграмме в Белград от 25 ноября 1912 г.: «Известный австрийский агент, албанец Кемаль-бей с двенадцатью сторонниками высадился на берег и отправился в четверг в Драч (Дуррес – П.И.), где он намеревается провозгласить автономию Албании и организовать сопротивление Сербии. Из Триеста их доставило австрийское судно «Брио». С ними был русский врач, который видел их лично. Кемаль не посещал Триест, а находился в ожидании в открытом море вне гавани»¹¹. С борта австрийского судна еще в Триесте Исмаил Кемали произнес речь, в которой пообещал, что «сразу же после его прибытия в Албанию будет провозглашена независимость и избрано временное правительство»¹².

Однако немедленно реализовать вышеуказанные планы не удалось. Причиной тому – греческая блокада албанского порта Дуррес (в котором и планировалось созвать Всеалбанский конгресс с прицелом на провозглашение независимости), а также выданное префектом данного города распоряжение об аресте самого Кемали. 26 ноября последний прибывает во Влеру. Именно в этом городе делегаты из различных районов Балкан с албанским населением (включая Косово) провозгласили 28 ноября 1912 г. создание независимой Албании. Председателем Всеалбанского конгресса, а позднее главой правительства единодушно был избран Исмаил Кемали. Он же 5 декабря занял пост министра иностранных дел в правительстве, состоявшем из 7 министров – мусульман и христиан¹³. Военные вопросы были переданы в ведение Риза-бея из Джяковицы и Исы Болетини, который под натиском сербских войск как раз к этому времени отступил во Влеру из Косово через Люму¹⁴.

В своем выступлении перед делегатами всеалбанского Национального собрания Исмаил Кемали напомнил, что

хотя албанцы всегда были верны Османской империи, они «никогда не забывали свой собственный язык и национальность, лучшим доказательством чего стали их стремления и восстания, имевшие место время от времени, в особенности в последние четыре года, в целях защиты их прав и обычаев». «Османское правительство никогда не принимало во внимание их интересы и никогда не желало вознаградить албанцев за великую службу, которую они несли. Оно недавно продемонстрировало определенный интерес к тому, чтобы придти к взаимопониманию с нашим народом, но не явило доказательств своей честности и не предприняло всех необходимых шагов для того, чтобы успокоить и удовлетворить албанцев. На Балканах недавно вспыхнула война с четырьмя странами, стремившимися к переменам и обеспечению прав для своих народов, объединенных этничностью и религией.

Позднее эти страны отбросили свои первоначальные цели и, поскольку война развивалась для них успешно, согласились разделить между собой Империю, включая Албанию. Понимая, что турецкая армия разгромлена, и Империя не выживет, албанцы, игравшие намного большую роль в боях, нежели простые солдаты, поспешили предпринять требуемые шаги в своих собственных интересах как хозяева страны», – подчеркнул Исмаил Кемали, добавив, что «поскольку больше не было надежды сохранить Албанию силой оружия, единственным путем к спасению стало отделить Албанию от Турции». По его словам, данная идея «была хорошо воспринята всеми великими державами, в особенности Австрией и Италией. Только Россия осталась в чем-то враждебной данной идее из-за славян, но она не отрицала существование Албании и албанского народа», а потому все-таки объективно поддерживала ее. Что же касается основных задач, которые, по мнению Исмаила Кемали, требовали безотлагательного решения, то они сводились к следующему: «сделать Албанию независимой под эгидой временного правительства; избрать совет старейшин в качестве вспомогательного и контролирующего органа при правительстве; направить в Европу делегацию в целях получения поддержки албанского вопроса со стороны великих держав»¹⁵.

По свидетельству выходявшей во Влере газеты «Перлиндье Шчипнис» («Возрождение Албании»), делегаты Национального собрания «единодушно согласились» со словами Исмаила Кемали о том, что «Албания с сегодняшнего дня должна стать самостоятельной, свободной и независимой под управлением временного правительства.

Это решение было встречено нескончаемыми аплодисментами со всех сторон. Заседание было прервано до следующего дня, и делегаты вышли наружу и приветствовали флаг, который был поднят в пять тридцать пополудни»¹⁶.

Возвращаясь к тезису об объективной поддержке со стороны России дела освобождения Албании, следует констатировать, что он являлся преувеличением. В российском министерстве иностранных дел, разумеется, понимали объективный характер процессов, приведших к фактическому обособлению Албании от Турции. Однако албанский вопрос для России все-таки имел подчиненное значение и рассматривался в качестве одного из аспектов более значимой проблемы, заключавшейся в определении нового места на карте Балкан ее ближайших союзниц, Сербии и Черногории, политика которых (в первую очередь, Белграда) в отношении Албании реально угрожала возникновением крупного военного конфликта с участием Австро-Венгрии, что было крайне невыгодно для Санкт-Петербурга. В архиве сохранилась примечательная депеша российского дипломатического представителя в Стамбуле М.Н. Гирса от 7 марта 1913 г., в которой он сообщал о состоявшемся незадолго до этого в турецкой столице съезде албанцев-эмигрантов, выступивших с идеей образования албано-сербского государства под эгидой сербского короля, но при одновременном сохранении независимости албанских земель. И сам Гирс, и поставивший на документе собственноручную помету император Николай II, и министр иностранных дел С.Д. Сазонов весьма сочувственно отнеслись к подобным планам, которые, очевидно, стали бы наилучшим решением для России — конечно же, в случае их реализации¹⁷.

Да и телеграмма, посланная за подписью И. Кемали во внешнеполитические ведомства великих держав с призывом признать независимость Албании, не встретила в Санкт-Пе-

тербурге никакого отклика. Так же, впрочем, как в Вене и Риме. Это означало однозначный отказ великих держав признать не только правительство И. Кемали как таковое, но и сам факт возникновения независимого Албанского государства¹⁸.

Не больше энтузиазма выказали и правительства балканских стран, к которым И. Кемали также обратился за признанием и поддержкой. Вот текст телеграммы, адресованной им 29 ноября 1912 г. министру иностранных дел Сербии (аналогичный документ был получен и в других балканских столицах):

«Спешу сообщить Вашему Превосходительству о событии исключительной важности для национальной жизни албанцев. Посланцы со всех албанских областей независимо от веры, собравшиеся сегодня в Валоне (Влера. — *П.И.*) в качестве Народного Собрания, провозгласили независимость Албании и сформировали временное правительство. Албанцы счастливы войти в семью народов Балканского полуострова, которым они по происхождению приходятся старшими братьями. Не имея другой цели кроме как жить в мире со всеми соседними государствами, они надеются, что это изменение народной жизни и само временное правительство будут признаны королевским правительством; что дальнейшие враждебные действия со стороны сербской армии на их родной земле прекратятся; и что все бесспорно албанские области, которые заняли армии союзников, будут им возвращены»¹⁹.

Правительство Исмаила Кемали с самого начала оказалось в буквальном смысле «в кольце фронтов». Напрасно он заверял Лондонское совещание послов в жизнеспособности своего «конституционного», по его словам, и «временного», по международной терминологии, правительства. Напрасно доказывал необходимость переноса столицы Албании из портовой Влеры в находящийся в центральной области город Эльбасан (откуда можно было бы более эффективно осуществлять государственное управление; а кроме того, эльбасанский диалект включал в себя элементы северного гегского и южного тоскского наречий). Напрасно разрабатывал И. Кемали красивые, но явно не жизнеспособные проекты переустройства Албании по кантональному принципу (наподобие благополучной

Швейцарии). В августе 1913 г. было объявлено о направлении в Албанию Международной контрольной комиссии. В страну направлялись голландские офицеры, в задачу которых входила подготовка местной жандармерии. Комиссия с самого начала обозначила свое отношение к деятельности правительства Исмаила Кемали, отнеся его к разряду одной из многочисленных местных властей, существовавших в различных районах Албании — в данном случае, во Влере. Стремясь хоть как-то упрочить свои позиции, И. Кемали пошел на значительные уступки Австро-Венгрии и Италии в финансово-экономической сфере. Так, в октябре 1913 г. он дал согласие на открытие банка, наделявшего значительными полномочиями, в котором ключевые позиции принадлежали Австро-Венгрии и Италии. Как писал российский делегат в Международной контрольной комиссии А.М. Петряев, «банку даны широкие права производить всевозможные финансовые и коммерческие операции, включая сюда выпуск денежных знаков и чеканку монет. Ему будет принадлежать право устраивать внутренние и внешние займы, учреждать монополии и вообще играть роль государственного казначейства для всей Албании... При таком исключительном положении албанского банка вся экономическая и финансовая жизнь Албании подпадет в бесконтрольное распоряжение Австрии и Италии»²⁰.

Впрочем, правительство Исмаила Кемали испытывало острый дефицит не только международной поддержки. Внутри страны против него поднял фактический мятеж один из крупнейших албанских землевладельцев Эссад-паша, имевший основания рассчитывать на тайное содействие со стороны аж трех государств — Италии, Сербии и Турции. Он собрал вокруг себя недовольных политикой Исмаила Кемали, пытавшегося проводить реформы, создать систему централизованной власти и придать стране по возможности светский характер. Эссад-паша провозгласил себя спасителем Албании и ислама, заявив, что «Центральная Албания желает иметь мусульманского правителя»²¹.

Из балканских соседей в наиболее жесткой оппозиции Исмаилу Кемали и его правительству находились Афины, Белград, Стамбул. Греция делала ставку на военное решение

албанского вопроса, заключавшееся в стремлении присоединить как можно более обширные территории со смешанным греко-албанским населением. В начале декабря греческие войска вплотную подошли к Влере и даже осуществили обстрел порта с моря. Потребовалось вмешательство дипломатических представителей Австро-Венгрии и Италии, которые заявили министру иностранных дел Греции, что не допустят, чтобы стратегически важные пункты на Адриатике – а конкретно остров Сазан в акватории бухты Влеры – стали военными базами какой-либо «третьей силы»²².

Активно действовала против правительства Исмаила Кемали и Турция, мечтавшая о восстановлении своих позиций на Балканах и, в частности, в Албании. Правда, в первое время его существования турецкие власти занимали скорее выжидательную позицию, озабоченные больше своими взаимоотношениями с великими державами и, разумеется, критической обстановкой на фронтах Первой Балканской войны. Так, на запрос, направленный в турецкую столицу влерским мутесарифом на предмет того, не следует ли относиться к Исмаилу Кемали как к мятежнику, последовал совет занять нейтральную позицию²³.

Но вскоре ситуация стала меняться. Из Стамбула в разные районы Албании направлялись агенты, в задачу которых входила агитация против влерского правительства и объединение всех недовольных правлением Исмаила Кемали. Последнему, впрочем, удалось раскрыть заговор. Один из главных младотурецких представителей, майор Бечир Гребнали, был казнен²⁴.

Великие державы были крайне недовольны подобным проявлением самостоятельности Исмаила Кемали. Ему в вину также ставились попытки «собрания» тех земель, принадлежность которых Албании была отклонена Лондонским совещанием послгов. Речь шла, в частности, о присоединении Косово и приморской области Чамерия, отошедшей к Греции. Да и проект создания очередного Балканского союза с участием Албании, Болгарии и Турции (понятно, против кого он должен был быть направлен) отнюдь не вдохновлял великие державы, уставшие от балканских междоусобиц. Вмешалась Международная контрольная комиссия и вынудила главу временного правительства отказаться от своих функций.

Данный акт был обставлен весьма торжественно. Исмаил Кемали был вызван на заседание Комиссии. Его итоги изложены в официальном сообщении данного органа от 22 января 1914 г. В нем говорилось, что «председатель Временного правительства, будучи убежденным в том, что единственным средством к прекращению состояния смуты и анархии, царящих в стране, является конституирование единого правительства для всей Албании и что в настоящих условиях этого можно достичь только передачей власти в руки Международной контрольной комиссии, представляющей великие державы, возобновляет свою просьбу, с которой он уже обращался»²⁵. Именно эта просьба и была формально удовлетворена Международной контрольной комиссией.

Позднее Исмаил Кемали покинул страну, в которую в начале 1914 г. прибыл ставленник великих держав принц Вильгельм Вид — сын немецкого принца и голландской принцессы, двоюродный брат шведского короля и племянник румынской королевы. А Исмаилу Кемали так и не довелось вернуться в свою страну. Основное время очередного и на сей раз последнего периода его эмиграции пришлось на Париж, где он испытывал острую нехватку средств, но, тем не менее, продолжал поддерживать многочисленные контакты, пытаясь лоббировать албанские интересы²⁶. В 1918 г. он отправился в Италию с тем, чтобы оттуда переправиться в разоренную и оккупированную армиями различных стран Албанию. Однако итальянское правительство, преследовавшее собственные цели в набиравшем силу послевоенном урегулировании, не позволило ему покинуть страну и фактически интернировало его в одном из роскошных отелей Перуджи. В нем Кемали и скончался в январе 1919 г. во время обеда — по официальной версии, от сердечного приступа²⁷.

На следующий год в Лондоне увидели свет мемуары Исмаила Кемали, подготовленные при активном участии корреспондента континентального издания газеты «Дейли мейл» А. Соммервилля. Они стали единственным сочинением подобного рода, принадлежавшим перу бывшего высокопоставленного чиновника Османской империи, опубликованным на английском языке. Исмаил Кемали изложил свое видение событий,

разыгравшихся в Албании перед Первой мировой войной, и, в частности, следующим образом рассказал об обстоятельствах провозглашения независимости страны 28 ноября 1912 г.:

«Поскольку Валона (Влера. — *П.И.*) была блокирована греческим флотом, я был рад высадиться в Дураццо (Дуррес. — *П.И.*). Там мы обнаружили два ожидавших нас греческих военных корабля, которые находились с предыдущего вечера. Наш капитан очень беспокоился за нас — и не без причины; и мы разделяли его озабоченность. Однако поднявшийся на борт офицер после проведения скрупулезного исследования, во время которого он не нашел ничего, за исключением небольшого количества оружия у моих компаньонов, позволил мне сойти на берег, и наш корабль продолжил свой путь.

Мы обнаружили, что народ в Дураццо находился в полном неведении обо всех происходящих событиях. Обманутые разрозненными новостями, приходившими к ним через тенденциозные каналы, они верили, что турецкая армия побеждает, занимает Филиппополь и марширует на Софию и Белград. Они даже не знали, что сербы стоят у самых их ворот. Наше прибытие вызвало определенное волнение в городе, разжигавшееся турецкими элементами, к которым присоединилась часть местного населения, состоявшая в основном из боснийских иммигрантов, распространявших сведения, что мы является агентами-провокаторами. Эти особые, местные чувства не помешали Дураццо и близлежащим округам выбрать своих делегатов на национальный конгресс, и они отправились в Валону вместе со мной и моей небольшой группой албанцев из Бухареста.

Мы передвигались верхом, и перед прибытием в наш первый остановочный пункт я узнал от прибывшего встретить меня местного нотабля, что турецкий главнокомандующий в Янине направил телеграмму местной жандармерии с требованием арестовать меня и доставить в его штаб-квартиру. В соответствии с этим мы изменили наш маршрут и провели ночь в другой деревне. На следующее утро начальник жандармов, который должен был осуществить арест, показал мне телеграмму от того же самого командующего в Янине, который просил местные власти принять нас с почтением и сделать все, что в их силах, чтобы по-

мочь нам в нашей поездке. Однако нас это ничуть не успокоило, а скорее подтвердило тревожные новости, о которых я услышал вечером накануне; и в итоге, отказавшись от маршрута, по которому нас отслеживали, я выбрал более безопасный, и мы в итоге прибыли в Валону. Здесь наш прием сильно отличался от того, который был в Дураццо. Моим родным городом овладело пламя патриотизма, и мы встречали повсюду общественный энтузиазм и восхищение. Очень быстро я оказался в окружении восьмидесяти трех делегатов, мусульман и христиан, которые прибыли со всех частей Албании, вне зависимости от того, были ли они оккупированы воюющими армиями.

Немедленно открылся конгресс. На своем первом заседании — 15/28 ноября 1912 г. — его делегаты единогласно проголосовали за провозглашение независимости. Затем заседание было прервано, и его участники покинули зал, чтобы подняться к моему дому (дому, где я родился и в котором жили мои предки), сопровождаемые приветственными восклицаниями тысяч людей и славным флагом Скандербега, который покоился в свернутом виде последние 445 лет. Этот момент стал для меня незабываемым, и мои руки дрожали от волнения, когда я в надеждой и гордостью закреплял на балконе старого дома штандарт последнего национального правителя Албании. Казалось, словно сам дух бессмертного героя спустился в этот момент как священный огонь над головами людей (вместе с Исмаилом Кемали флаг на балконе двухэтажного здания подняли Иса Болетини и Луиджь Гуракучи. — *П.И.*).

На возобновившемся заседании я был избран председателем Временного правительства с мандатом на формирование кабинета. Но я счел более подходящим, чтобы и министры были избраны Конгрессом, и поэтому я отказался от данной прерогативы, оставив за собой лишь распределение портфелей. Правительство было создано, Конгресс избрал восемнадцать членов, которые должны были сформировать Сенат. Я уведомил о конституции нового Государства великие державы и Высокую Порту посредством следующей телеграммы:

«Национальная Ассамблея, образованная делегатами, прибывшими из всех частей Албании, вне зависимости от вероис-

поведания, собравшаяся сегодня в городе Валона, провозгласила политическую независимость Албании и создала Временное правительство, которому поручено решать задачу по защите прав албанского народа, которому угрожает истребление со стороны сербских армий, и по освобождению национальной территории, подвергшейся вторжению иностранных сил. Сообщая об этих фактах Вашему превосходительству, я имею честь просить правительство Его Британского величества (в тексте мемуаров Исмаила Кемали процитирована телеграмма правительству Великобритании. В телеграммах в другие столицы подобное обращение менялось в соответствии с местными государственно-дипломатическими реалиями. — *П.И.*) признать данное изменение в политической жизни албанской нации.

Албанцы, которые вошли в семью народов Восточной Европы, в которой они льстят себя надеждой быть самым древним народом, преследуют одну-единственную цель — жить в мире со всеми балканскими государствами и стать элементом стабильности. Они убеждены, что правительство Его Величества, а также весь цивилизованный мир, окажут им благожелательный прием, защитив их от нападений, направленных против самого их национального существования, и от любого расчленения их территории».

После того, как я был наделен президентской властью, у меня была одна доминирующая мысль — обустроить то небольшое пространство нашей страны, которое оставалось у нас, и продемонстрировать великим державам, что Албания способна сама собой управлять и нуждается в доверии со стороны Европы... Теперь нам оставалось лишь дождаться того дня, когда представители цивилизации и человечества объединятся и решат признать наши права, которые столь долго, к несчастью, игнорировались с единственным оправданием: попытаться избежать того, что было неизбежным. Мы убеждены, что справедливые меры, согласованные для нас, были бы выгодны не только нам, но и тем, кто стремится к собственному росту и укреплению за счет нашего уничтожения. Реконструкция балканского дома и гарантия его независимости стали бы одним из самых действенных факторов мира на Востоке и в мире. Это балканское здание может быть

крепким лишь вместе с Албанией и на основе консолидации Албании, представляющей из себя его четвертую опору»²⁸...

Вряд ли будет преувеличением сказать, что задача «консолидации балканского здания» остается актуальной и поныне...

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Хохи К. Ismail Qemali: jeta dhe vepra*. Tiranë, 1983.
- ² Цит. по: *Lewis B. The Emergence of Modern Turkey*. Oxford, 1961. P. 206.
- ³ *Vickers M. The Albanians. A Modern History*. London – New York, 1995. P. 54.
- ⁴ Как отмечают исследователи Х. Паултон и М. Виккерс, непосредственной реакцией И. Кемали на пантюркистскую идеологию стало его стремление подчеркивать свою принадлежность к албанцам, а не к османам или мусульманам // *Poulton H., Vickers M. The Kosovo Albanians: Ethnic Confrontation with the Slav State. Muslim Identity and the Balkan State*. New York, 1997. P. 144.
- ⁵ Подробнее см.: *Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918)*. М., 1972.
- ⁶ *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке*. М., 2003. С. 52.
- ⁷ *The Memoirs of Ismail Kemal Bey*. London, 1920. P. 369.
- ⁸ *Vickers M. The Albanians...* P. 68.
- ⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 38–39.
- ¹⁰ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига V. Свеска 3. Београд, 1986. С. 275.
- ¹¹ Там же. С. 403.
- ¹² Цит. по: *Смирнова Н.Д. История Албании...* С. 53.
- ¹³ Подробнее см.: *Краткая история Албании*. М., 1992.
- ¹⁴ *Đorđević D. Izlazak Srbije na Jadransko more i konferencija ambasadora u Londonu 1912*. Beograd, 1956. 84–85.
- ¹⁵ Цит. по: *Смирнова Н.Д. История Албании...* С. 53–54.
- ¹⁶ *Nosi L. Dokumenta historike për t'i shërbye historiës tone kombëtare*. Tiranë, 2007. F. 176–179.
- ¹⁷ *Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны*. М., 1985. С. 153.
- ¹⁸ *Puto A. Demokracia e rrethuar*. Tiranë, 1990. F. 14.
- ¹⁹ Документи о спољној политици... С. 440. См. также: *Ismail Qemali: përmbledhje dokumentesh, 1888–1919*. Tiranë, 2002.
- ²⁰ Цит. по: *Могилевич А.А, Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг.* М.–Л., 1940. С. 208–209.
- ²¹ *Vickers M. The Albanians...* P. 81.
- ²² Документи о спољној политици... С. 515–516.
- ²³ Там же. С. 497.
- ²⁴ *Vickers M. The Albanians. A Modern History...* P. 82.
- ²⁵ Цит. по: *Смирнова Н.Д. История Албании...* С. 62.
- ²⁶ Подробнее см.: *Sommerville A.M. Twenty years in Paris with a pen*. London, 1927.
- ²⁷ См.: *Barchard D. The Man Who Made Albania – Ismail Kemal Bey* // *Cornucopia Magazine*. 2004. № 34.
- ²⁸ *The Memoirs of Ismail Kemal Bey*. P. 368–386.

Наталия Григорьевна СТРУНИНА-БОРОДИНА

ПОЛИТИКА ЧЕРНОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ АЛБАНИИ В НАЧАЛЕ XX В. (ПО ДОНЕСЕНИЯМ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ В ЧЕРНОГОРИИ)

Начало XX в. для албанского народа было временем активной борьбы за свое национальное государство. Албанское Возрождение берет свое начало в 40-х годах XIX в., когда албанским деятелем Наумом Векильхарджи было издано первое обращение к православным албанцам о необходимости создания албанских школ и развитии албанского языка, а завершилось в 1912 г. провозглашением независимости Албании¹.

Албанский народ, разделенный на северных албанцев — гегов и южных — тосков, помимо того, разбитый на племена и кланы, которые часто соперничали между собой, в XIX в. воспринимал себя частью Турецкой империи, во многом благодаря турецкой пропаганде. Поэтому и первые официальные программы албанских национальных лидеров не призывали к созданию независимого албанского государства, а лишь призывали к объединению всех албанских территорий и, одновременно, к лояльности султану².

Однако албанцы пытались сопротивляться турецким реформам, в результате которых налогообложение албанского народа все увеличивалось. Волна выступлений пришлась на 60-е годы XIX в. Активизации антитурецких выступлений албанцев способствовал также рост освободительного движения других балканских народов. К примеру, черногорско-турецкие войны 1858—1862 гг. даже вызвали у части албанцев стремле-

ние к установлению с черногорцами военного союза³. Однако часть албанцев, а именно жители Мирдиты, в 1853 и 1862 гг. безуспешно сражались против черногорцев⁴.

Во второй половине XIX в., под влиянием общебалканского освободительного движения, у албанцев начали складываться принципы и идеи о необходимости создания собственного независимого государства, однако их носителями были лишь радикальные представители албанского национального движения. Но политика великих держав и заключенные между ними международные договоры не учитывали интересов албанцев. «Албанская нация не существует» — так выразил мнение великих держав председательствовавший на Берлинском конгрессе германский канцлер О. Бисмарк⁵.

Как предполагает отечественный исследователь истории и этнологии Албании Ю.В. Иванова, «неславянские народы не вписывались в тогдашнюю политику России и Англии»⁶. В том же ключе высказывался о политике России на Балканах российский консул в Призрене И.С. Ястребов. Создание албанского княжества было для России невыгодным, ибо это противоречило бы ее основной внешнеполитической линии на Балканах — «способствовать славянским государствам округлять свои владения»⁷.

По итогам Берлинского конгресса (в котором албанцам не удалось принять участие, и даже их программа, составленная участниками заседания всеалбанского собрания Албанской (Призренской) лиги, созданной в 1878 г., не была серьезно воспринята) не было предусмотрено обеспечение свобод и прав албанского народа. Их интересы наоборот были ущемлены: населенные албанцами территории Плав и Гусинье должны были перейти к Черногории (помимо городов Бар и Подгорица), а к Сербии присоединились Куршумле и Вранья — области с многочисленным албанским населением.

Не желая передавать территории Плав и Гусинье черногорцам, албанцы выступили с оружием в руках, и когда султан приказал им во исполнение европейского мандата сложить оружие, они убили турецкого посланника, а в течение всего 1879 г. вели борьбу за эти территории. В результате вмешатель-

ства великих держав в сентябре 1880 г. Черногории были все же уступлены турецкие земли, но взамен Плава и Гусинья черногорцам отошел г. Ульцин с береговой полосой, тянувшейся до реки Бояны. Несмотря на то, что албанцы считали эти территории также своими, им все же пришлось уступить⁸.

Конец 80-х–90-е годы XIX в. были для албанцев временем открытых протестов против турецких властей. Отметим, что требования, выдвигаемые албанцами в этот период, изменились. Протесты против налогообложения стали все больше сочетаться с национальными требованиями – открытием национальных албанских школ, распространением албанского языка. В том числе, как писал русский консул в Битоле А.А. Ростовский, албанцы хотели «добиться от Порты создания единого албанского вилайета, могущего послужить ядром будущего албанского государства»⁹.

Начало XX в. ознаменовалось подъемом национально-освободительной борьбы албанского народа против Османской империи. Правда, антитурецкие выступления 1903–1907 гг. еще не носили общенародного характера. На 1908 год албанцами планировалось массовое народное выступление, но оно совпало с младотурецкой революцией, энтузиазм от которой охватил и албанцев. Они поверили в возможность реализации их национальных требований и присягнули на верность турецкой конституции, ожидая от нее весьма многого¹⁰.

Тем временем Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Болгария отказалась признавать верховную власть султана, Крит провозгласил себя частью Греции, а греки, в свою очередь, не предпринимая в этот момент активных действий, заявили о своих притязаниях на Южную Албанию.

Постепенно истинная цель турецких властей раскрылась – это было вовсе не обеспечение местных свобод в различных османских владениях, а насильственная «турофикация» империи¹¹. Что особенно возмутило албанцев, так это то, что всем не военным лицам было запрещено ношение оружия¹².

С мая 1909 г. и до начала Первой Балканской войны в октябре 1912 г. албанцы неоднократно поднимали восстания против турецких властей. Первыми восстали северные албан-

цы во главе с Иссой Болетиним (или Болетинац) в мае 1909 г. Это восстание турки смогли подавить лишь в октябре того же года. В 1910 г. восстали северо-восточные мусульманские кланы Косовской области. В течение всего лета 1910 г. 50-тысячная турецкая армия пыталась их усмирить, а заодно и разоружить албанское население по всей стране.

В центральной и южной Албании недовольство в то время не выражалось в вооруженной борьбе. Главными причинами недовольства в этом регионе были не столько новые налоги и требование о разоружении, сколько требования турецких властей закрыть недавно созданные национальные албанские школы и учить писать детей на албанском языке арабскими, а не латинскими буквами, как было постановлено на нескольких конгрессах албанских националистов¹³.

В 1911 г. повстанческое движение приняло более широкие размеры. Этой ситуацией воспользовались черногорцы, которые стали вести пропаганду среди католических кланов Мальциа-э-Матэ за вооруженную борьбу. Были образованы вооруженные отряды, и весной 1911 г. албанцы успешно атаковали турецкие форпосты на черногорской границе. В апреле того же года Торгут-Шефкет-паша, османский наместник в Скадаре в 1911–1912 гг., попытался подавить восстание, но, несмотря на превосходство своих сил, потерпел несколько неудач. В мае Россия предложила османскому правительству не распространять враждебных действий против черногорцев. В июне к повстанцам присоединилось племя Мирдиты, которое провозгласило себя автономным и образовало временное правительство¹⁴. В том же месяце состоялось собрание мятежных главарей, которые письменно сформулировали свои жалобы и составили список требований в 12-ти пунктах, важнейшими из которых были: признание албанской национальности и употребление албанского языка в школах и местном управлении. Кроме того, им удалось опубликовать в европейской печати сведения о варварской жестокости, с которой турки подавили восстания двух протекших лет, а также и то, что турецкие власти готовы возобновить военные операции на будущий год. К тому времени Черногория была уже переполнена албанскими

беженцами, что в определенной степени было выгодно Никола Петровичу-Негошу (1860–1910 – князь, 1910–1918 – король Черногории).

Черногорский правитель хотел воспользоваться возможностью территориального расширения своей страны, в том числе и за счет албанских земель. Никола мечтал сделать Черногорию «Пьемонтом» Балканской конфедерации¹⁵, в состав которой вошли бы как Черногория, Босния и Герцеговина, Старая Сербия, часть северной Албании, Бока Которска, Далмация, так и сама Сербия и даже Болгария¹⁶. В этом плане албанские земли были весьма лакомым кусочком, ведь некогда они входили в первое сербское королевство Зета. Особо пристальное внимание правителя Черногории они привлекли после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г., когда мечта присоединить их к своей стране, стала таять, словно дымка, а после дарования Австро-Венгрией конституции народу аннексированных территорий в феврале 1910 г. и вовсе рассеялась. Именно тогда Черногория обратила свои помыслы на албанские земли. Черногорский военный министр Митар Мартинович высказывался за необходимость *«заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на присоединение к нему [Черногорскому княжеству. – Н. С.-Б.] Боснии и Герцеговины»*¹⁷.

Данная статья написана на основе опубликованных документов из Российского Государственного военно-исторического архива – донесений русского военного агента в Черногории полковника Николая Михайловича Потапова (1871–1946), оставившего массу интереснейших данных о Черногории за время своего 12-летнего пребывания в стране (с 1903 по 1915 гг.). В обязанности Потапова (с 1906 г. – полковник, с 1912 г. – генерал-майор, с 1917 г. – генерал-лейтенант), как военного агента, входили как модернизация черногорской армии, так и контроль за расходованием русской военной субсидии, сумма которой с 82 тыс. руб. в 1904 г. увеличилась до 330 тыс. руб. в 1908 г., а к началу Первой мировой войны была близка к миллиону рублей (без учета дополнительных ассигнований)¹⁸.

Наряду с этим нами привлечены новые, ранее не использовавшиеся исследователями материалы из Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) – документы архива Сергея Васильевича Арсеньева (1854–1922), представителя старого дворянского рода Арсеньевых¹⁹, российского дипломата, полковника, чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Черногории в 1910–1912 гг.

Данная статья посвящена тайной политике черногорского правительства по поддержке албанских выступлений в 1910–1911 гг. глазами русских дипломатов – полковников Н.М. Потапова и С.В. Арсеньева.

* * *

С весны 1910 г. в российский МИД стали поступать депеши о тайной политике Черногории в поддержку албанского освободительного движения против турецких властей и о намерении присоединить Северо-Западную Албанию к Черногорскому княжеству. 25 апреля (8 мая) 1910 г. Потапов сообщал в Главное управление Генштаба, что уже больше года из Черногории албанцам внушается мысль «отдачи себя под власть Черногории» – княжество обещало, что «сохранит им все, чем они пользовались донныне». При этом, в случае решения Порты подчинить себе албанцев, Черногория в удобную политическую минуту даст им знать, когда «объявить себя под защитой Черногории», и «окажет им вооруженную поддержку»; «если же Турция будет действовать нерешительно, то Черногория будет до удобного времени поддерживать восставших тайно оружием и деньгами»²⁰.

До русских дипломатов в Черногории дошли сведения о тайных контактах черногорского правительства с албанскими вожаками, организованных военным министром М. Мартиновичем. «К нему господарь* направляет всех албанцев, ищущих у его королевского высочества аудиенции, – писал Потапов. – У военного министра на квартире происходили время от времени и тайные совещания с влиятельными арнаутами**». При-

* Так черногорцы по традиции обращались к своему правителю.

** Арнауты – турецкое название албанцев, хотя изначально арнаутами называли православных албанцев, смешанных с греческим населением и говорящих на греческом языке.

глашенных одаривали деньгами и оружием, пытаясь сделать из них доверенных агентов по пропаганде идеи добровольного присоединения Северо-Западной Албании к Черногории. Главными помощниками генерала-адъютанта М. Мартиновича по связям с нужными лицами в Албании служили, по данным Потапова, skutарийский паша Ибрагим-бей-Соколович, получавший от черногорского правительства ежегодную субсидию в размере 3000 крон, и его сын — с субсидией в 900 крон ежегодно; в племени Кастрати — Мираш Люца, сын которого числился черногорским унтер-офицером и был в то время воспитанником Цетиньского военного училища; в племени Груда — Сокол Баца, живший в Подгорице; в племени Шаля — Люляш Паля и др. Все эти лица получали денежные пособия — как в целях пропаганды, так и на личные расходы²¹.

Позднее в Генеральном штабе стало известно и об агентах-черногорцах, которые засылались в албанские земли для проведения агитации среди местного населения в пользу присоединения этих территорий к Черногории.

Такого рода контакты с албанцами поддерживались еще со времен владыки Петра II Негоша (1830—1851). Черногорский историк Никола П. Шкеревич указывает на связи с некоторыми албанскими племенами — католические племена Груна (Груды), Хота (Хотти), Клементи и особенно Малисоры. Никола продолжал политическую линию Негоша и укреплял связи. Так, албанские дети зачастую обучались в черногорских школах и военных учреждениях²². Уже к 1900 г. на территории Албании и Старой Сербии функционировало 11 школ, на содержание которых отпускались средства из черногорской казны (3,5 тыс. гульденов в год)²³.

Такого рода деятельность черногорского князя была направлена, с одной стороны, против «отуречивания» албанцев-мусульман, для которых преподавание в мусульманских религиозных школах велось на турецком языке, и, с другой стороны, — против более слабых попыток Константинопольской патриархии «эллинизировать» православных албанцев²⁴. В том числе, с черногорской стороны эти действия были попытками противостоять и итальянскому, и австрийскому уси-

лению в Албании. Соперничество Италии и Австро-Венгрии за влияние в Албании выражалось как в стремлениях к заключению контрактов на пароходство, торговлю в ее приморской зоне, так и в открытии школ, содержавшихся на итальянские и австрийские средства, что говорило о заинтересованности этих двух держав в Албании²⁵.

Однако планы черногорцев об успешном присоединении Северо-Западной Албании были весьма наивными – в Черногории считалось, что албанцев должна привлечь схожесть жизни и обычаев двух народов. Такие особенности черногорского государственного устройства как племенное деление и быт, отсутствие больших податей и необходимости поставлять солдат для постоянной армии, разрешение всем гражданам хранить оружие у себя дома, безопасность внутри страны, близость правителя к народу (непосредственное участие князя Николы в решении различных вопросов внутренней жизни княжества, публичные лекции для народа и традиционные беседы с простыми черногорцами у стен дворца²⁶) – все это действительно привлекало албанцев и было им весьма близко. Немаловажное значение имели и кровнородственные связи нескольких черногорских братств Риечской и Црмничской нахий с албанцами, а также наличие многочисленного сербского населения в пределах Печской (Ипекской), Дьяковской и Призренской нахий – на их «расположение» и рассчитывали черногорские власти. Духовенство вышеперечисленных областей, по сведениям Потапова, также получало денежные субсидии, ордена и подарки из Цетинья²⁷. И, несмотря на то, что наиболее сильные из албанских племен – Люма, Пука, Мати и особенно Мирдита – были настроены против княжества, Черногория все же продолжала вести агитационную деятельность.

Для того, чтобы удержать Черногорию от активных действий в албанском вопросе, Россия решила ускорить заключение с княжеством военного договора, который связал бы Черногорию руки²⁸. Разработкой военного соглашения российский МИД занимался летом 1910 г., которое прошло под знаком юбилейных торжеств по случаю 50-летнего юбилея правления Николы Петровича – он был провозглашен королем, а Черногория – королевством²⁹.

В это время турецкие войска вели успешные действия по усмирению албанцев. Однако сербское население Беранского округа не желало подчиняться туркам и их приказу о разоружении, и в июле 1910 г. бежало в Черногорию. Но здесь сербы не нашли ожидаемой поддержки. Перебежчикам пришлось сдать оружие черногорским властям, которые под расписку передали его туркам, чтобы не обострять отношения во время торжеств и следуя указаниям российского МИД. Это оружие, по донесениям Потапова, было выдано сербам самим черногорским военным министром М.Мартиновичем. Данный эпизод несколько подорвал авторитет Черногории среди сербского населения албанских провинций³⁰.

Осенью 1910 г. черногорско-турецкие отношения обострились из-за потока беженцев из пограничных турецких областей в Черногорию. Причиной было издание Портой Закона об обязательной воинской повинности для всех османских подданных без различия вероисповеданий. Это вызвало недовольство албанских племен, в результате чего началось массовое бегство молодых призывников христианского вероисповедания из турецких земель на территорию Черногории. В сентябре 1910 г., по сведениям Арсеньева, границу Черногории перешло около 800 православных из Старой Сербии и порядка 300 албанцев-католиков из племен Хоти, Кастрати и Груды. К началу октября полковник Потапов сообщал, что число беженцев превысило 2000 человек³¹. Турецкие власти в ответ начали притеснения семей и родственников албанских перебежчиков, но результатом стала новая волна переселения албанцев в пределы Черногории в размере около 1500 человек.

В конце сентября 1910 г., по данным русского военного агента, практически все беранские сербы призывного возраста (за исключением лишь трех человек, страдавших физическими недостатками и потому уверенных в освобождении от воинской повинности) перебежали границу Черногории. Жители соседнего с Беранами села Винницы, вероятно, также собиравшиеся перейти на территорию Черногории, были остановлены турецкими войсками, применившими оружие. Это не оставило равнодушными черногорцев, несколько де-

сятков которых тайно пришли на помощь сербам. По словам Потапова, «черногорцы действовали укрыто», и участие их в столкновении официально не было доказано. Когда же жители Винницы послали королю Николе телеграмму «с просьбой срочно отправить им 150 винтовок и по 100 патронов на ружье», господарь решил продемонстрировать свое невмешательство в конфликт и ответил, что «из-за них (сербов Винницы. — *Н. С.-Б.*) он воевать с Турцией не намерен»³².

Осенью 1910 г. перестрелки на черногорско-турецкой границе происходили примерно раз в неделю³³. К началу октября турецкие власти опубликовали прокламацию к албанцам-беженцам, суть которой сводилась к следующему: 1) беженцы будут судимы, так как они не повиновались правительству; 2) они должны повиноваться конституции и не поддаваться на провокации; 3) имущество тех, кто не вернется по истечении 10-дневного срока, будет конфисковано, а сами они будут подвергнуты военно-полевому суду; 4) земельные наделы беженцев будут сожжены; 5) если беженцы вернуться в течение 10 дней, даже если они являются зачинщиками, при условии, что будут доносить на других, они будут прощены³⁴. Россия настоятельно рекомендовала Черногории содействовать урегулированию конфликта. Поэтому Никола отправил для переговоров с турками начальника Цетиньской дивизии генерал-майора Вукотича, с тем, чтобы заручиться обещанием турецких властей даровать амнистию беженцам в случае их возвращения в пределы Османской империи.

Тем временем приток перебежчиков из турецких областей продолжался, а черногорский король все больше опасался, что содержание беженцев ляжет тяжелым бременем на черногорскую казну³⁵.

Но Никола довольно быстро нашел решение этого вопроса — в Цетинье уже к началу октября 1910 г. образовался комитет для сбора пожертвований в пользу беженцев, который обнародовал в местных газетах воззвание к черногорцам помнить о «святом завете Петра Негоша отворить врата свободы для всех ищущих ее». В воззвании подчеркивалось, что множество беженцев каждый день продолжают прибывать на территорию

королевства и им нужна помощь. «Это с одной стороны наши братья сербы, а с другой — наши вековые соседи албанцы, с которыми нас связывают, кроме общечеловеческих обязанностей, еще и узы соседства и многочисленные традиции прошлых времен»³⁶, — цитировал воззвание Арсеньев. Комитет призывал оказать помощь и поддержку беженцам — кто чем может. Это воззвание вызвало «самый отзывчивый отклик в самых широких слоях черногорского народа». Вскоре были открыты подкомитеты в разных городах Черногории. Во главе Центрального комитета в г. Цетинье встал бывший военный министр воевода Пламенац, а в числе наиболее деятельных его членов был бывший министр иностранных дел Гавро Вукович³⁷.

Чтобы избежать обвинения Черногории в замалчивании, тайном укрытии беженцев, а также пересудов и недопонимания со стороны иностранных представителей в Цетинье, министр иностранных дел Черногории Томанович разослал в иностранные миссии оповещение о прибытии албанских беженцев на территорию Черногории в последнее время в основном из двух турецких вилайетов — Скутарийского и Косовского³⁸.

9 октября 1910 г. С.В. Арсеньев докладывал министру иностранных дел С.Д. Сазонову секретные сведения о положении дел в Скутарийском вилайете: «..можно ожидать новых волнений, т. к. католические албанцы положительно не считают возможным служить в турецких войсках. В городе Скутари распространился слух, что байрактар* Кастратского племени, подняв на своем доме в селе Кастраты красно-сине-белый (черногорский) флаг, сам ушел в Черногорию. Стремление перехода границы наблюдается в направлении от селения Тузы на юг, и в настоящее время замечается уже в селении Риолы. В Скутари и окрестностях глухое брожение. Главная причина переселения — налог на овец и нежелание нести воинскую

* Байрактар — начальник байраков (турецк. — знамя), территориальных единиц. Байрактары были представителями турецкой власти в горах, занимались в частности вербовкой наемников в турецкую армию. Должность байрактара в XVII в. стала наследственной. Впоследствии байрактары стали проявлять большую самостоятельность, а в начале XX в. даже участвовать в борьбе против турок. (см. подробнее: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 41.)

повинность. Привлекает к переселению также упорно распространяемый слух, что в Черногории беженцам дают оружие и по кроне в день»³⁹. Более того, в Подгорице поговаривали, что оружие придет из России — такие сведения Арсеньев получил от турецкого консула в Подгорице через посланника в Цетинье, слух — «будто бы из России ожидается присылка 25 000 ружей для раздачи албанцам и что русские добровольцы вскоре придут в Черногорию»⁴⁰.

Русский посланник также выяснил, что албанский предводитель Исса Болатинац (или Болетин) скрывается в Цетинье под охраной, «т.к. его голова оценена турками в две тысячи турецких лир»⁴¹.

Турецкие власти пытались препятствовать албанской эмиграции, преследуя беженцев вплоть до черногорской границы, вследствие чего снова происходили перестрелки, о чем докладывал Арсеньев 12 октября 1910 г.⁴². По его же рекомендации турецкий посланник в Цетинье Садреддин-бей ходатайствовал перед Портой о предоставлении беженцам полной амнистии и об ускорении ее обнародования, а также и о создании комиссии для установления правил перехода границы жителями обеих стран, чтобы избежать пограничных перестрелок и урегулировать ситуацию в скорейшее время.

Официальные действия Черногории выглядели весьма миролюбиво — Никола вел успешные переговоры с Садреддин-беем относительно предоставления полной амнистии албанским беженцам, после чего турки немедленно приостановили сожжение домов беженцев (на тот момент было сожжено лишь 30 домов)⁴³.

Однако тайная политика черногорского правителя то и дело могла раскрыться. Черногорская казна была пуста после организации юбилейных торжеств, необходимо было срочно получить деньги из любого источника. Еще в сентябре 1910 г. наследный королевич Данило просил Арсеньева через Йована Поповича (черногорского поверенного в делах в Константинополе, находящегося в то время в отпуске в Цетинье) связаться с Петербургом по вопросу о высылке королевичу 10 000 руб. из дарованной ему русской субсидии авансом, в счет 1911 г. Арсе-

ньев объяснил Й. Поповичу, что на это потребуются личное повеление императора. Узнав о вышеперечисленных сложностях в получении денег и, вероятно, побоявшись огласки, к русскому посланнику обратился сам король, сказав, что эту просьбу королевича не стоит выполнять⁴⁴.

Тогда Черногория ринулась в срочном порядке заключать торговый союз с Австро-Венгрией, готовая на любые уступки. Об этой «загадочной податливости черногорского правительства» Арсеньеву рассказал в конце октября 1910 г. итальянский посланник в Черногории барон Сквити⁴⁵.

19 октября 1910 г. Порта объявила полную амнистию бежавшим албанцам. Садреддин-бей просил черногорского министра иностранных дел Томановича объявить об этом черногорскому правительству. А русский посланник просил короля без промедления напечатать текст амнистии в черногорских газетах. После долгих уговоров Никола все же согласился⁴⁶, хотя, по точному замечанию барона Сквити, «обнародование амнистии турецким правительством албанским беженцам не входило в расчеты черногорского правительства», желавшего присоединить к Черногории Северную Албанию, вследствие чего «черногорские агенты подбивали албанцев к переселению в Черногорию»⁴⁷.

В лице Арсеньева и Потапова Россия старалась контролировать политику Черногории. Так, осведомившись у черногорского министра иностранных дел о результатах оповещения албанских беженцев, С.В. Арсеньев узнал, что они отказались покидать Черногорию. Такой поворот событий вынудил российского дипломата пригрозить королю приостановкой денежной субсидии. Это возымело действие, и Никола пообещал лично уговаривать вождей албанских беженцев возвратиться на родину, что и было сделано в присутствии Сергея Васильевича в начале ноября. И вскоре С.В. Арсеньев мог уже сообщить в Петербург о том, что в результате «удалось уговорить албанских беженцев вернуться на родину», и 12 ноября 1910 г. они «массою покинули черногорскую территорию. На границе их встретил скутарийский генерал-губернатор Бедри-паша для водворения их на прежнее место жительства»⁴⁸.

Короля Николу не оставляла в покое мечта получить албанские земли, но, с другой стороны, он понимал, что из-за осуществления этой рискованной затеи он может лишиться расположения России и, как следствие, огромной денежной субсидии. Поэтому 17 (30) ноября 1910 г. Никола пошел на подписание с Россией военного соглашения*, по которому денежная субсидия лишь на военные цели Черногории возросла с 331 000 до 1 600 000 руб. (т.е. в 5 раз!)⁴⁹.

2 декабря 1910 г. Никола доверительно сообщал русскому посланнику, что «в Албании и Старой Сербии готовится восстание, и ему вчера предлагали оттуда дать свое согласие на поднятие черногорского флага в Скутари и Ипеке, но король ответил отказом»⁵⁰. К этому времени он уже был связан с Россией военным соглашением, 7-я статья которого запрещала Черногории вступать в военные конфликты без одобрения Петербурга⁵¹.

8 декабря 1910 г. Арсеньев вновь докладывал министру иностранных дел России С.Д. Сазонову о том, что за первую декабрьскую неделю масса беженцев из Косовского вилайета перешла черногорскую границу – около 1500 человек; из них – около 400 албанцев-мусульман, сторонников бывшего султана Абдул-Хамида, остальные – православные сербы. На черногорско-турецкой границе, по сведениям Арсеньева, практически

* Военная конвенция между Россией и Черногорией была подписана, с одной стороны, военным министром Черногории Иво Джуровичем (17(30) ноября 1910 г.) и военным министром России В.А. Сухомлиновым (2(15) декабря 1910 г.) – с другой. Конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора. Помимо этого, 7-я статья конвенции ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также и на заключение военных договоров «без согласия его императорского величества». Целью было обеспечить невмешательство Черногории в военные конфликты, могущие нарушить status quo на Балканах. Так, черногорские вооруженные силы были de jure поставлены под верховное командование российского императора. Однако de facto черногорский король пытался создавать конфликтные ситуации втайне от русского военного агента, о чем речь и идет в данной статье.

Помимо того, конвенция определяла условия военной помощи, оказываемой Россией Черногории. Российское правительство пыталось поставить под контроль расходование военной субсидии. Однако, когда в сентябре 1912 г. Черногория нарушила свои союзнические обязательства перед Россией, заключив союзные договоры с Сербией и Болгарией, Россия приостановила выдачу военной субсидии. – См.: *Н.М. Потапов*. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.– Подгорица, 2003; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

каждый день происходили перестрелки, в которых, по утверждению министра Томановича, виноваты были турки. По словам же Садреддин-бея, инициаторами являлись черногорцы, которые совершали вылазки на турецкую территорию, что подтверждал и некий секретный источник Арсеньева⁵². Турецкий посланник в Цетинье даже обратился к черногорским властям с нотой, требуя принять меры по прекращению набегов и вооруженных вылазок как беженцев, так и самих черногорцев, с территории Черногории на турецкие приграничные земли⁵³.

Россия пыталась урегулировать этот конфликт, сдерживая ультимативными угрозами черногорское правительство, которое так и норовило подорвать балканскую «пороховую бочку». Управляющий министерством иностранных дел во время длительной болезни тогдашнего министра С.Д. Сазонова, А.А. Нератов сообщался с русским посланником в Константинополе Н.В. Чарыковым, который выяснил, что «Турция не ищет столкновения с Черногорией»⁵⁴. Чарыков докладывал, что Порты весьма признательна России за оказываемое посредничество в урегулировании черногорско-турецкого конфликта, за советы, «преподанные» королю Николе, о том, что ему «надлежит прилагать все усилия к сохранению абсолютно нейтралитета, и что он не может рассчитывать на какое бы то ни было сочувствие и поддержку, если дело дойдет до вооруженного столкновения. В последнем случае вся ответственность за последствия ляжет полностью на Черногорию»⁵⁵.

Несмотря на это, позиция черногорского правительства оставалась двойственной по отношению к восставшим малисорам — племени, с которым многие черногорцы находились в родстве. В Константинополе было известно, что «повстанцы запасаются в Черногории ружьями, имеющимися только там, и даже некоторые черногорские подданные участвуют в борьбе против турецких войск»⁵⁶.

21 марта (3 апреля) 1911 г. Н.М. Потапов докладывал о турецких успехах в борьбе с албанскими повстанцами в районе Тузи, но уже 26 марта (8 апреля) военный агент писал о том, что албанцы, еще недавно терпевшие поражения из-за недостатка оружия и патронов, вновь перешли в наступление. Незадолго

до этого черногорским бригадиром Вукотичем были взяты со складов более тысячи ружей и 70 тыс. патронов якобы для черногорской армии (которая в этом не нуждалась). А в личной беседе с Потаповым король Никола пытался внушить русскому военному агенту, что есть вероятность того, что турки начнут военные действия против Черногории, в этом случае черногорцы не станут бездействовать⁵⁷. По выражению самого черногорского короля, «если Тургут-паша ...нарушит черногорскую границу, то готовый в других случаях беспрекословно повиноваться воле государя императора, король в этом случае послушается миролюбивых советов его императорского величества не более, чем таковых же президента Соединенных Штатов»⁵⁸.

19 марта 1911 г. черногорский бригадир Янко Вукотич (пользующийся полным доверием короля и сторонник вооруженной помощи албанцам против турок) выехал по приказанию Николы в Подгорицу — якобы с целью поддержания порядка в сопредельной с Албанией области и установления связи вдоль пограничной линии, чтобы во всякое время быть в курсе того, что происходит между албанцами и турками. Одновременно с отъездом Вукотича, военный министр по приказу короля послал секретные предписания всем военным властям и начальникам складов Подгорицкой области о беспрекословном подчинении во всем бригадиру Вукотичу. При этом последний мобилизовал «для обеспечения границы» дополнительные батальоны, усилив тем самым сторожевую службу вдоль границ. Учитывая то, что бригадир Вукотич являлся ярым противником турок и сторонником «поощрения» албанцев, а также непосредственную близость мест боевых действий от черногорской границы, предпринятые черногорским бригадиром меры, по мнению Потапова, выглядели откровенно опасными⁵⁹.

Когда до турецкого посланника в Цетинье дошли, помимо вышеперечисленного, также новости об обстреле турецкого обоза 50-тью черногорцами, оказавшимися при этом на турецкой территории, то он заявил, что в случае, если виновные не будут найдены и наказаны, он покинет Цетинье⁶⁰. Безусловно, это накалило бы турецко-черногорские отношения до того предела, которого не могла допустить Россия. Потапов и Ар-

сеньев взялись выяснить все нюансы этого инцидента, вместе с тем пытались оказывать давление на черногорского короля, чтобы удержать его от каких-либо действий, способных усугубить ситуацию.

Документальные доказательства тайной поддержки Черногорией албанского освободительного движения были предоставлены полковником Потаповым 5(18) апреля 1911 г. и сводились к тому, что с 20 марта по 4 апреля 1911 г. по приказанию Вукотича албанцам было выдано 1390 ружей системы Верндля, 124 400 патронов к этим ружьям, 183 400 патронов к малокалиберным 3-х линейным винтовкам. Потапов отмечает тот факт, что «выдача из черногорских складов оружия и боевых припасов становилась более интенсивной в дни, предшествовавшие столкновениям (бои 24-26 марта), и затихала в дни самих столкновений»⁶¹.

Получив такие документальные подтверждения, а также рапорт поручика Йована Раичевича о приказании ему 19 марта исполнять все приказания бригадира Вукотича и его расписку от 8(21) апреля о выдаче албанцам-хоти 2800 патронов для ружей системы Верндля и 14 тыс. патронов Воину Живковичу для сельчан⁶², русское правительство приняло решение задержать посылку в Черногорию военных грузов, ввиду албанского восстания, чтобы не вызывать нареканий со стороны Турции⁶³.

Однако, несмотря на все усилия России удержать Черногорию от провокационных действий, Никола тайно продолжал свою политику. Так, 9(22) мая 1911 г. он распорядился раздать 12 тыс. малокалиберных ружей черногорским войникам ввиду сосредоточения у черногорских границ турецких войск, заявив, что не отменит этого распоряжения, пока державы не гарантируют ему безопасность со стороны Турции⁶⁴.

По мнению русского военного агента, раздуваемый Николой слух о близкой войне Черногории с Турцией вовсе не соответствовал действительности.

Никола искал повод для сосредоточения черногорских войск на границах с Албанией и летом 1911 г. Такая возможность представилась в июне-июле — по учебному плану черногорским рекрутам было необходимо пройти 20-дневные полевые сборы. Их-то Никола и решил превратить в демонстрацию

черногорской армии перед турками, да еще и сделать это за счет русской субсидии⁶⁵. Но решение этого вопроса уперлось в Потапова, который заявил королю, что на сбор рекрутов близ Подгорицы он должен получить разрешение лично Николая II, ввиду обострившейся ситуации из-за албанского восстания. После долгих пререканий и не подействовавших на Потапова уловок короля, последний все же решил проводить сбор рекрутов в указанном месте, но за свой счет и числом не 3 тысячи, как изначально планировал, а всего в 500 человек⁶⁶.

Российский МИД видел насущную необходимость и далее выплачивать Черногории военную субсидию, чтобы содержать ее военные учебные заведения и чтобы дело реорганизации черногорской армии не стояло на месте. Приостановка русской субсидии не могла быть теперь надежным рычагом влияния на черногорского короля. Никола понимал, что русские учебные заведения в Черногории больше нужны *России*, чем *ему*, учитывая, что предупреждение о возможности приостановки русской субсидии в ноябре 1910 г. не произвело уже тогда желаемого эффекта⁶⁷. По мнению Потапова, выдачу субсидии необходимо было не приостанавливать, а, наоборот, сделать ее выдачу регулярной, но использование денег поставить под строжайший контроль русской миссии в Цетинье и лично Потапова⁶⁸.

К концу июля 1911 г. черногорцев удалось окончательно отстранить от вмешательства в албанское освободительное движение, последствия «черногорской аферы» были нивелированы, однако Никола все же не мог успокоиться. Желая получить хоть какую-то выгоду от проведенной им работы, он разослал всем иностранным миссиям в Цетинье, «будто бы только для сведения, *счет убыткам* (! — *Н. С.-Б.*), которые понесли якобы черногорцы вследствие того, что Турция своими притеснениями албанцев принудила последних искать убежища в Черногории, а Черногорию — израсходоваться на их продовольствие и на военные приготовления». Счет этот составлял 5 млн. крон (накануне рассылки счета миссиям сумма эта достигала 9 млн. крон, но когда один из дипломатов, увидев эту сумму, рассмеялся королю в лицо, то его величество сократил ее почти вдвое)⁶⁹.

По сути, Николе не так уж многого не хватило, чтобы осуществить свой план по поддержке албанских повстанцев, а в результате получить территориальные приращения для своего королевства. Не так уж сильно его волновало, что, «заварив кашу на Балканах», он втянул бы в нее и Россию, и Турцию, да и всю Европу. Тогда, в 1910–1911 гг., не началась мировая война в значительной степени благодаря усилиям русских дипломатов в Цетинье – Николаю Михайловичу Потапову и Сергею Васильевичу Арсеньеву – и вовремя подписанному военному соглашению, про 7-ю статью которого Никола с ненавистью отзывался: «О, эта отвратительная статья 7-я соглашения: она связывает меня по рукам и по ногам...»⁷⁰.

Примечания

¹ Национально-освободительное движение албанцев наиболее ярко освещено отечественными специалистами Г.Л. Аршем, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирновой, Ю.В. Ивановой и П.А. Искендеровым. См.: *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965; Краткая история Албании. М., 1992; *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003; *Иванова Ю.В.* Албанцы и их соседи. М., 2006; *Иванова Ю.В.* Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX – начале XX века: принципы национального Возрождения и традиционное общественное мышление // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб, 2006; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб, 2013.

² Например, программа Албанской (Призренской) лиги – см. подробнее: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. С. 13–14.

³ *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 83.

⁴ Албанский узел. М. – Л., 1925. С. 36.

⁵ *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. С. 15.

⁶ *Иванова Ю.В.* Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX – начале XX века. С. 100.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Албанский узел. С. 38–39.

⁹ Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 138–143.

¹¹ Албанский узел. С. 41.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Албанский узел. С. 42–43.

¹⁴ Там же. С. 43–44.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Копии депеш в МИД С.В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г. Л. 66–67. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 67; Донесение К.Д. Петковича П.Н. Стремоухову от 8 мая 1869 г. // Черногорско-русские отношения.

1711–1918: Документы. Подгорица–М., 1992. С. 415–416; *Искендеров П.А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914 гг. М., 2003. С. 182–190.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601 (Николай II). Д. 1309. (Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II. На франц. яз.). Л. 4 об.–5.

¹⁷ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о намерении Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения примыкающих к ней славянских земель, находящихся под властью Турции. № 493. 8 (21) апреля 1910 г. Цетинье // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М. – Подгорица, 2003. С. 423–425.

¹⁸ Справка Н.М. Потапова о необходимости денежных сумм на военные нужды Черногории на 1910–1912 гг. 4 (17) июля 1909 г. // Там же. С. 380–381.

¹⁹ *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых 1389–1901 г. М., 1901.

²⁰ Рапорт Н.М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерениях Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения. 25 апреля (8 мая) 1910 г. № 495. Цетинье // Там же. С. 425.

²¹ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанских территорий ввиду враждебности к ней большей части племен. 26 апреля (9 мая) 1910 г. № 497. Цетинье // Там же. С. 426.

²² *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 571.

²³ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 42.

²⁴ См. подробнее: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 53–54.

²⁵ Министр иностранных дел Италии Томмазо Титтони (1855–1931) высказывал по поводу Албании в итальянском парламенте 14 мая 1904 г. такое мнение: «Албания сама по себе не имеет Бог знает какого значения; все ее значение заключается в ее пристанях и побережье, привлечение которых в сторону Австрии или Италии означало бы неоспоримое преобладание одной из этих держав на Адриатическом море. Но этого, конечно, ни Австрия не может позволить Италии, ни Италия Австрии, и при стремлении одной из них к этой цели, другая была бы принуждена оказать ей сопротивление всеми возможными средствами» (см. *Албанская проблема* и *Сербия* и *Австро-Венгрия*. СПб, 1913. С. 10).

Так или иначе, но соперничество Италии и Австрии за балканские земли продолжилось и после Первой мировой войны. Известно, что Албания входила в состав Итальянской монархии апреля 1939 по осень 1943 гг. // *Албанская проблема* и *Сербия* и *Австро-Венгрия*. С. 47–49; *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 143–145.

²⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пгт., 1915. С. 51, 73.

²⁷ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанской территории ввиду враждебности к ней большей части племен. № 407. 26 апреля (9 мая) 1910 г. // Там же. С. 426.

²⁸ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. 6 (19) мая 1910 г. № 502. Цетинье // Там же. С. 437.

²⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3 (Копии депеш в МИД С.В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г.). Л. 43–45. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 16 августа 1910 г. № 54; Там же. Л. 46–47. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 18 августа 1910 г. № 55; Там же. Л. 51–53. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 22 августа 1910 г. № 59; Там же. Л. 53–55. С.В. Арсеньев

ев – С.Д. Сазонову 27 августа 1910 г. № 60; Там же. Л. 56–57. Речь его величества короля черногорского Николая I на обеде в честь его императорского высочества великого князя Николая Николаевича 22 августа 1910 г. (перевод с сербского).

³⁰ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу об отправке в пределы Османской империи перешедшего в Черногорию сербского населения Беранского округа и его разоружении. 2 (15) июля 1910 г. № 518. Цетинье. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории... С. 446.

³¹ Рапорт Н.М. Потапова Г.Н. Данилову о массовом переходе в Черногорию сербского и албанского населения пограничных турецких областей в связи с призывом в армию. 22 сентября (5 октября) 1910 г. № 545. Цетинье. // Н.М. Потапов... С. 467.

³² Там же. С. 467–468.

³³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 64–66. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 66; Там же. Л. 68. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 28 сентября 1910 г. № 81 (телеграмма).

³⁴ Там же. Л. 69–71. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 68.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 72. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69.

³⁷ Там же. Л. 71–74. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69.

³⁸ Там же. Л. 74–76. Циркуляр господина Томановича, министра иностранных дел Черногории, главам миссий, аккредитованных в Цетинье от 4(17) октября 1910 г. № 2198.

³⁹ Там же. Л. 76–77. Дешеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 9 октября 1910 г. № 71.

⁴⁰ Там же. Л. 79–80. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 18 октября 1910 г. № 90.

⁴¹ Там же. Л. 78. Дешеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 86.

⁴² Там же. Л. 77–78. Дешеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 12 октября 1910 г. № 84.

⁴³ Там же. Л. 78–79. Дешеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 87.

⁴⁴ Там же. Л. 80. Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 72.

⁴⁵ Там же. Л. 81. Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 72.

⁴⁶ Там же. Л. 84. С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 30 октября 1910 г. № 91 (телеграмма).

⁴⁷ Там же. Л. 81–82. Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 73.

⁴⁸ Там же. Л. 90. С.В. Арсеньев – С.Д. Сазонову 13 ноября 1910 г. № 93.

⁴⁹ Телеграмма Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией и одобрение его королем Николаем. 17 (30) ноября 1910 г. № 562. Цетинье // Н.М. Потапов... С. 476.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 91. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 2 декабря 1910 г.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 91–92. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 8 декабря 1910 г.

⁵³ Там же. Л. 92. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 10 декабря 1910 г.

⁵⁴ Там же. Л. 95–96. Телеграмма А.А. Нератова С.В. Арсеньеву 5 апреля 1911 г. № 472.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 93. Телеграмма управляющего министерством иностранных дел А.А. Нератова посланнику С.В. Арсеньеву. 2 апреля 1911 г. № 458.

⁵⁷ Донесение Н.М. Потапова начальнику Генерального штаба Я.Г. Жилинскому о тайной поддержке королем Николаем албанцев против турок. 26 марта (8 апреля) 1911 г. № 603 // Н.М. Потапов... С. 491.

- ⁵⁸ Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о необходимости Черногории прекратить помощь албанцам ввиду возможного турецко-черногорского военного конфликта. 27 марта (9 апреля) 1911 г. № 604. Цетинье. // Там же. С. 492.
- ⁵⁹ Рапорт Н.М. Потапова Г.Н. Данилову о приведении в боевую готовность черногорских войск на границе с Албанией. 27 марта (9 апреля) 1911 г. № 605 // Там же. С. 493.
- ⁶⁰ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о снабжении черногорскими властями албанцев оружием и боеприпасами и угрозе турецкого посланника покинуть Цетинье. 4 (17) апреля 1911 г. № 606 // Там же. С. 494.
- ⁶¹ Письмо Н.М. Потапова российскому министру-резиденту в Черногории С.В. Арсеньеву о снабжении черногорцами оружием восставших албанцев. 5 (18) апреля 1911 г. № 607 // Там же. С. 494–495.
- ⁶² Рапорт поручика Й. Раичевича в артиллерийско-инженерную секцию военного министерства Черногории о выдаче оружия албанцам без расписок. 8 (21) апреля 1911 г. № 12 // Н.М. Потапов... С. 497.
- ⁶³ Письмо помощника военного министра А.А. Поливанова временно управляющему министерством иностранных дел А.А. Нератову с запросом о возможности задержки посылки в Черногорию военных грузов ввиду ее помощи албанским повстанцам и высылке части субсидии для обучения армии. 30 апреля (13 мая) 1911 г. № 2269 // Там же. С. 498; Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстерства о целесообразности задержать посылку оружия и боеприпасов в Черногорию во избежание провоцирования вооруженного конфликта с Турцией. 27 апреля (10 мая) 1911 г. № 615. Цетинье // Там же. С. 499; Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстерства о сосредоточении на черногорской границе турецких войск. 6 (19) мая 1911 г. № 622. Цетинье // Там же. С. 500.
- ⁶⁴ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о приказе короля Николая раздать оружие черногорским войникам. 9(22) мая 1911 г. № 630. Цетинье // Там же. С. 502.
- ⁶⁵ Там же. С. 509.
- ⁶⁶ Там же. С. 509–512.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 94–95. Телеграмма С.В. Арсеньева А.А. Нератову 3 апреля 1911 г. № 28.
- ⁶⁸ 516.
- ⁶⁹ Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о возможном обращении короля Николая к России с просьбой возместить убытки Черногории. 8(21) августа 1911 г. № 674. Цетинье // Н.М. Потапов... С. 518–519.
- ⁷⁰ Рапорт Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о невозможности исключения из русско-черногорского военного договора статьи 7-й. 8(21)августа 1911 г. № 674. Цетинье // Там же. С. 519.

Виктор Иванович КОСИК

КАЧАКИ И КОСОВО: НЕМНОГО «ПЛОХОЙ ИСТОРИИ»

Космет — что это такое? С одной стороны — уродливое Обрезание двух исторических названий сербских областей. С другой — напоминает бормотание Кассандры. Немного из исторической памяти. Обращаясь к судьбе Метохии, нетрудно проследить ее албанизацию только на примере топонимики. В XIX в. к топонимике обращался А.А. Башмаков, который в своей статье о славянском характере этого края приводит список из 539 названий населенных пунктов. Подавляющее преобладание «чисто сербских имен» этих пунктов, где албанских названий набирается лишь 20–30, позволяло утверждать автору о древнесербском характере Метохии¹. Такая же ситуация была и в Косово².

Качаки — арнаутские мятежники.

Качаки старого типа — в основном, занимались тем, что из-за голода и закрытия рынков грабили скот в Черногории и на Шар-планини.

В качаках нового типа преобладал политический момент с непризнанием общественно-политической действительности.

Качаков создала не сербская власть, а получила в наследство от османлиев.

Качакское движение развилось из мятежничества. Обычно они были одеты в черные блузы и штаны, на голове носили шайкачи, типа сербской пилотки.

21 января 1921 г. министр внутренних дел Милорад Драшкович по решению совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) издал приказ об амнистии всех качаков, которые вернутся в свои места, если только они не

виновны в убийствах. Однако прислушались к призыву лишь немногие, в основном дезертиры или те, кто встал в ряды мятежников из-за мелких преступлений³.

До этого были предприняты меры по интернированию семей качаков в специальные лагеря, чтобы принудить качаков вернуться домой и предаться властям. Но и этот метод не принес желаемых результатов.

Считалось, что грубое разоружение, рекрутирование молодежи с 24 лет (которые уже служили у болгар и австрийцев), ненадлежащее поведение чиновников, кровная месть, албанская агитация – основные причины перманентного роста числа мятежников⁴. Вооруженные отряды качаков грабили и убивали в той же Метохии не только сербов, но и мусульман. С 1910 г. по март 1924 г., согласно данным министра внутренних дел Вуйчича, через полицию прошло 553 качака, из которых убито 52, схвачено 23, передано властям 478. 75 были признаны невиновными. В начале 1924 г. было зарегистрировано 270 качаков и около 150 военных дезертиров. Их вождем был Садик Рама. Процесс предания властям был замедлен из-за «врожденного страха перед властями» – так, если кого-нибудь «приглашали» в полицию из-за какого-то мельчайшего нарушения, то на одного качака становилось больше⁵. В 1923 г. власти «ликвидировали 129 мятежников и качаков»⁶.

Но был и «пряник»: привлечение в охрану границы, реабилитация известных качаков. Приведу случай Шахзинана Орана: качак и грабитель скота, которого в 1920 г. мог убить всякий без судебного преследования, т. е. с разрешения властей, но в 1926 г. он заявил, что стал «радикал» и вскоре возглавил Радовишскую общину⁷.

К 1928 г. число качаков резко снизилось. Только в гниланском срезе их оставалось только пятеро⁸.

Теперь напомним первое: после 1912 г. Космет был разделен на 4 округа: призренский, метохийский, косовский и звечанский, последний в 1923 г. стал именоваться рашкозвечанским. После королевской реформы 1929 г. территория Космета была разделена между тремя бановинами – Вардар-

ской (приштинский, гниланский, качаничкий, призренский, подгорский (Драгаш), урошевачкий срезы (районы), Зетской (источкий, джаковичкий, подримский, печский, дреничкий, косовомитровачкий срезы), Моравской (лапский и вучитрнский срезы). При этом ни в одной бановине албанцы не составляли большинства населения.

Напоминание второе: в 1921 г. в Косове проживало 552 664 человека, из которых 331 549 указали, что их родным языком является албанский («арнаутский») (60,1%), 189 170 – сербский (32,6%). 40 345 человек принадлежали к другим национальностям. По вероисповеданию: 379 981 человек – исповедовали ислам (68,9%), 150 745 – православную веру (27,3%), 20 568 – римско-католическую веру (3,7%)⁹. Далее, судя по статистике 1920 г., албанцы в косовском округе составляли 63,9%, в звечанском – 60,5%, в призренском – 65,9%, в метохийском – 80,8%. Самая неблагоприятная для сербов ситуация сложилась на косовской равнине: в дреничком срезе – 8,1%, лабском – 9,6%, качаничком – 2,2%. В пограничных районах положение было и того хуже: «Хас – 100% арнаутов, в Джаковице – 3,2% сербов». Число всех «арнаутов» в косовском округе составляло 102 270 человек, а сербов – 47 185. В метохийском округе «арнаутов» было на 35 тыс. больше, чем сербов. При этом в Белграде понимали, что плодovitость албанок только возрастет, когда в Космете воцарится «мир»¹⁰.

Еще немного статистики. По переписи 1939 г., проведенной срезскими начальниками, Косово насчитывало 645 017 жителей, что превышало на 92 943 человека результат переписи 1931 г. При этом неславянских жителей было 422 827 человек (65,6%), славянских – 162 896 (25,2%), переселенцев – 59 294 (9,2%)¹¹. По другим данным, приведенным в докторской диссертации М. Обрадовича «Аграрная реформа и колонизация в Косово 1919–1941», в Косово до 1939 г. переселилось 11 383 семьи (53 884 человека). Больше всего было из Черногории – 7432 семьи (53,32%), потом – из Сербии, Герцеговины, Лики и пр. Они получили 50 289,50 га земли. К этому следует добавить, что еще 2721 семья получила 8027,01 га земли как исполщички, арендаторы и т. д. До 1936 г. с помощью государства было

построено новыми землевладельцами 8700 домов. У албанцев было откуплено или отнято 228 080 га земли¹². Безусловно и то, что колонизация и насилия над «шиптарами, как презрительно называли сербы албанцев, толкали многих на эмиграцию. Так, начальник звечанского среза П. Кузманович в письме к королю (10 марта 1930 г.) сообщал, что за время его начальства выселилось невозвратно в Азию 32 тыс. арнаутов, «опасных для нашей страны», и около 6 тыс. выехало в Албанию¹³.

Напоминание третье: проблема Космета напрямую связана и вплетена в историю Албании. В ноябре 1921 г. было принято решение о независимости ее в границах 1913 г. Определение границ между Королевством сербов, хорватов и словенцев и Албанией было завершено в 1925 г. Югославские военные части ушли с ее территории только в декабре 1921 г.

При этом следует помнить, что Белград в Албании поддерживал ее властелин Ахмед Зогу, который был должником Белграда, спасшим его власть в конце 1924 г. от мятежников. И, тем не менее, влияние в Албании надо было делить с Римом, имевшим свои виды и утвержденные международным соглашением «особые права» на эту средиземноморскую страну. Тем более, что сам Зогу все больше ориентировался на Италию, от которой ожидал более щедрой экономической и финансовой помощи, чем от бедного славянского Белграда. В ноябре 1926 г. был подписан акт «О дружбе и безопасности», по которому Италия заявляла права хозяйки Албании.

Напоминание четвертое и последнее: проблема Космета увязана с революцией, национально-освободительным движением, с мечтой о создании Великой Албании.

И здесь главную роль, как мне представляется, играли не столько более или менее организованные силы албанского сопротивления, сколько сама албанская «почва», на которой в то смутное время особенно пышным цветом взрастали «свободные» «главари», испытывавшие наслаждение от «поэзии собственной силы», позволявшей творить суд и расправу во время набегов на сербские территории и схваток с противником. Революционеры были представлены такими личностями как Хасан Приштина и Байрам Цури.

Первый в 1924 г. выступал в Лиге наций о терроре над албанцами белградского режима. Написал две книги об этом. В феврале 1933 г. для координации действий он встречался в Будапеште с будущим главой «независимой» Хорватии А. Павеличем, а затем в апреле в Софии или близ болгарской столицы имел встречу с известным В. Михайловым из Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО). По мнению сербского историка П.Дж. Иванова, названные здесь лица обсуждали планы нападения на королевскую Югославию¹⁴. В августе того же года Х. Приштина был убит в Солуни (Салоники) агентами Зогу. Его останки в 1977 г. были перенесены из Греции в Албанию и преданы земле с высшими государственными почестями.

Второй — Б. Цури — переписывался с Лениным. С. Радич характеризовал его как «неустранимого защитника албанской независимости»¹⁵.

Эти борцы за новую Албанию, за права албанского населения в королевстве Александра Карагеоргиевича были в числе тех, кто играл видную роль в основании и руководстве Комитета национальной обороны Косова (далее — КК), который был основан в Албании в начале XX в. Главными задачами КК были «решительная борьба и защита любой ценой целостности страны, защита Албанской (Призренской) лиги, как и освобождение собственными силами Косово и других албанских краев от оккупантов»¹⁶.

Заветной мечтой было создание объединенного албанского государства.

Достижение этих целей увязывалось с разрушением власти Белграда в многонациональной стране, где было много недовольных сербской властью. Так, ВМРО поддерживало дружественные отношения с КК, «закрепленные договором о взаимной поддержке»¹⁷.

В ноябре 1920 г. они заключили соглашение о совместной борьбе с Белградом за присоединение Космета к Албании, а Македонии — к Болгарии. В январе 1924 г. был уже подготовлен план по поднятию восстания в Космете и Македонии, но потом болгары отказались от этой идеи¹⁸.

Теперь о «почве», рождавшей качаков, этих своеобразных албанских робингудов, но без романтического ореола. Качак — это и мятежник, и грабитель, и защитник. Это — и профессия. Все вместе — гремучая смесь, угрожавшая сербскому миру в Космете и не раз его взрывавшая. При этом надо помнить три мотива.

Первый: нападения и убийства, чинимые качаками или немирными албанцами, были зачастую не столько мщением тому или иному личному врагу, сколько средством сопротивления племенному неприятелю — государству, персонализированному в сербстве, в органах власти, жандармах, армии.

Второй: стремление к славе самого сильного, самого смелого, самого удачливого: «Садик Рама хочет плату, и чтобы никто не совался в его район. Хочет сам быть пашой. Мехмед Коньухи думает, что он не слабее в Лабе, по сравнению с Бейтом в Дренице. Бечир Реджа думает, что он в Метохии сильнее обоих».

Третий: защита личной свободы, своего «я», своего выбора: «Как только кто-нибудь вызывается в суд или в администрацию, он бежит в качаки, призывают в армию, он уходит в качаки, когда он недоволен общиной, когда ему надо есть свой хлеб и сидеть дома, он тоже уходит в качаки»¹⁹.

В качестве примера приведу одно из донесений в министерство внутренних дел Королевства СХС от 17 сентября 1921 г. В нем говорилось, что в «округе Скоплянском одна чета арнаутских качака из 60 человек дождалась на дороге Скопле-Тетово и захватила в плен 60 путников, назначила сумму за выкуп и отвела их в горы»²⁰.

Все эти случаи насилия, вернее, их череда, как признавали сами власти, была обусловлена во многом коррумпированностью полицейской власти. Надо было заменять пограничную стражу, «составленную, в основном, из городских арнаутов», на «людей из внутренней Сербии», увеличить количество жандармов и усилить над ними контроль²¹. Все это, полагаю, делалось, но не так быстро.

Приведу еще одно свидетельство: «Арнауты (особенно раньше были) немирным элементом. Они и во время турец-

кого владычества были государство в государстве. Не платили добровольно дань, не шли в армию, часто бунтовали, да и Скопле захватывали». Их уход в качаки не имел «национально-политического характера». Это было связано с «грабежом, столкновением с законом, с мщением и с нелегким процессом подчинения властям, порядку..., с лишением анархистской свободы. Из-за этих характерных черт и привычек их и Турция не принимала в качестве переселенцев... В Албанию без нужды не шли, так как там условия для жизни куда как хуже, нежели здесь, а тут каждый из них имеет землю и дом»²².

Одновременно следует подчеркнуть, что среди качаков были и такие, кто строил дома, обрабатывал землю, имел семью, но они всегда были настороже при каждом соприкосновении с властью.

Следует признать, что в качаки шли, повторю, и по политическим причинам, обусловленным вековой борьбой мусульман и христиан. Это были борцы против «национального угнетения албанцев в Югославии. Но их вожди прежде чаще всего состояли на службе турецкого и австрийского режимов, а затем пользовались поддержкой Италии»²³.

В 1920 г. итальянцы выдали Х. Приштине 60 000 франков с задачей взбунтовать албанское население Приштины и в окрестностях²⁴. Замечу, что цена одного ружья составляла 100 динаров, и его можно было купить в обычной лавке сел на югославско-албанской границе²⁵.

К сказанному добавлю, что беглые качаки, скрывавшиеся в Албании, проходили организованное обучение под руководством итальянских военных. Именно от итальянского правительства, по мнению одного из сербских начальников, качаки в 1918 г. получали материальные средства и необходимую амуницию для организации нападений на Королевское пограничье — гарнизоны в Печи и Джаковице²⁶.

Период первых послевоенных лет характерен не только качакскими акциями, но и их так наз. «пацификацией». В 1921 г. МВД объявило качакам общую амнистию, но настоящие качаки сдавались трудно. Большинство их перебежало в Албанию. Потом последовала операция по зачистке, во время

которой было много невинных жертв. По сути это была акция по разоружению населения. Но она не дала немедленных результатов²⁷.

С целью «умиротворения» населения власти шли на изъятие земель качаков, сжигание домов, интернирование их семей в особые лагеря. Но, повторяю, все это не давало желаемых результатов²⁸.

Можно задаться вопросом о численности качаков, их «акций». Только в первой половине 1922 г. на Космете было совершено 58 убийств, 18 попыток убийства, 13 разбойных нападений и 71 значительная кража. В то время только в Метохии действовало около 370 албанских качаков, в то время как тех, которые скрывались от наказания за уголовные преступления, насчитывалось около 700 человек²⁹.

В 1923 г. на Космете совершали свои «рейды» 530 качаков³⁰.

Самыми знаменитыми качаками на Косове были Азем Бейта Галица (1889–1924) и его вторая жена Шота Галица (1895–1927). (Первая жена и дети стали жертвами полиции.)

Азем Бейта, голову которого Белград оценил в 30 000 динаров³¹, вел, насколько позволяла обстановка, борьбу с воинскими подразделениями, с жандармами, но не против сербов, среди которых имел много друзей. Когда в 1923 г. премьер-министр Королевства СХС Н. Пашич провел акцию по умиротворению качаков, то благодаря последним сербская Радикальная партия победила на тогдашних выборах в Косово. Тогда Галица получил под свою опеку от власти три села, а также для себя дом-башню, который раньше был разрушен бомбардировкой³².

Качаки были в Космете почти везде, больше всего в Печском срезе, Джаковице и окрестностях, в Метохии и др. местах. При этом жандармы, набранные из арнаутов, сами занимались грабежом. Так, один из районных начальников писал: «Таф Казия, майор и командир одного батальона, собрал около себя всех разбойников и грабителей... при этом все они собрались под его начало, чтобы избежать наказания за преступления»³³.

Только летом 1924 г., когда был принят очередной декрет об амнистии, охватывавшей широкий ряд преступлений, ка-

чакское движение пошло на спад. Этому содействовали и корректные отношения с Албанией, ликвидация нейтральной зоны на границе с Албанией, в которой укрывались качаки, а также жесткая политика властей, имевшая свои методы борьбы с врагами государства.

Надо назвать здесь и убийство Азема Бейта, смерть которого углубила начавшуюся дезорганизацию качакского движения³⁴.

Но, как ни парадоксально, «новые албанцы» начинали возрастать на родной почве, с помощью сербов, вернее, ненависти к ним.

Сербы думали иначе. Просвещение было тем средством, с помощью которого Белград рассчитывал создать свою элиту в албанской среде. В 1924/25 учебном году в Скопле (совр. Скопье) было открыто государственное медресе «Король Александр» в ранге гимназии, в которую был откомандирован сильный состав преподавателей с целью воспитания преданных государству людей. Однако случилось обратное ожиданиям: многие ученики этой школы из числа албанцев в 1930-х годах уходили в коммунистическое подполье. Они доминировали в первом поколении интеллектуалов-албанцев в межвоенной Югославии. Большинство их участвовало в народно-освободительной борьбе против нацистов. После Второй мировой войны эти люди занимали видное положение в сферах просвещения и культуры³⁵.

В то же время просвещение «арнаутов» в массовом масштабе не приветствовалось. В служебной записке, датированной 1938 г., подчеркивалось: «Раньше появление албанцев в гимназиях было редкостью. Но уже десять лет как они словно пробудились от сна. Произошел наплыв албанцев в гимназии. Цель — создать кадры интеллектуалов-албанцев. Великое медресе в Скопле ежегодно выпускает 20 выпускников. Все те, кто заканчивает средние школы, идут в университет. Большое количество молодежи переместилось в Албанию, где получили стипендию Албании или Италии. Цель этого обучения состоит в том, чтобы из албанцев, рожденных на нашей территории, создать фронт борцов за освобождение арнаутов

в Югославии». Поэтому власть не только запрещала книги на албанском языке, но и наказывала их владельцев. Было строго запрещено и публичное пение на албанском языке³⁶.

Касаясь начального и среднего образования, надо все же сказать, что если в 1927/28 учебном году в школу ходили 7655 албанцев, в том числе 232 девочки, то в 1939/40 учебном году албанских детей было — 11 876³⁷. Динамика, конечно, могла быть значительно лучше, но «винить» во всем государство было бы несправедливо. Хотя именно оно не выполняло условия Сен-Жерменского договора о защите прав национальных меньшинств.

По мнению историков из бывшей СФРЮ, политические организации албанцев, их лидеры, беги, мало вкладывали труда в дело улучшения культурно-просветительного положения албанского населения. «Вторжения качакских отрядов с их грабежами и разбоями, терроризм, ирредентизм с одной стороны, репрессивные акции властей, с другой», вели к ухудшению общей ситуации, что отражалось и на культуре. Тяжелое положение, в котором обвинялось государство, должно было быть использовано как мощное средство для присоединения Космета к Албании³⁸.

Однако Белград тогда был сильнее и действовал злее и жестче. Хотя политика «пряника» также не забывалась. «Приручение» Космета шло не только через молодежь со ставкой на будущее, но и через людей опытных, авторитетных, включенных в политическую жизнь Королевства, знающих историю, «связывавшую» два народа. При этом следует отметить, что «мусульмане, и турки, и арнауты, по партийной линии всегда были с радикалами, соответственно в своем большинстве стояли на стороне тех, кто был у власти»³⁹.

Членом Радикальной партии и личным другом Н. Пашича был глава Печской общины Неджип-бег Башич (фанатикомусульмане его презирали за то, что он позволил своей дочери снять зар и фередж, т.е. паранджу и чадру). С радикалами были связаны Ш. Воца, глава общины Шалье, и Ч. Цури, глава общины Джаковицы. Двор оказывал большое внимание Ш. Воце, который в 1915 г. спас короля Петра во время перехода

через Албанию. Он и его отец Бечир помогали властям в отражении или обуздании качакских акций. Когда король Александр женился на румынской принцессе Марии в июне 1922 г., они послали в качестве свадебного подарка 100 баранов с золочеными яблоками на рогах. Однако в 1930-х годах Ш. Воца был разочарован политикой властей по отношению к своим соотечественникам. Так, в народной скупщине 1938 г. он критиковал правительственный план о насильственном выселении албанцев. Опасаясь репрессий, он должен был бежать из страны – жил в Албании, Италии, Египте и Греции. Вернулся в Югославию накануне войны, предварительно заручившись защитой королевы Марии, к которой обратился с письмом о помощи. Уже тогда Воца был связан с итальянской секретной службой. После нападения в 1941 г. Германии на Югославию он, опасаясь ликвидации со стороны югославской армии, пытался незаметно покинуть Косовскую Митровицу переодетым в мусульманскую женскую одежду, однако при встрече с патрулем бросился бежать и был убит⁴⁰.

Радикалов поддерживал и депутат народной скупщины Ченан Зия-бег из Битоли, потомок Али-паши Янинского по материнской линии. В рядах Демократической партии, а потом Радикальной, был Сефедин-бег Махмутбегович, который следовал в жизни пословице «сила Бога не просит». В списке Югославского радикального объединения, созданного в 1935 г., было несколько политиков-албанцев, среди которых – А. Мармулакович из Истока, М. Дургutowич из Ораховца, И. Агуши из Приштины. Они выступали против изъятия земли у албанцев, но не смогли добиться от правительства конкретных мер по изменению ситуации. Во время Второй мировой войны большинство албанских политиков сотрудничали с оккупантами. И. Агуши стал членом правительства в Тиране. После войны некоторые эмигрировали, а те, которые не успели, были убиты или осуждены. «Приручали» не только должностями, но и наградами. Так, орден Югославской короны 5-й степени получили: глава общины Добре Воде Ю. Шлакович, глава общины Србица Р. Фенович, глава общины Джаковица С. Црноглавич⁴¹.

Космет интересовал не только сербов. Его территория стала местом деятельности итальянской, немецкой, английской, советской разведслужб. Все старались «приобрести и подкупить» авторитетных албанцев, которые могли быть им полезны. Главным агентом абвера стал К. Плавшич, к которому присоединился сотрудник ведомства адмирала Канариса с 1936 г. Д. Дева из Косовской Митровицы. На службе у Великобритании состояли Чани-бег Црноглавича и Ч. Кокоши⁴². И все они работали, надо полагать, за идею, которая для них, как и для многих албанцев, воплощалась в Великой Албании, новом центре мусульманского царства на Балканах.

Однако больше всех преуспела Италия, активно готовившая пятую колонну в Королевстве Югославия. 7 апреля 1939 г. Италия оккупировала и аннексировала Албанию.

С этого времени начинается новый этап в истории пограничного Космета. Активизируется качакское движение. При согласии Италии проводится запись добровольцев для будущих походов в Космет. Так, Ахмед-ага Бериша из Джаковицы записал в Скадре и окрестностях 500 человек, М. Барьяктар собрал 700 человек; М. Биба из села Ника – около 700 добровольцев. Каждый из них получал по килограмму кофе и сахара и три килограмма риса с условием, что будут готовы (в 1940 г.) выступить в поход, когда поступит приказ⁴³.

Готовились, кстати сказать, и в Королевстве. К весне 1941 г. в Югославии находилось около 300 албанских политэмигрантов, которые в начале апреля собрались в Джаковице и Дебре. 5 и 6 апреля в Албанию было заброшено несколько групп, которым удалось поднять население на восстание против итальянской оккупации в нескольких районах. Вошедшая туда Югославская армия рассматривалась своеобразной освободительницей⁴⁴.

Однако последовавшая вскоре повсеместная сдача страны прекратила эту трагикомедию. Но война диктовала свои законы, и сербы, пока были хозяевами, действовали по отношению к албанцам в Космете жестко. Комендант военного округа в Косовской Митровице полковник В. Каличанин расстрелял в казарме большую группу военнообязанных албанцев из-за их якобы дезертирства⁴⁵.

Албанцы Космета действовали не менее жестко — уже по отношению к мирному населению! Враги югославы — немцы и итальянцы — были встречены албанцами Космета как долгожданные освободители. Албанские «вулнетари», т.е. добровольцы, начали жечь сербские и черногорские села, прежде всего колониетские. По городам Космета прошли многочисленные демонстрации с лозунгами «Rnoft baba Hitler» («Да здравствует отец Гитлер»), «Rnoft dajka Musolini» («Да здравствует дядя Муссолини»). Настало «черное время» и для королевских солдат, возвращавшихся домой в Косово; их убивали, грабили, а те, которые добирались домой невредимыми, заставляли только развалины, пахнувшие дымом. «На грабеж и выселение сербов поднялось все албанское население при помощи многочисленных качаков, которые ранее, скрываясь от наказания за свои преступления, бежали в Албанию, а сейчас нагрянули назад...»⁴⁶.

Дренический священник Д. Шекуларак в своих свидетельских показаниях от 20 июля 1941 г. говорил следующее: «Приход покинул после того, как был ограблен до нитки арнаутами. Бежал с женой и шестью детьми в тот момент, когда меня должны были убить... Арнауты военнообязанные бежали из армии с оружием — кто переоделся, а кто и в форме уже «при деле»: нападают на сербских солдат, жандармов и остальных. Дома сжигают, убивают известных граждан... Слышатся вопли женщин и детей. Вопль за воплем. Помочь никто никому не может. Немецкая армия еще не прибыла, наша — в развале. Анархия ликует. Арнауты не имеют жалости. Избивают, убивают, грабят. Сербский народ в панике... Бежим в Печ... Получаем ответ (от немцев), что они не имеют достаточно сил для защиты сел и могут гарантировать только городские поселения... возвращаюсь в Дреницу... Сейчас здесь итальянцы вместо немцев. Кто-то вернулся на пепелище, но убийства еще продолжают, теперь по ночам. Моя церковь обезображена, мой приходский дом разрушен. Существование невозможно»⁴⁷. В 1941 г. было уничтожено 65 % домов колониетов в Печском районе и 95 % — в других районах Метохии⁴⁸.

Сам Космет в середине мая 1941 г. был разделен на три зоны: немецкую, итальянскую (самую большую) и болгарскую. Италия после разгрома Королевства Югославии под

своим протекторатом сразу создала так наз. Великую Албанию (этническую Албанию). В августе 1941 г. по указу итальянского королевского наместника в ее состав вошли большая часть Космета, западная Македония и пограничные районы Черногории. В этом государстве жило 1 905 277 жителей, из них в границах Албании 1 105 903⁴⁹. Албанцы из Космета вошли в албанский парламент и правительство в Тиране. Осуществлена была великая мечта о «Великой Албании».

В Космете началось албанское время сторожей «Великой Албании». Так, уже Ферхат-бег в августе 1941 г. заявил, что под «косовским солнцем» больше не должно быть сербов, и если не удастся их выселить мирным путем, необходимо использовать «массовый террор»⁵⁰.

Другой «сторож» — авторитетный политический деятель Б. Пеяни, трудившийся с Ферхат-бегом и Дж. Девои над созданием Великой Албании, считал, что Косово — гнездо албанизма, постепенно занятое сербами, расселявшимися в южном направлении. «По его мнению, шиптари-албанцы без Косова и Метохии не смогли бы выжить». Судьбу албанцев Космета он связывал с гитлеровской Германией⁵¹.

Но их надеждам тогда не суждено было сбыться. Сербы одерживали очередную победу.

В 1945 г. Косово получило статус автономной области в составе Сербии, в 1963 г. — статус автономного края. Однако не было одного — права выделиться из Сербии. А именно это и оставалось главной задачей, выполнению которой была подчинена деятельность радикально настроенных албанцев.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов в Косово действовала организация «Революционное движение за объединение албанцев», в составе которой было около 300 человек. Цель — объединение с Албанией. Их подпольные организации поддерживали албанские организации, действовавшие в разных странах, такие, как «Союз косоваров» в Италии, потом в Турции⁵².

Национальное движение за независимость набирало обороты, вовлекая самые различные социальные слои. Лозунги «Мы — албанцы, а не югославы», «Косово — республика» звучали все чаще.

И нельзя сказать, что в Сербии не понимали всей опасности складывающейся ситуации. В 1968 г. сербский писатель Добрица Чосич сказал, что «на Косовометохийской земле в современных условиях возможны только два вида государственности: или югославский или албанский». Он даже разработал план размежевания Косова, по которому Сербии отходило большинство культурно-исторических памятников, церквей, монастырей. Но тогда его инициатива не встретила поддержки и была резко раскритикована⁵³.

Хотя в том же революционном 1968 г. из названия края была выброшена Метохия, напоминавшая косовским албанцам о его сербском характере (метох. греч. — владение православной церкви). По конституции СФРЮ 1974 г., край, находясь в составе Сербии, получил равные с ней права, т.е. республики де-факто, и право вето почти по всем вопросам.

Официальный период «братства и единства» закончился со смертью Тито в 1981 г. и волнениями в Приштине, которые с тех пор не прекращались, принимая разные формы — от политических движений до террористических актов, что вело к тому, что сербы все в большем количестве были вынуждены покидать Косово. В 1981 г. из 1451 населенного пункта в 635 не осталось ни одного серба. К 1991 г. сербов в Косово осталось меньше 10%⁵⁴.

Нельзя сказать, что власти ничего не делали. Пришедший к власти в конце 1980-х годов Слободан Милошевич начал действовать весьма жестко по косовской проблеме. Многие сербы, особенно косовские, полагали, что к власти пришел настоящий борец за сербские интересы. 28 июня 1989 г., выступая в Косово, Милошевич заявил о будущих битвах за восстановление национального достоинства сербского народа. А в сентябре 1990 г. была принята новая конституция Сербии, которая урезала автономные права края. Началась сербизация Косова, где на место уволенных или ушедших в знак протеста в отставку албанцев на ответственные посты приходили сербы. Еще ранее краю было возвращено его прежнее название — Косово и Метохия.

Напряжение росло. 2 июля 1990 г. скупщина в Косово проголосовала за «Конституционную декларацию», по которой Косово становилось республикой. Ответная мера Сербии

не заставила долго ждать: скупщина Косова распускалась ввиду наблюдаемых в крае нарушений законности. Тем временем, депутаты распущенной Скупщины, собравшись на нелегальной сессии в г. Качаник, провозгласили 7 сентября Республике Косово. По всей стране началась акция гражданского неповиновения, в результате которой албанское население создало свою нелегальную структуру жизнедеятельности, прежде всего в сфере образования. В сентябре 1991 г. албанцы на референдуме о независимости края подтвердили свое стремление идти по пути создания независимой республики. 23 мая 1992 г. состоялись выборы президента и скупщины, объявленные сербами незаконными. Главой «Республики Косова» стал Ибрахим Ругова, позднее прозванный косовским Махатмой Ганди, усилия которого были во многом направлены и на привлечение внимания Запада к проблеме Косова.

Со своей стороны сербы также разрабатывали программы по урегулированию косовской проблемы, которую предлагалось решить, в частности, через план регионализации всей страны с широкой автономией, по которому Косово и Метохия становились бы двумя регионами из тринадцати. Был также и проект кантонизации Косова, по которому край разделялся на 18 кантонов, в пяти из которых большинство было бы сербским. При этом, сербские кантоны входили бы в конституционную структуру Сербии, а албанские «имели бы большие связи с федеральным уровнем и незначительные обязательства по отношению к Сербии». Однако все так и осталось на бумаге⁵⁵.

Власти не хотели компромисса. Политическое противостояние постепенно перерастало в вооруженное. В 1997 г. на силовой сцене борьбы за Косово активно заявила о себе Освободительная Армия Косова (ОАК).

Весной 1998 г. ей удалось даже создать и удерживать в западном Косово под своим контролем целый район (даже номерные знаки для автомобилей выдавались там полицией ОАК). Сама обстановка обострялась и противостояние нарастало. Появились жертвы среди мирного населения. В конце 1998 г. спецпредставитель ООН по правам человека И. Динст-

бир сообщал, что с начала столкновений на Косово погибло примерно 700 человек, приблизительно 240 000 покинуло свои жилища, а около 14 000 бежали в Албанию⁵⁶.

Все это не могло не вызвать активизации международного сообщества, руководства отдельных стран и НАТО, которое уже в августе 1997 г. предупредило Белград о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с задачей по предотвращению дальнейшего кровопролития. В следующем году Совет безопасности ООН в своей резолюции от 31 марта запретил ввоз всех видов вооружения в Союзную Республику Югославию. Потом последовало и решение о замораживании авуаров правительств Сербии и Югославии. Шел прессинг страны по всем направлениям.

В такой ситуации в феврале 1999 г. начались переговоры между сербской и албанской делегациями в Рамбуйе (Франция) для решения косовской проблемы. Предложенные участникам переговоров условия «Временного договора о мире и самоуправлении в Космете» предусматривали введение широкой автономии для косовских албанцев и референдум о будущем статусе Косово через определенное время. Делегация от Косова под мощным давлением США согласилась подписать договоренности. Представители Милошевича, не видя гарантии территориальной целостности своей страны, отказались поставить свои подписи. Тогда 21 марта Совет НАТО жестко потребовал пойти на размещение войск НАТО в Косове для реализации политического соглашения о самоуправлении в Космете или нести ответственность за последствия своего отказа. Милошевич предпочел второе. И 24 марта 1999 г. НАТО начало бомбардировку целей в Югославии, в результате которой были полностью разрушены около 50 фабрик и заводов, несколько тысяч квартир и частных домов, 17 больниц, две тысячи школ. Частично или полностью разрушены 18 православных и католических церквей и монастырей. Погибло более двух тысяч гражданских лиц. Экономике страны был нанесен колоссальный ущерб⁵⁷.

Югославская армия не могла бороться с самолетами. И «все эти призывы к борьбе с ”новым мировым порядком“ зву-

чали, — писал русский доброволец Олег Валецкий, — отвлеченно, так что мог сделать обычный боец? Стрелять по самолетам из автомата ведь было делом бессмысленным... К тому же сами пропагандисты на Космет ехать не спешили... Под конец войны стали приходить счета к оплате, вопреки обещаниям о том, что те, кто воюет на Косово, от оплаты счетов будут освобождены». При этом бизнесменам и бандитам «война, в особенности разнообразные бизнес-проекты “Во благо Отечества”, дали возможность кататься ”как сыр в масле“, а куда потом шли товары с продуктами питания, горючим, военной формой и оружием, — для иных из них было не столь важно». Не платила армия — заплатила бы ОАК или какие-нибудь ее «партнеры»⁵⁸.

В Косово ситуация и дальше продолжала ухудшаться. Федеральная армия и сербская полиция при поддержке полувоенных националистических формирований начали операцию «Кольцо», предусматривавшую массовое изгнание албанцев из Косова. В итоге, около одного миллиона албанцев оказались в лагерях беженцев и перемещенных лиц на территории Албании, Черногории, Македонии, а также в ряде стран Запада⁵⁹.

Как писал Олег Валецкий, зачистки «проводились по приказам армейских и полицейских штабов. Войска шли цепями через горы и леса, входя в села с боем или без боя. Солдаты просто выбивали двери ногой, а то и бросали гранаты в окна, а в населенных пунктах жителям был дан приказ выйти из домов и собраться в колонны, либо выйти из домов во дворы, пока шел обыск домов... здесь иные села «зачищались» по два-три раза. Тут не то, что имущества, а крыш не оставалось... Армейские подразделения колонны гражданских передавали специальной полиции. А та их сопровождала в Албанию или в Македонию»⁶⁰.

В своей книге Валецкий продолжал: «Сил для войны у сербов хватало, были у них и люди, которые смогли бы воевать еще, но вот идеи, поведшей бы их в этой войне, у них не было... Но очень тяжело, почти невозможно было людей поднять на что-то общее. Они были готовы терпеть какого-то идиота, как своего командира, но лишь бы он позволял им без лишних хлопот отбыть свое время на войне. Из-за подобного

индивидуализма в военных вопросах сербские возможности так и не использовались, как надо»⁶¹.

И когда «одного серба, вернувшегося из Косова, после спросили, как было «на войне», он ответил: «Как в фильме о «швабах» и партизанах, только «швабами» были мы»⁶².

В итоге, бомбардировки, в том числе Белграда, и нажим Европы привели к желаемому результату. Милошевич был вынужден согласиться с планом урегулирования кризиса Косова, выработанным президентом Финляндии М. Ахтисаари, представлявшим интересы Европейского Союза, и В.С. Черномырдиным. Сербский лидер согласился на вывод армейских подразделений и полицейских сил, а также на развертывание военного и гражданского присутствия в Косово. Своей резолюцией 1244 от 11 июня 1999 г. Совет Безопасности ООН основал международное военное и гражданское присутствие в Косово. Военный контингент получил название КФОР (от англ. Kosovo Force), а международное гражданское присутствие стало называться Временной Администрацией ООН (УНМИК) (от англ. UNMIK – United Nations Mission in Kosovo).

В 2000 г. в Косово состоялись первые муниципальные выборы, в 2001 г. – первые выборы в Косовский парламент. С албанской стороны политический пейзаж был представлен, как пишет Р. Анзелитон, к началу третьего тысячелетия тремя основными партиями. Первая, самая старая и наиболее многочисленная, называется Демократическая Лига Косово (ЛДК), основанная в 1989 г. на базе Союза писателей Косово и возглавлявшаяся Руговой. После 1999 г. его партию стала оттеснять Демократическая партия Косово (ПДК), связанная с ОАК и именем Хашима Тачи, которого одни считают «самым смелым и перспективным политиком Косово», другие, террористом, по которому плачет Гаагский трибунал. Третья – Союз за будущее Косово (ААК), образованная в 2000 г. после отделения от ПДК. Во главе ее встал Рамуш Харадиной, бывший полевой командир ОАК. Косовские сербы были представлены коалицией различных сербских политических партий – от демократических до националистических – «Повратак» («Возвращение»).

В 2004 г. в Косово прошли парламентские выборы, на которых победу одержала партия президента Косова Ибрахима Руговы. Сербь в выборах практически не участвовали, нежелающих включаться в косовские структуры, которые торопливо стремятся к достижению полной и окончательной независимости и суверенитета Косова. 10 февраля 2006 г. после смерти Руговы президентом был избран 54-летний Фатмир Сейдиу. Как и его предшественник он придерживается твердой позиции, что только полная независимость Косова может разрешить проблему.

В 2005 г. Совет безопасности ООН высказался за начало переговорного процесса о статусе Косова. В феврале 2006 г. в Вене начались переговоры о статусе края между сербьми и косовскими албанцами при посредничестве спецпредставителя Генерального секретаря ООН М. Ахтисаари. Однако его миссия закончилась безрезультатно: сербь не могли согласиться на независимость края, заявляя, что Косово остается неотъемлемой частью Сербии, готовой предоставить в то же время самые широкие привилегии краю в составе сербских земель. Однако албанская сторона, поддерживаемая Западом, используя отсутствие договоренностей и решений Совета безопасности ООН, 17 февраля 2008 г. провозгласила свою независимость.

Примечания

- ¹ Славянские известия. 1913. № 9 (2). С. 113.
- ² *Ivić P.* О узроцима етничких промена на Косову // Становништво словенског поријекла у Албанији (Зборник радова са међународног научног скупа одржаног у Цетињу 21, 22 и 23 јуна 1990). Титоград, 1991. С. 167.
- ³ *Jovanović V.* Jugoslovenska država i južna Srbija 1918–1929. Beograd, 2002. S. 186.
- ⁴ *Ibidem.*
- ⁵ *Ibid.* S. 188.
- ⁶ *Ibidem.*
- ⁷ *Ibid.* S. 187.
- ⁸ *Ibid.* S. 188.
- ⁹ *Imami P.* Srbi i albanci kroz vekove. Beograd, 1999. S. 259.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 261.
- ¹¹ *Ibid.* S. 260.
- ¹² *Ibid.* S. 263–264.
- ¹³ *Ibid.* S. 260.

- ¹⁴ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. Београд, 1998. С. 105, 110.
- ¹⁵ *Itati P.* Op. cit. S. 251–252. Тут же замечу, что прежде Б. Цури был на турецкой службе, преследовал качаков, дослужился до полковника, позже был принят югославскими властями и уже потом ушел в качаки. См.: *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији 1918–1924. Приштина, 2005. С. 40.
- ¹⁶ Цит. по: *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији 1918–1924. Приштина, 2005. С. 41.
- ¹⁷ Македонский вопрос в документах Коминтерна. Скопје, 1999. Т. I. Ч. 1: 1923–1925 г. С. 123.
- ¹⁸ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 104.
- ¹⁹ Там же. С. 98.
- ²⁰ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Военное министерство и флота от 17 сентября 1921 г. в МВД .
- ²¹ Там же. Апрель 1921 г. в МВД.
- ²² Там же. Ф. 37. Д. 9. С. 12. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.
- ²³ *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији. С. 38, 39, 40.
- ²⁴ Там же. С. 99.
- ²⁵ Там же. С. 216.
- ²⁶ Там же. С. 49.
- ²⁷ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 93–94.
- ²⁸ *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији. С. 198.
- ²⁹ Там же. С. 225.
- ³⁰ Там же. С. 261.
- ³¹ Там же. С. 213.
- ³² *Itati P.* Srbi i albanci. S. 249.
- ³³ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 97.
- ³⁴ *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији. С. 300.
- ³⁵ *Itati P.* Srbi i albanci. S. 255, 257.
- ³⁶ Ibid. S. 267.
- ³⁷ Ibid. S. 255.
- ³⁸ *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије 1918–1941. Трећи део. Београд, 1997. С. 120.
- ³⁹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 9. С. 14. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.
- ⁴⁰ *Itati P.* Srbi i albanci. S. 270–271.
- ⁴¹ Ibid. S. 271–272.
- ⁴² Ibid. S. 278; *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 112.
- ⁴³ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 108.
- ⁴⁴ *Itati P.* Srbi i albanci. S. 285.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији од 1941 до 1990. Приштина, 1990. С. 12.
- ⁴⁷ Там же. С. 15.
- ⁴⁸ Там же. С. 13.
- ⁴⁹ *Itati P.* Srbi i albanci. S. 285.
- ⁵⁰ *Фолић М.* Окупациони систем и колаборација на Косову и Метохији 1941–1945. С. 570.

- ⁵¹ Там же. С. 571.
- ⁵² *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 650.
- ⁵³ Там же. С. 683.
- ⁵⁴ Там же. С. 652.
- ⁵⁵ Там же. С. 664.
- ⁵⁶ *Анзелитон Р.* Косово: албанутая мозаика. Б. м., б. д. С. 9.
- ⁵⁷ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 677–678.
- ⁵⁸ *Валецкий О.* Волки белые. Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М., 2006. С. 279.
- ⁵⁹ *Анзелитон Р.* Указ. соч. С. 11.
- ⁶⁰ *Валецкий О.* Волки белые. С. 258.
- ⁶¹ Та же. С. 280, 281.
- ⁶² Там же. 227.

Ольга Игоревна АГАНСОН

ГЛОБАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ: ПОДХОДЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ АЛБАНСКОГО ВОПРОСА В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. Балканский полуостров в силу сложного взаимодействия внутрирегиональных и внешних факторов превратился в очаг международной нестабильности. С одной стороны, в Юго-Восточной Европе происходил демонтаж прежнего регионального порядка, базировавшегося на постановлениях Берлинского конгресса 1878 г. С другой — Балканы со всей их политической турбулентностью интегрировались в систему межблокового противостояния Тройственного союза и Антанты. Вполне закономерно, что Балканский полуостров, этот геополитический центр, по терминологии американского политолога З. Бжезинского, привлекал пристальное внимание ведущей мировой державы, каковой на тот момент являлась Великобритания. В данной статье будет проанализировано одно из направлений балканской политики Лондона, а именно его подход к урегулированию албанского вопроса. Казалось бы, довольно затруднительно проследить корреляционные связи между имперским, глобальным внешнеполитическим курсом Великобритании и такой проблемой сугубо локального масштаба, как развитие албанского национально-освободительного движения и образование Албанского государства. Однако изучение внутриведомственной переписки Форин-оффис и британской прессы позволяет нам понять, как албанский вопрос был вплетен в ткань международных отношений кануна Первой мировой войны. Иными словами, английская интерпретация албан-

ского вопроса раскрывает взаимодействие и взаимовлияние регионального (балканского) и глобального уровней предвоенной системы международных отношений.

Внешнеполитический курс Великобритании на Балканах, в том числе в отношении Албании, определяла триада факторов. Во-первых, расстановка сил на международной арене и мотивы блоковой политики. Во-вторых, дезинтеграционные процессы на пространстве Османской империи и возможность усиления влияния враждебной Британии державы в Константинополе. В-третьих, проблема равновесия сил в самом Балканском регионе, который служил своего рода мостом между Европой и Ближним Востоком. Весь этот комплекс проблем приобретал особенную актуальность в условиях нарастания англо-германского антагонизма и активного проникновения Германии на Ближний Восток.

В период до 1910 г., т.е. до перехода албанского национально-освободительного движения из латентного состояния в открытое, проблемы этой турецкой провинции фактически выпадали из поля зрения представителей британских дипломатических и экспертных кругов, если не считать работы М.Э. Дарэм, знакомившей широкую общественность с историей, традициями и бытом албанцев. Британские публицисты, освещавшие перипетии балканской политики, чаще всего писали об албанцах как о беспокойном элементе, дестабилизировавшем обстановку в Косовском и Монастырском вилайетах. Отмечалось, что выступления албанских племен против христианского населения Македонии были спровоцированы австро-венгерскими агентами, стремившимися создать удобный повод для вмешательства в ситуацию¹. Британские политические и общественные деятели, например, представитель левого крыла Либеральной партии Дж. Брайс и писатель Г. Вивиан, призывали Порту оказать сдерживающее влияние на албанцев². Примечательно, что если в случае с македонским вопросом Лондон ратовал за коллективное воздействие «концерта» великих держав на турецкое правительство с целью заставить его осуществить реформы в беспокойных вилайетах, то волнения среди албанских племен, в том числе их выпады

против македонских славян, рассматривались Лондоном как сугубо внутривосточная проблема Порты.

Восстание в Албании, вспыхнувшее в 1910 г. и с разной степенью интенсивности продолжавшееся до 1912 г., заставило великие державы оценить важность албанского фактора для развития политической обстановки на Балканах. На взгляд Уайтхолла, события в Албании вписывались в общий контекст нарастания антиправительственных движений на периферии Османской империи³. Этим фактом, собственно, и обуславливался британский интерес к ним.

В обозначенный период младотурецкий режим, утвердившийся в Константинополе летом 1908 г., взял курс на централизацию и унификацию Османской империи, что также предполагало укрепление турецкой власти на аравийских территориях. Последние представляли огромное стратегическое значение с точки зрения обеспечения безопасности британских имперских коммуникаций. Все это вкупе с усилением прогерманских настроений среди турецких военных, составлявших ядро младотурецкого движения, способствовало тому, что английская дипломатия сочла целесообразным переключить внимание османской администрации с выстраивания вертикали власти в аравийских провинциях на нормализацию ситуации в европейских вилайетах.

Среди главных причин антиосманских волнений в Албании как раз таки называлась попытка младотурок довольно грубыми методами проводить политику оттоманизации. Члены комитета «Единение и прогресс» напрочь игнорировали тот специфический *modus vivendi**, который на протяжении столетий складывался между Портой и местными правителями. Султан даровал албанским вождям определенные привилегии и некоторую свободу действий в вопросах управления подвластной им территорией. Стремление младотурок ввести обязательную воинскую повинность, навязать дополнительное налогообложение и поставить турецкого чиновника над местными беями вызвало протесты албанских племен⁴. Требо-

* Дипломатический термин, обозначающий компромиссное соглашение между конфликтующими сторонами, позволяющее им мирно взаимодействовать.

вания, сформулированные различными группами инсургентов в 1912 г., по мнению британских дипломатов, свидетельствовали о том, что албанцы хотели возвращения привилегий времен абдул-хамидовского режима, но с той лишь разницей, что теперь они должны были быть признаны и закреплены на официальном уровне⁵.

Во всем этом калейдоскопе событий Форин-оффис в первую очередь интересовала модель урегулирования Портой внутренних кризисов, спровоцированных нарастанием центробежных тенденций на территории империи. В донесениях британских консулов содержался детальный отчет о карательных экспедициях, направляемых младотурками в Албанию. Особое внимание Лондона привлекало то обстоятельство, что имперское правительство все-таки проявляло некоторую гибкость и было готово пойти на определенные уступки. Турецкие власти демонстрировали особое расположение к албанцам-мусульманам, красноречивым подтверждением чего явилась поездка султана Мехмеда V в Албанию и Македонию в июне 1911 г. Особый акцент делался на общности исторического прошлого турок и албанских мусульман. Старания турецкой администрации, по сообщению русского консула в Ускюбе (Скопье), возымели эффект: арнауты-мусульмане держались «крайне спокойно»⁶. Более того, в ряде мусульманских сел местные власти даже приступили к раздаче ружей⁷. Все это свидетельствовало о том, что Порте все же удалось «выправить» отношения с мусульманскими подданными, среди которых авторитет султана как халифа всех правоверных оставался довольно высоким.

На данном этапе Форин-оффис, добиваясь концентрации основных сил османской администрации на албанском направлении, настаивал на интернационализации албанского вопроса, что подразумевало введение реформ на албанских территориях при непосредственном контроле со стороны великих держав⁸. Избрав подобную тактику, Лондон рассчитывал достигнуть двойной цели. Во-первых, английская дипломатия летом 1911 г. стремилась максимально вовлечь заинтересованные страны (Россию, Австро-Венгрию и Италию) в урегулирование албанского вопроса, переложив на них ответственность

по выработке принципов нормализации ситуации в провинции⁹. Во-вторых, Лондон, высказываясь за коллективное воздействие послов на Порту в пользу реформ в Албании, а также за европейские гарантии их осуществления, фактически ставил вопрос об ограничении османского суверенитета над этой провинцией¹⁰. Однако и в Вене, и в Петербурге довольно скептически прореагировали на инициативы британского министра иностранных дел Э. Грея, попытавшегося выступить посредником в вопросах балканской политики¹¹. Ни Австро-Венгрия, ни Россия не спешили связывать себе руки в жизненно важном для них регионе.

Потрясения Первой Балканской войны запустили процесс переформатирования балканского политического пространства, одним из результатов которого явилось образование независимого Албанского государства. На данном этапе албанский вопрос, вследствие бескомпромиссной позиции Австро-Венгрии, превратился в одну из острейших проблем международной повестки дня. Руководство Дунайской монархии пыталось всеми возможными средствами (не отбрасывались и военные методы) помешать усилению Сербии и Черногории. Так, во время работы Совещания послов в Лондоне (декабрь 1912 г.—май 1913 г.) австро-венгерские делегаты настаивали на максимальном территориальном расширении Албанского княжества, которое рассматривалось ими как будущий оплот влияния монархии в регионе и противовес двум славянским королевствам.

Австро-сербские и австро-черногорские противоречия по вопросу проведения северной и северо-восточной границ Албанского княжества во время Адриатического (конец ноября—начало декабря 1912 г.) и Скутарийского (март—май 1913 г.) кризисов грозили вылиться в австро-сербскую и австро-черногорскую локальные войны, которые, по оценкам английских аналитиков, в случае поддержки Россией ее балканских протезе имели все шансы перерасти в общеевропейский вооруженный конфликт¹².

Политику Австро-Венгрии в отношении границ Албанского княжества определяли как факторы военно-стратегического характера, так и соображения международного престижа.

Утверждение Сербии на Адриатике, по заключению британского посла в Вене Ф. Картрайта, было несовместимо с интересами Двуетидной монархии¹³. Все это способствовало бы резкому падению ее влияния и авторитета в регионе. В результате, последовали бы откол южнославянских провинций от Австро-Венгрии и их вхождение вместе с Сербией и Черногорией в состав единого югославянского королевства¹⁴.

Подход австро-венгерской политической элиты к решению проблемы принадлежности Шкодры (Шкодера) также обуславливался спецификой ее восприятия баланса сил на Балканах. Вена и Будапешт полагали, что отступление Дунайской монархии будет расценено славянскими государствами как ее слабость, следствием чего явится захват Сербией албанских территорий и ее выход к морю (в этом случае, по заявлениям Балльплаца, все равно не удастся избежать европейской войны)¹⁵.

Перекройка политической карты Балкан поставила Лондон перед сложной дилеммой. С одной стороны, Англия не собиралась втягиваться в европейскую войну из-за сербского порта на Адриатике и крошечных приграничных городов¹⁶. Как восклицал Э. Грей, «глупо и невыносимо, чтобы большая часть Европы погрузилась в состояние войны» из-за городов на албанской границе¹⁷. С другой стороны, британское руководство прекрасно отдавало себе отчет, что отказ поддержать Россию в ее конфликте с Австро-Венгрией из-за сербо-албанского и албано-черногорского территориальных разграничений нанесет удар по англо-русской Антанте, вплоть до ее разрыва.

Стремясь избежать масштабного столкновения и сохранить Антанту с Петербургом, Лондон попытался прийти к взаимопониманию с Берлином по проблеме локализации балканской войны и последующего сотрудничества в процессе урегулирования регионального кризиса¹⁸. В Германии не замедлили откликнуться на британские инициативы. Вильгельм II, хотя и декларировал (и довольно жестко) свою лояльность по отношению к Вене, вместе с тем считал, что опасения Австро-Венгрии по поводу возможного урона для ее престижа из-за выхода Сербии к Адриатике были сильно преувеличены.

Вильгельм II, по его же собственным словам, не собирался рассматривать австро-сербские противоречия из-за Санджака или Дурреса как *casus foederis*^{*}, поскольку такие далекоидущие обязательства не соответствовали букве и духу Тройственного союза, который был призван гарантировать неизменность существовавших границ¹⁹. Вильгельм II откровенно заявлял, что Германия не станет воевать с Россией и Францией из-за Албании²⁰. Склонность Великобритании и Германии к сотрудничеству проявилась во время работы совещания послов в Лондоне, где обе державы пытались содействовать достижению компромисса между их партнерами по коалициям²¹.

Таким образом, албанский вопрос явился одной из тех внешнеполитических площадок, на которой конструировалась политика англо-германской «разрядки» кануна Первой мировой войны. Тогда же, впервые за долгое время, в международно-политической практике было реанимировано понятие «европейского концерта». В принципе образование независимого Албанского княжества явилось результатом функционирования, хотя и со сбоями, «европейского концерта», что можно трактовать как позитивную тенденцию в развитии предвоенных международных отношений. Следовательно, от того, насколько успешно будет протекать процесс государственного строительства в Албании, и от того, насколько корректной и плодотворной будет политика великих держав в этой области, зависела стабильность всего Балканского региона.

Рассуждая о создании Албанского государства и сложностях, с которыми столкнулись великие державы в очерчивании его границ, известный британский публицист Э.Дж. Диллон отмечал, что Лондонская конференция, подобно Берлинскому конгрессу, «в процессе мирного урегулирования посеяла семена нескончаемой борьбы» на Балканах²². Местные игроки, главным образом Сербия и Греция, воспринимали Албанское княжество как «инородный» элемент в регионе, последнее же полагало, что соседние государства в ходе войны присоеди-

^{*} Условие, предписывающее, что в случае вооруженного нападения какого-либо государства на одну из договаривающихся сторон вторая сторона должна оказать ей помощь.

нили к себе «чисто» албанские земли (например, Косово). В итоге, конфликт, существовавший между албанцами, сербами и греками, проживавшими в рамках Османской империи, с изменением политического ландшафта в регионе вышел на новый уровень.

Все это способствовало тому, что по завершении Второй Балканской войны Албания превратилась в главный очаг региональной нестабильности. Албанская проблема имела несколько измерений: международное (великие державы, по сути, гарантировали существование Албании), локальное (сербско-албанские и греко-албанские территориальные противоречия) и внутривнутриполитическое (формирование албанской государственности, с одной стороны, и интеграция Сербией и Грецией албанского населения, присоединенного к ним по итогам войн 1912–1913 гг. – с другой).

Создание Албании, по словам Э.Дж. Диллона, являлось не стечением обстоятельств, а согласованным решением великих держав, от которых требовалась политическая воля, чтобы обеспечить княжеству «более или менее приемлемые условия национального существования»²³. В соответствии с принятыми на себя международными обязательствами, великие державы участвовали в формировании системы государственного управления Албанского княжества, его административной и финансовой структур. С этой целью была создана Международная комиссия в составе делегатов от шести великих держав и представителя от Албании. В течение шести месяцев великие державы обязывались выбрать подходящую кандидатуру на албанский престол. Организация жандармерии, которая была призвана гарантировать безопасность и общественный порядок в княжестве, поручалась европейским офицерам²⁴. Кроме того, по решению великих держав создавались две дополнительные комиссии: первая – по проведению северной и северо-восточной границы Албании, вторая – по определению ее южных рубежей.

Однако ввиду серьезных проблем, сопутствовавших процессу государственного строительства в Албании («подвижные» границы, неоднородность населения, отсутствие госу-

дарственного аппарата), у современников возникал вопрос относительно реалистичности решений, принятых великими державами по албанскому вопросу в Лондоне. Среди опытных дипломатов находилось немало скептиков, считавших рискованным «албанский эксперимент». Как заметил в частной переписке британский посол в Берлине Э. Гошен, «новая “Албания”... — это тот орех, о который можно поломать зубы, и, по-видимому, ей суждено стать источником нескончаемых неприятностей»²⁵.

Некоторые высокопоставленные чиновники Форин-оффис взирали на Албанию как на аморфное государственное образование и сравнивали ее с Персией — страной, разделенной на сферы влияния и, как следствие, частично утратившей свой суверенитет²⁶. Албания воспринималась в качестве дорогостоящего предприятия великих держав в условиях ограниченности финансовых ресурсов для его развития²⁷. Кроме того, критиковалась и разработанная великими державами форма государственного правления в Албании. Еще в период работы Лондонского совещания послов помощник британского статс-секретаря по иностранным делам А. Никольсон выражал сомнение в том, что иностранный принц сможет контролировать ситуацию в стране, пребывавшей в состоянии анархии. Выдвигалось предложение назначить в княжество компетентного человека на должность верховного комиссара, который действовал бы от имени держав²⁸. Подобной точки зрения придерживался и российский комиссар в Албании А.М. Петряев, считавший самым рациональным вариантом введение в стране «более упрощенного государственного режима в виде подконтрольного генерал-губернатора»²⁹. В свете этого перспективы правления князя Вильгельма Вида, прибывшего в Албанию в марте 1914 г., оценивались весьма пессимистически.

Тем не менее официальный Лондон не был склонен драматизировать ситуацию. Грей, если судить по речи, произнесенной им перед палатой общин в августе 1912 г., рассматривал создание Албанского государства, прежде всего, с точки зрения возможности достижения компромисса между державами и сохранения мира в Европе. По словам британского статс-

секретаря по иностранным делам, локальный аспект вопроса его волновал в гораздо меньшей степени³⁰. Памятуя о тех острых кризисах, которые возникали во время Лондонской конференции из-за северных и северо-восточных границ Албании, Грей полагал, что работа представителей великих держав в рамках международной комиссии, даже если не приведет к практическим результатам, как это было в случае с македонскими реформами, то, по крайней мере, разрядит обстановку в регионе. В целом Лондон исходил из того, что появление на карте Балкан независимого Албанского княжества объективно не создавало угроз для британских интересов в регионе.

Формулируя свою позицию по албанскому вопросу, английская дипломатия учитывала также и фактор австро-итальянского соперничества. Хотя на первых порах Австро-Венгрия и Италия сотрудничали на албанском направлении, между ними неизбежно должны были проявиться серьезные разногласия, поскольку обе державы стремились доминировать на Адриатике³¹. Активность Италии в Южной Албании стимулировалась агрессивной политикой Австро-Венгрии на севере страны. В связи с этим, как справедливо отметил австралийский исследователь Р. Босуорт, итальянский министр иностранных дел А. ди Сан-Джулиано намеренно увязывал проблемы Северной и Южной Албании, дабы сковать действия Дунайской монархии³². Разумеется, австро-итальянские трения продолжали углублять трещины в Тройственном союзе, что играло на руку державам Антанты.

Со второй половины 1913 г. по июль 1914 г. Лондон выстраивал свою балканскую политику под лозунгом невмешательства в дела региона. Не был исключением и албанский вопрос. Констатировалось «отсутствие у Англии вообще какого-либо интереса в этой части мира» и ее нежелание выступать на передний план в урегулировании албанской проблемы³³. Пассивность британской дипломатии отчасти объяснялась тем, что в Юго-Восточной Европе по итогам Балканских войн 1912-1913 гг., как казалось Лондону и Парижу, сложилась выгодная для Антанты политическая конфигурация в виде сербо-румыно-греческого треугольника. Кроме того, развитие событий на

глобальном уровне, а именно потепление англо-германских отношений³⁴, благоприятствовало международным позициям Великобритании. Все это позволяло британскому руководству рассчитывать на то, что кризисные ситуации, возникавшие в регионе, могли быть урегулированы без широкой вовлеченности великих держав и, следовательно, без риска возникновения общеевропейского конфликта, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Однако насколько были оправданы подобные расчеты Форин-оффис? Проблема регионального будущего Албании, особенно сербо-албанского территориального разграничения, свидетельствовала о противоборстве двух тенденций на балканском политическом поле: системоразрушающей и системоконсолидирующей³⁵. Под системоразрушающей тенденцией мы подразумеваем национализм, затруднявший выработку сербо-албанского и сербо-греческого компромисса по территориальному вопросу, ревизионизм проигравших государств, а также региональный гегемонизм Австро-Венгрии. В качестве системоконсолидирующей тенденции можно назвать понимание ключевыми игроками (Сербией, Грецией и Румынией) необходимости поддержания регионального порядка, оформившегося в результате Балканских войн.

Ведущей внешней силой, выступавшей за пересмотр лондонско-бухарестских постановлений, являлась Австро-Венгрия. Последовательная сторонница независимости Албанского княжества, Вена рассматривала его, главным образом, как инструмент проведения своего влияния на Балканах. Усиление государств победившей коалиции (Сербии, Греции, Румынии) резко ограничивало Двуетдиную монархию в выборе средств воздействия на ситуацию в регионе. Албания с ее несформировавшейся государственностью и частично оказавшимся в составе соседних стран населением, на момент осени 1913 г.—лета 1914 г. являлась одним из главных дестабилизирующих элементов в Балканском регионе. Неспokoйная Албания, не признававшая своих северной и северо-восточной границ, использовалась Двуетдиной монархией как внутрирегиональный рычаг давления на Сербию, помимо давно практиковавшихся

«внешних» мер (закрытия австро-венгерского рынка для сербского экспорта, концентрации войск на сербской границе).

По убеждению самих сербов, Австро-Венгрия намеренно поддерживала «состояние хронического беспорядка в Албании». Вена, как указывалось, пыталась, с одной стороны, создать удобный повод для собственной оккупации Северной Албании, с другой – в условиях перманентного напряжения на сербо-албанской границе вынудить Белград содержать там войска. Последняя мера являлась бременем для финансов Сербии и отвлекала ее от процесса интеграции недавно приобретенных территорий³⁶.

Тревоги Белграда, как свидетельствовала логика развития событий, были не беспочвенны. Австро-Венгрия, по сообщениям российских и британских дипломатов, поставляла оружие на территорию Албании³⁷. Все это, разумеется, только усугубляло обстановку.

Если в период пребывания албанцев под властью Османской империи австро-венгерские агенты могли их только подстрекать к выступлениям против турецкой администрации и конфронтации с местными сербами (Вена не имела права вмешиваться во внутренние дела суверенного государства), то теперь ее действия, направленные на защиту Албании, в принципе носили легитимный характер, поскольку Австро-Венгрия, в соответствии с лондонскими постановлениями, являлась одним из гарантов независимости Албанского княжества. Таким образом, пересечение сербскими войсками албанской границы могло трактоваться Веней как повод для применения силы.

С учетом всех трудностей, сопряженных с территориально-политическим размежеванием между Сербией и Албанией, таких поводов могло возникнуть множество. В основе сербо-албанского пограничного конфликта, как это представлялось британским дипломатам, лежали причины экономического и этнического характера. Во-первых, после вхождения территорий, бывших до этого частью Османской империи, в состав соседних государств, нарушились прежние торгово-экономические связи. Так, в результате присоединения к Сербии новых земель часть албанского населения оказалась отрезанной

от городов, где традиционно проходили ярмарки (например, Джаковица), что грозило обернуться острой нехваткой продовольствия по другую сторону границы. Во-вторых, не утихала албанская агитация в Старой Сербии, причем подготовка к мятежу велась в соседней Албании³⁸. Постоянные вторжения албанских отрядов на сербскую территорию привели к тому, что правительство королевства было вынуждено отдать приказ своим войскам войти в сопредельные албанские земли и занять там ряд стратегических позиций. Между тем, как указывал британский поверенный в делах в Белграде Д. Крэкенторп, сербы не преминули воспользоваться набегам албанцев как поводом, чтобы улучшить собственную границу в ходе военных операций³⁹.

Выбрав подходящий момент, Австро-Венгрия 18 октября 1913 г. направила Сербии ультиматум, в соответствии с которым последняя должна была в течение восьми дней очистить албанскую территорию. В случае невыполнения ее требований Вена угрожала прибегнуть к радикальным мерам⁴⁰. В России оценили ультиматум австро-венгерского руководства как проявление его слабости и боязни потерять контроль над ситуацией. Демарш Двуетидной монархии, на взгляд российского поверенного в делах в Вене Н.А. Кудашева, был продиктован тремя принципиальными соображениями. Во-первых, на Балльплац далеко не все разделяли уверенность в способности албанских отрядов эффективно противостоять сербским войскам без внешней помощи. Во-вторых, быстрое подавление сербами албанского восстания подрывало авторитет Австро-Венгрии в регионе, поскольку она позиционировала себя в качестве главной покровительницы независимого Албанского княжества. В-третьих, Вена не собиралась отказываться от удобного случая, чтобы «дать Сербии почувствовать свою силу и тем самым приподнять свой престиж в Европе»⁴¹.

«Силовая» дипломатия Австро-Венгрии произвела в Лондоне крайне негативное впечатление. По словам Грея, Дунайская монархия, действовавшая в одностороннем порядке, без предварительной консультации с другими великими державами, и требовавшая от них одобрения ее политики, предьявляла

ультиматум не только Сербии, но и самим державам⁴². Таким образом, Австро-Венгрия отказывалась действовать в «концерте» с другими великими державами, которые вне его не могли «сдерживать» ее дипломатическими средствами. Ситуация усугублялась тем, что Германия, для которой австро-венгерский ультиматум Сербии также явился неожиданностью, как и прежде продолжала проводить твердый курс поддержки своей союзницы на Балканах⁴³. Вследствие этого политика Вены становилась все более агрессивной и грозила взорвать обстановку в регионе. Тем не менее, кризис из-за сербо-албанских столкновений не получил дальнейшего развития, даже несмотря на вмешательство Австро-Венгрии, во многом потому, что на данном этапе другие великие державы, представлявшие как Антанту, так и Тройственный союз, склонялись к локализации данного инцидента.

Примечательно, что в октябре 1913 г., в отличие от Первой Балканской войны, Лондон был склонен признать некоторую справедливость сербских позиций, поскольку албанцы первыми нарушили границу. Албания, по словам Грея, создавалась как государство под контролем великих держав, а потому они были обязаны не только гарантировать ее границы, но и наблюдать за тем, чтобы сами албанцы их не нарушали⁴⁴.

В своих донесениях британские дипломаты фиксировали психологическую готовность сербов к вооруженному конфликту с Австро-Венгрией из-за албанского вопроса. В Белграде рассчитывали на активное содействие Греции, претендовавшей на территорию Южной Албании (Северного Эпира). Кроме того, в случае нападения Болгарии на Сербию или Грецию предполагалось, правда не ясно, в какой форме, вмешательство в конфликт Румынии (к слову, воспринимавшейся французами и англичанами как фактор балканского равновесия)⁴⁵. Наличие негативного члена в регионе, как-вым, на взгляд Белграда и Афин, выступала Албания, способствовало консолидации сербо-греческого союза, что в принципе отвечало интересам Лондона, поскольку эта коалиция, как уже говорилось, рассматривалась им как опора Антанты в Юго-Восточной Европе.

Государства, стремившиеся к ревизии регионального порядка, оформившегося по итогам Бухарестского мира (Болгария, Турция, не говоря уже об Австро-Венгрии), напротив, считали Албанское княжество значимым элементом с точки зрения его возможного влияния на баланс сил в Балканском регионе. Болгарское правительство, как показал в своем исследовании П.А. Искендеров, принимало деятельное участие в организации антисербского восстания на территории Западной Македонии с привлечением албанцев, а также направляло профессиональных военных для их инструктажа⁴⁶. В случае успешной реализации миссии болгарских офицеров западные границы Сербии, по оценкам А.М. Петряева, подвергались серьезной опасности: организованные албанские отряды «представляли внушительную силу»⁴⁷. Кроме того, периодически поступала информация о том, что турки подстрекали албанское население к антисербскому восстанию⁴⁸.

Таким образом, на Балканах происходило формирование ревизионистской оси Вена-София-Константинополь и Албания. Слаженное взаимодействие этой коалиции, по прогнозам сербских политиков, обернулось бы удручающими последствиями для Сербии и Греции. Ведение боевых действий против албанских племен не позволило бы сербским войскам прийти на помощь Греции в случае ее войны с Турцией из-за Эгейских островов. При таком раскладе существенно улучшались стратегические позиции Болгарии, что позволило бы ей вернуть территории, утраченные в ходе Второй Балканской войны⁴⁹. Все это неоднократно побуждало сербский МИД обращаться к великим державам, прежде всего, представлявшим Антанту, с призывами содействовать скорейшей нормализации греко-турецких отношений.

В любом случае в период между Балканскими войнами и Первой мировой войной траектория политического развития Балканского региона не была окончательно определена. В условиях хрупкости установившегося баланса сил существовало несколько сценариев развития сложившейся на тот момент ситуации: от стабилизации нового регионального порядка до Третьей Балканской войны. То, какой оборот примут события,

зависело от воздействия внешних факторов. Но на этот раз Англия предпочла выйти из игры.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем констатировать, что в начале XX в. политика Великобритании в отношении Албании была очень конъюнктурна. А потому подходы Лондона к решению албанского вопроса варьировались от полной незаинтересованности до непосредственного участия в создании независимого Албанского государства. Расценивая расстановку сил в регионе после Балканских войн как благоприятную, Англия решила сконцентрировать свою дипломатическую активность на других направлениях за счет балканского. Так, дистанцирование Британии от балканских дел обнаружилось в ее нежелании «втягиваться» в урегулирование албанской проблемы. Между тем, столь безучастная позиция мировой державы, ответственной за поддержание международной системы в состоянии равновесия, привела к тому, что Австро-Венгрия расценила ее образ действий как сигнал к проведению более агрессивной политики на Балканах, что выразилось в массивном давлении Вены на Белград осенью 1913 г. из-за сербо-албанского территориального конфликта. В результате, албанский вопрос стал тем фитилем, от которого мог вспыхнуть «пороховой погреб» Европы. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но, вероятно, если бы 28 июня 1914 г. в Сараево не прозвучал роковой выстрел, очередное столкновение на сербо-албанской границе могло бы спровоцировать континентальную войну.

Примечания

¹ *Vivian H. The Servian Tragedy, with Some Impressions of Macedonia.* London, 1904. P. 275.

² *Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 4. Vol. 127.* London, 1903. Col. 693; *Vivian H. The Macedonian Conspiracy // The Fortnightly Review. Vol. 73.* 1903. P. 836–837.

³ *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Pt. 1. Ser. B. The Near and the Middle East, 1856–1914. Vol. 20.* University Publications of America, 1984 (далее – B DFA). Doc. 46 (Albanian Revolt. Letter by C.M. Marling. 20.06.1911). P. 291.

⁴ B DFA. Vol. 20. Doc. 32. (Memorandum by H. Knatchbull-Hugessen. 16.05.1911). P. 263–264.

⁵ B DFA. Vol. 20. Doc. 59 (Annual Report on Turkey for the year 1912). P. 393.

- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 3761. Л. 301. Петряков – Чарыкову. 30.04.1911.
- ⁷ Там же. Чарыков в МИД. 25.05/7.06.1911. Л. 401.
- ⁸ Небезынтересно отметить, что петиция племени маллисоров к главе Форин-оффис Э. Грей с просьбой донести до других держав бедственное положение албанского народа и необходимость реализации основных положений его программы была составлена при непосредственном участии англичанки М.Э. Дарэм. Эта петиция послужила основанием для активизации британской политики в Албании // *Durham M.E. Twenty Years of Balkan Tangle*. New York, 1920. P. 218; *British Documents on the Origins of the War (далее – BD)* / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. Vol. IX(1). London, 1933. № 498. Grey to Salis. 26.06.1911.
- ⁹ BD. Vol. IX (1) № 497. Grey to Russell. 24.06.1911.
- ¹⁰ BD. Vol. IX (1) № 498. Grey to de Salis. 26.06.1911.
- ¹¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. М., 1938. № 132. Нератов – Бенкендорфу 27(14).06.1911; № 135. Н. Гирс – Нератову. 27(14).06.1911.
- ¹² BD. Vol. IX (2). № 104. Paget to Nicolson. 2.11.1912.
- ¹³ The National Archives, UK, Kew (далее – NA). FO 881/10244. P. 19. Austria-Hungary. Annual Report, 1912.
- ¹⁴ BD. Vol. IX (2). № 347. Paget to Grey. 19.12.1912.
- ¹⁵ NA. FO 800/360/34-37. Cartwright to Nicolson. 25.04.1913.
- ¹⁶ BD. Vol. IX (2). № 310. Grey to Goschen. 29.11.1912.
- ¹⁷ BD. Vol. IX (2). № 626. Grey to Buchanan. 17.02.1913.
- ¹⁸ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914 (далее – GP). Bd. XXXIII. Berlin, 1926. № 12284. Kühlmann an Bethman Hollweg. 15.10.1912.
- ¹⁹ GP. Bd. XXXIII. № 12339. Wilhelm II an Kinderlen. 7.11.1912.
- ²⁰ GP. Bd. XXXIII. № 12348. Wilhelm II an das Auswärtige Amt. 9.11.1912.
- ²¹ NA. FO 800/363/251-252. Nicolson to Kitchener. 18.02.1913.
- ²² *Dillon E.J. Albania. To Be or not to Be?* // *The Contemporary Review*. 1914. № 582 (June). P. 881.
- ²³ Ibid. P. 884.
- ²⁴ *Obradivić I. Britanska politika i stvaranje Albanije 1912–1914* // *Tokovi istorije*. 2006. № 4. S. 134.
- ²⁵ NA. FO 800/366/67. Goschen to Nicolson. 3.05.1913.
- ²⁶ NA. FO 800/370/157. Nicolson to Hardinge. 29.10.1913.
- ²⁷ NA. FO 800/372/152. Nicolson to Goschen. 27.01.1914.
- ²⁸ NA. FO 800/366/191. Nicolson to Cartwright. 13.05.1913.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1465. Л. 158. Деша комиссара в Албании Петряева.
- ³⁰ Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 5. 1913. Vol. 56 Col. 2285.
- ³¹ Так, англичане полагали, что Австро-Венгрия не позволит Италии создать военно-морскую базу в Валоне. В противном случае австро-венгерский флот оказался бы блокированным итальянцами в Адриатике // NA. FO 421/287. № 311. O'Beirne to Grey. 2.11.1913.
- ³² *Bosworth R. Italy and the Approach of the First World War*. London, 1983. P. 117.
- ³³ NA. FO 800/372/17. Nicolson to Buchanan. 13.01.1914.
- ³⁴ В 1913–1914 гг. между Англией и Германией велись переговоры по Багдадской железной дороге, завершившиеся подписанием в 1914 г. серий соглаше-

ний. См. подробнее: Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008. С. 226–231.

³⁵ Подробнее о концепции взаимодействия системоразрушающих и системообразующих факторов см.: Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений. М., 2009. С. 50-60.

³⁶ BD. Vol. X (1). № 50. Crackanthorpe to Grey. 21.10.1913.

³⁷ АВПРИ. Ф. 151.Политархив. Оп. 482. Д. 2281. Л. 77. Депеша комиссара в Албании. 19.12.1913; NA. FO 421/287. № 318. Russell to Grey. 13.11.1913.

³⁸ BD. Vol. X (1). № 20. Crackanthorpe to Grey. 25.09.1913.

³⁹ NA. FO 881/10435/12. Servia. Annual Report, 1913.

⁴⁰ BD. Vol. X (1). № 45. Crackanthorpe to Grey. 19.10.1913.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 859. Л.199–199 об. Депеша поверенного в делах в Вене. 10/23.10.1913.

⁴² BD. Vol. X (1). № 43. Grey to Goschen. 18.10.1913.

⁴³ BD. Vol. X (1). № 46. Goschen to Grey. 19.10.1913.

⁴⁴ NA. FO 421/287. № 122. Grey to Goschen. 20.10.1913.

⁴⁵ BD. Vol. X (1). № 20.

⁴⁶ *Искендеров П.А.* Албанский вопрос: от войн Балканских к Первой мировой войне // *Славяноведение*. 2006. № 1. С. 13.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 151.Политархив. Оп. 482. Д. 2281. Л. 50 об. Депеша комиссара в Албании.

⁴⁸ BD. Vol. X (1). № 29. Granville to Grey. 30.09.1913.

⁴⁹ BD. Vol. X (1). № 33. Crackanthorpe to Grey. 8.10.1913.

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ

АЛБАНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ И ЕС (1990–2000-Е ГОДЫ)

Франция и Албания: особая связь в XX веке

Что общего между Албанией и Францией? Вопрос, поставленный таким образом, можно было бы считать провокационным и не имеющим отношения к науке, если бы не одно но: это именно та стартовая точка, с которой исследователь вынужден начать свое изучение проблемы, заявленной в заглавии настоящей работы. Действительно, чем столь разные страны, находящиеся на разных географических и экономических полюсах Европы, могут быть интересны друг другу? Ответов можно найти несколько, и один из них состоит в том, что ключевым процессом в Европе с 1990-х годов стало *расширение евроинтеграции* на пространство, ранее занятое социалистическим лагерем. Обе страны, рассматриваемые в нашей статье, приняли в ней участие, хотя и по-своему: Франция выступила здесь как лидер ЕС, игравшая ведущую роль во франко-германском тандеме вплоть до последних лет, Албания же, как и ее балканские соседи, скорее сыграла роль новичка, стремящегося скорее стать «своим» в престижном клубе. Тем самым, отношения двух стран представляют собой одну из любопытных вариаций взаимодействия западноевропейского и восточноевропейского полюсов, предпринявших с конца 1980-х годов движение навстречу друг другу. В этой конструкции Албания являет собой, с одной стороны, типичный, с другой — неординарный пример. Типичность его состоит в том, что небогатая восточноевропейская страна с небольшими ресурсами стремится попасть в «Большую Европу». Неординар-

ность же можно увидеть в том, что, в отличие от других стран Восточной Европы, имевших определенные (и, судя по всему, еще не полностью исследованные) связи с Западом и в годы bipolarности (Польша, Югославия и пр.), Албания с 1945 г., а затем с 1960-х годов выстраивала свою внешнюю политику на принципе изоляционизма. По сути, страна во второй половине XX в. была оторвана и от ЕЭС/НАТО, и с 1960-х годов – от СЭВ/ОВД. Тем самобытнее оказался путь Тираны в «общеевропейский дом» с конца 1980-х годов.

В отношениях Албании и Франции в XX в. имеется своя предыстория. Приведем из нее несколько фактов, которые, как представляется, должны помочь в понимании настоящего периода этого диалога. Нельзя сказать, что Франция была ключевым союзником или партнером Албанского государства на протяжении XX столетия, однако свою роль, в отдельные моменты весьма важную, она все же сыграла. Сегодня в Париже гордятся тем, что в 1917 г., с согласия французского командования, в Албании была создана автономная область Корча, что сыграло «важную роль в спасении Албании». Франция оказалась также первой западной страной, восстановившей свое дипломатическое присутствие в Тиране в 1945 г.¹, в то время как Англия и США не спешили с подобными инициативами. В начале 1960-х годов, когда албанская компартия, отказавшись поддержать КПСС в спорах с КПК², оказалась в немилости у Москвы, и с поставками зерна из СССР начались перебои, именно к Франции официальная Тирана обратилась с просьбой о закупках продовольствия³. В силу своей закрытости Народная республика Албания (НРА) оказалась единственной европейской страной, проигнорировавшей крупнейший послевоенный конгресс Старого Света – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки в 1975 г. На тот момент «НРА поддерживала дипломатические, торговые и культурные отношения с 72 странами, оставаясь по сути дела закрытой страной, изолированной от внешнего мира», – отмечает Н.Д. Смирнова, автор «Истории Албании в XX веке»⁴.

В то же время, судя по всему, отношение официальной Тираны к Франции несколько отличалось от общего отноше-

ния к «Западу». Одной из причин этого можно считать определенное культурное влияние Франции, а именно — роль французского лицея в Корче, основанного в межвоенный период. Именно из его стен в конце 1920-х годов выпустился Энвер Ходжа, причем, после окончания лицея будущий лидер Албании отправился на учебу во французский город Монпелье. Вернувшись из Франции, Ходжа некоторое время работал в лицее, а затем переключился на партийную деятельность⁵. Неудивительно, что Франция, как в силу персонального опыта Ходжи, так и в силу самостоятельной позиции Ш. де Голля в Европе, действительно могла стать особой страной для албанского вождя. Более того, К.К. Худoley утверждает, что «в XX веке албанская левая интеллигенция во многом ориентировалась на Францию. (...) Даже в годы «холодной войны» албанская пропаганда практически воздерживалась от выпадов против Франции, а порой даже противопоставляла Францию и США»⁶. Как бы то ни было, фактом остается весьма активный период сотрудничества Тираны и Парижа в 1960–1972 гг. — за 12 лет между ними были подписаны 19 (!) двусторонних соглашений, некоторые из которых действуют до сих пор, например, финансовая конвенция 1962 г., договор о торговле и мореплавании 1963 г., соглашение о международных грузоперевозках 1971 г.⁷ Продолжался и научно-культурный обмен: в 1978 г. на стажировку во Францию (через каналы ЮНЕСКО) попал албанский врач-кардиолог Сали Бериша⁸ — будущий первый президент постсоветской Албании. Таким образом, своеобразная культурная связь между Парижем и Тираной сыграла свою роль в историческом пути Албании в XX столетии.

Нужны ли Албания и Франция друг другу?

Крушение биполярности в конце 1980-х годов радикальным образом изменило политическую карту Старого Света, а, следовательно, и внешнюю политику Албании. Либерализация режима в стране после смерти Э. Ходжи становится основанием для отхода официальной Тираны от изоляционизма и отказа от концепции «осажденной крепости». Потепление начинается с 1987 г. В апреле 1990 г. президент Рамиз Алия за-

являет о перспективах сотрудничества с ЕЭС, а в июне 1991 г. премьер-министр страны Ю.Буфи объявил постулаты новой внешней политики Тираны. Как и у других стран Восточной Европы, в их число входили стабилизация экономики с помощью рецептов Запада, политическая интеграция в европейские структуры, активное участие в СБСЕ (куда Албания была принята в 1991 г.), а также – сотрудничество с соседними европейскими странами и Турцией⁹. Албания отходит от изоляционизма, пытаясь найти союзников в регионе (Македония, Хорватия и Турция как возможный противовес Греции и Сербии) и в мире. Тирана обращается к США, ЕС, исламским странам (вступление в ОИК¹⁰ в 1992 г.).

Следует отметить, что Франция вовсе не является страной №1, заинтересованной в углублении связей с Тираной. Париж предстает лишь одним из партнеров, на которых рассчитывает положиться Тирана. По сути, можно говорить о трех группах партнеров, к которым обращаются албанские власти. Это великие державы: в первую очередь, естественно, США (с учетом крушения советского блока в 1991 г.) и страны ЕС (позже к ним добавится Россия); затем наиболее важные соседние страны – Греция, Италия, Сербия и Турция; и прочие соседи – Черногория, Македония и др.¹¹. Как и во Франции, доминирующей идеей в Албании становится евроатлантизм: ориентация на НАТОвские и ЕСовские структуры с перспективой присоединения. Поэтому Тирана предпринимает шаги в обоих направлениях. На европейском фланге, став членом СБСЕ, Тирана в 1992 г., как и другие восточноевропейские государства, подписывает с ЕС соглашение о торговле и сотрудничестве, подключается к гуманитарной программе ЕС PHARE и подает заявку на вступление в Совет Европы (СЕ) – «приемную» Евросоюза. В 1995 г. Албания, как и Россия, принята в члены СЕ¹². С другой стороны, Тирана делает шаги навстречу Вашингтону: с 1994 г. становится членом программы НАТО «Партнерство ради мира», в 1995 г. спецпредставитель Б. Клинтона Р.Холбрук наносит в Албанию визит, поддерживая будущее вступление балканской страны в НАТО, а самолеты Североатлантического блока используют территорию Ал-

бании для базирования в ходе войн в Боснии¹³. В 2001 г. Тирана поддержит вторжение США в Афганистан, а в 2003 г. – в Ирак. Тогда же вместе с Албанией, Хорватией и Македонией страна подпишет Адриатическую хартию, декларирующую стремление трех стран стать членами НАТО.

Таким образом, власти Албании заявили о своей готовности к диалогу с различными евроатлантическими странами, чем уже в 1991 г. поспешили воспользоваться министры иностранных дел Италии, Германии и США. Особо активна в этом вопросе была Италия, обеспокоенная потенциальной проблемой албанских беженцев на своих границах¹⁴. Старалась не отставать от своих партнеров и Франция: в июле 1991 г. с визитом в Тирану прибыл государственный министр по гуманитарным вопросам Бернар Кушнер¹⁵. Однако в целом же заинтересованность в двустороннем сотрудничестве (как с Западом в целом, так и с Францией, в частности) на тот период исходила именно из Тираны. В случае с Парижем об этом говорит частота официальных визитов: с 1991 г. до 1998 г. – обострения косовского кризиса – представители Албании были во Франции 6 раз (в том числе 1 раз на уровне президента, 2 раза – на уровне премьера), тогда как французские руководители были в Тиране только 4 раза (причем, лишь на уровне министров и ниже).

Ключевой вехой здесь, вероятно, стал визит премьер-министра Албании Александра Мекси в Париж 11–14 декабря 1994 г., в ходе которого Мекси и его французский коллега Ален Жюппе подписали «Договор о дружбе, сотрудничестве и союзе». Среди его статей показательны три: Ст. 2., в которой Париж обязуется *способствовать сближению Тираны с ЕС и ЗЕС**, поддержит подписание соглашения по ассоциации Албании с

* Западноевропейский союз (ЗЕС) существовал в 1948–2011 гг., в состав входило 28 стран. В 1948 г. Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды и Франция подписали Брюссельский пакт, целью которого в т.ч. было создание «коллективной самообороны» против возможного агрессора (в первую очередь СССР). Парижским соглашением 24 октября 1954 г. на основе Пакта была создана специальная структура – Западноевропейский союз. В годы холодной войны ее функции исполнял НАТО. В 1980-х годах шла «реставрация» ЗЕС, а к активной деятельности он вернулся после подписания Маастрихтского договора о ЕС 1992 г. С 1996 г. ЗЕС выполнял оперативные функции в сфере обороны безопасности ЕС, но в 2000-х годах слабел и в июне 2011 г. прекратил работу.

ЕС и будет *положительно смотреть на перспективу вхождения Албании в ЕС*; Ст.4, в которой Франция *поддерживает вступление Албании в Совет Европы*; Ст.8 — *о поддержке строительства в Албании рыночной экономики*¹⁶. Все это, на наш взгляд, красноречиво подтверждает ключевые интересы сторон: доступ Албании в «Единую Европу», а Франции — на потенциальный балканский рынок.

К концу 1990-х годов страны Западной Европы, в том числе Франция, начинают уже серьезнее обращать свой взгляд на Балканы. Это выражается как в учащении визитов французских лидеров в Тирану, так и в ряде других практических действий и инициатив с участием албанской стороны. Чем это можно объяснить?

Во-первых, для Парижа, Берлина, Рима и т.д. речь идет как о *потенциальных рынках, так и о будущих партнерах по евроинтеграции*. Не случайно в апреле 1997 г. Франция участвует в полицейской операции «Альба» (проходящей под руководством Италии) по доставке гуманитарного груза в Албанию в период внутривосточного кризиса в этой стране накануне выборов¹⁷. В этой акции приняли участие 11 стран, в том числе 8 стран-членов ЕС. Из общего контингента военных сил — около 7200 чел., численность итальянцев составила 3000 чел., затем шли французы (950 чел.), греки (800), турки (770), а также военнослужащие из Австрии, Бельгии, Дании, Испании, Португалии, Румынии и Словении. Операция завершилась успешно: присутствие «военных туристов» помешало сорвать избирательный процесс¹⁸.

В том же 1997 г. во французском Сенате был представлен доклад, подготовленный социалистом Андре Рувьером, в котором приводился удивительный факт: неожиданно для парижских сенаторов выяснилось, что около 30% населения Албании говорят по-французски. Учитывая столь важный для франкоязычного сообщества (франкофонии) факт, автор доклада с сожалением отметил, что средств, выделяемых Парижем на поддержку развития французского языка в Албании, явно недостаточно. По его словам, как ни парадоксально, выход Албании из изоляционизма на международной арене,

в силу доминирования английского языка, рискует нанести удар по позициям французского языка в стране¹⁹.

Указав на то, что франко-албанское сотрудничество затрагивает также административную сферу (организация власти на местах в Албании по французской модели), здравоохранение (образование албанских медиков) и сельское хозяйство (услуги французских специалистов), А. Рувьер призвал коллег ратифицировать договор 1994 г. и укреплять отношения с Албанией, которая может стать объектом французского влияния на Балканах, для чего в стране необходимо развивать соответствующую культурную политику. В том же 1997 г., как отмечалось в докладе, Албания стала страной-наблюдателем в Международной организации франкофонии. В то же время автор констатировал, что сближение Тираны с ЕС ставит более сложные проблемы в силу «экономической отсталости» страны. Из всех переходных стран, говорилось в тексте, Албания получила наибольшую экономическую помощь в пересчете на каждого жителя Евросоюза²⁰.

Во-вторых, усиление внимания к Албании связано с *обострением косовского кризиса* (показательно, что за 1998–1999 гг. представители французского руководства нанесли в Албанию 7 визитов, из них 6 – в 1999 г., т.е. почти в 2 раза больше, чем за предыдущий период). Более того, один из визитов нанес лично премьер-министр Лионель Жоспен. В свою очередь, албанские руководители, включая президента Реджепа Мейдани и премьер-министра Фатоса Нано, побывали во Франции за это время и вовсе 14 раз (6 раз в 1998 г. и 8 раз в 1999 г.)²¹. Стороны стали партнерами по обсуждению перспектив кризиса, в котором, как известно, Париж поддержал курс Приштины на провозглашение независимости, признав, как и Албания, 14 февраля 2008 г. косовский край государством.

Франция и курс Албании на евроинтеграцию

Уроки косовского кризиса и новая волна расширения ЕС в 2000-х годах заставили ЕС задуматься о перспективах подключения Юго-Восточной Европы к интеграционным процессам. Не последнюю роль в этом должна была играть и

Албания, продемонстрировавшая свою готовность «европеизироваться». В июне 2000 г. на саммите ЕС в Фейре (Португалия) Албания была впервые названа потенциальным кандидатом в Евросоюз²².

Тогда же по инициативе Парижа был выдвинут «Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы» (1999 г.), предполагавший подключение стран региона к процессу сближения с ЕС. Франция также приветствовала саммиты ЕС и Западных Балкан 2000 г. в Загребе и 2003 г. в Салониках. Проект «Союза для Средиземноморья», выдвинутый Н.Саркози в 2008 г., предполагал участие в нем и балканских стран, в том числе Албании. В то же время, в принципе поддерживая процесс постепенного включения балканских стран в ЕС, Франция сегодня прямо предупреждает, что рассчитывать на скорое вступление Албании и ее соседей не стоит, в первую очередь, из-за необходимости приведения их политических, экономических и жизненных стандартов к уровню Евросоюза. Среди реформ, начатых в Албании с 1990-х годов для достижения этой цели, следует назвать судебную и административную, таможенную и управленческую, реформы в области инфраструктуры и образования. ЕС не раз критиковал Тирану за медленный темп реформ, наличие сильной коррупции и преступности²³. Серьезными проблемами остаются аграрный уклад страны (60% населения заняты в сельском хозяйстве, которое дает 20% ВВП), безработица (12,4% в 2008 г.), бедность населения (в 2009 г. годовой доход среднего албанца оценивался в 2500 евро в год, т.е. в 12 раз меньше, чем во Франции)²⁴. Плюс, разумеется, нынешний финансовый кризис в ЕС временно отодвигает перспективу новых расширений «Единой Европы» (после Хорватии, которая вступила в ЕС 1 июля 2013 г.) еще дальше.

Курс Албании на евроинтеграцию не подлежит сомнению: в 2006 г. Тирана заключила соглашение по ассоциации с ЕС (вступило в силу в 2009 г.), а в 2009 г. подала заявку на членство в ЕС. Несмотря на скромные экономические показатели, политические позиции Албании как потенциального кандидата в ЕС на Балканах выглядят не такими уж и фантастическими. У Албании нет проблем с официальным названием (как у Маке-

донию), с территориальной целостностью (как у Боснии) или границами (как у Сербии). Разумеется, это не меняет ее внутренних проблем, но зато представляет ее внешнеполитически в довольно выгодном свете в сравнении с другими странами-кандидатами региона в «европейскую семью».

Франция, хотя ее торгово-экономическое влияние здесь невелико (ключевой партнер Албании и ее соседей – Италия, а торговый оборот Франции с Албанией (100 млн евро) уступает обороту Франции и с Сербией (416 млн евро), и с Боснией (126 млн евро), не говоря уже о Хорватии (413 млн евро) и других странах региона, входящих в ЕС), способна *как лидер стран «южного фланга ЕС»* сыграть важную роль в процессе переговоров Тираны с Брюсселем. Свои возможности в этом плане она не раз доказывала, например, в случае с Турцией. Весь вопрос, насколько это будет нужно самому Парижу.

* * *

Как показала история XX–начала XXI вв., Франция и Албания не были ни привилегированными партнерами, ни союзниками, ни даже просто близкими странами друг к другу. Географический детерменизм и историческая судьба тесно связали Францию со странами Западной и Центральной Европы, а Албанию – с государствами Балкан и Адриатики. Тем не менее, принадлежность к Средиземноморью стала существенным фактором, позволившим обеим странам наладить своеобразный диалог.

Несомненно, что ключевым каналом, в рамках которого развивались франко-албанские отношения, стала культура, причем культура французская. Именно Париж в первую очередь привлекал Тирану, причем развитие культурных связей способствовало дальнейшему политическому и экономическому диалогу двух государств. Другим важным каналом стала евроинтеграция, в частности, расширение сферы влияния ЕС на Балканы, в чем, помимо прочего, была заинтересована и Франция, имевшая с балканскими странами связи начиная с XIX в. Необходимость урегулирования кризисных ситуаций на полуострове и его стабилизация обусловили интерес Пари-

жа к процессам, происходящим в Албании и соседних с нею странах, и стали важным импульсом для франко-албанского диалога. Важно отметить и то, что поскольку грань между внутренними и внешними делами среди членов ЕС становится все более размытой, Франция ведет с Албанией диалог не только как отдельная страна, но и как представитель ЕС, извлекая, естественно, из этого свою выгоду. Что касается Албании, то осознавая свое пока еще относительно маргинальное положение в Европе, страна намерена продолжать курс на интеграцию с ЕС, а значит, франко-албанский диалог еще ждет свое будущее.

Приложение

**Примерный объем
торгово-экономического сотрудничества Франции на Балканах
в конце 2000-х годов²⁵**

	Позиции Франции в торговле страны	Объем торгового оборота, евро	Экспорт из Франции в страну, евро	Импорт Франции из страны	Численность французской общины в стране	Численность общины страны, живущей во Франции
1	2	3	4	5	6	7
Страны-члены ЕС						
Греция (с 1981)	6 место (1 место – ФРГ и Италия)	Около 3,3 млрд	2,591 млн (2011)	724 млн (2011)	Около 17654 чел. (2008)	35 000 чел.
Румыния (с 2007)	3-4 места (1 место – ФРГ)	2,87 млрд	1,51 млрд (2012)	1,36 млрд (2012)	2100 чел.	Нет данных
Словения (с 2004)	4 место (1 место – ФРГ)	Около 2,3 млрд	1009 млн (2010)	1379 млн (2008)	650 чел. (2009)	3000 – 15 000 чел.
Болгария (с 2007)	6-8 места	Около 1,5 млрд	913 млн (2008)	623,1 млн (2008)	Около 1200 чел.	Нет данных
Хорватия (с 2013)	8-10 место (1 место – Италия)	413 млн	297 млн (2009)	1 116,2 млн (2009)	Около 1000 чел. (2010) + 400 тыс. франц. туристов в год	Около 3500 чел. (2010)

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7
Страны-кандидаты в ЕС						
Сербия	11 место (на 1-х местах – Италия, Россия, ФРГ)	416 млн	232 млн (2010)	184 млн (2010)	1357 чел. (2008)	80 000 – 120 000 чел.
Босния и Герцеговина	11-13 места (на 1 месте – Хорватия)	126,2 млн	71,5 млн (2008)	54,7 млн (2008)	243 чел. (2009)	Около 10 000 чел.
Албания	8 место (1 место – Италия)	100 млн	53 млн (2011)	47 млн (2011)	139 чел. (2011)	Около 3800 чел. (2011)
Македония	(1 место – Сербия)	65,1 млн	44,9 млн (2009)	20,2 млн (2009)	190 чел. (2010)	2706 чел. (2008)
Черногория	11 и 31 места (1 место – Сербия)	Около 20 млн	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Косово (частично признанное государство)	Нет данных (1 место – Македония, Италия)	11,6 млн	10,2 млн (2010)	1,4 млн (2010)	130 чел. (2010)	40 000 чел. (2010)

Примечания

¹ <http://www.ambafrance-al.org/spip.php?article22>.

² КПК – Коммунистическая партия Китая.

³ Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 319.

⁴ Там же. С. 344–345.

⁵ В 1934–1936 гг. Э. Ходжа на государственную стипендию учился на факультете естественных наук в университете Монпелье. Ходжа не сумел его окончить, зато посмотрел не только Францию, но и Бельгию. Не исключено, что он сотрудничал с газетой «Юманите», как это утверждает Большая Советская Энциклопедия // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 46. М., 1957. С. 254–255; Смирнова Н.Д. Указ. соч. С. 194–195.

⁶ Худoley К.К. История Албании. Учебное пособие. СПб, 2005. С. 84.

⁷ См. базу данных документов на официальном сайте МИД Франции: <http://basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/cadcgpr.php>

⁸ Смирнова Н.Д. Указ. соч. С. 367.

⁹ Там же. С. 357, 367, 375.

- ¹⁰ Организация Исламская конференция (ныне – Организация исламского сотрудничества) – международная организация исламских стран. Штаб-квартира – в Джидде (Саудовская Аравия).
- ¹¹ http://www.iris-france.org/docs/consulting/2003_albanie.pdf С. 36.
- ¹² *Худолей К.К.* Указ. соч. С. 68.
- ¹³ Там же. С. 79; *Смирнова Н.Д.* Указ. соч. С. 386.
- ¹⁴ *Худолей К.К.* Указ. соч. С. 78, 88.
- ¹⁵ *Смирнова Н.Д.* Указ. соч. С. 376.
- ¹⁶ <http://basedoc.diplomatie.gouv.fr>.
- ¹⁷ <http://www.senat.fr/rap/r97-181/r97-1812.html>.
- ¹⁸ *Смирнова Н.Д.* Указ. соч. С. 395–396; <http://www.senat.fr/rap/r97-181/r97-1812.html>.
- ¹⁹ <http://www.senat.fr/rap/l97-182/l97-182.html>.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ <http://www.ambafrance-al.org/Presentation-et-historique>.
- ²² *Худолей К.К.* Указ. соч. С. 85.
- ²³ Там же.
- ²⁴ <http://www.touteurope.eu/fr/actions/construction-europeenne/elargissement/presentation/pays-candidats-et-candidats-potentiels-informations-generales/albanie.html>; <http://www.liberation.fr/monde/0101569910-une-envie-d-albanie>.
- ²⁵ Составлено автором по материалам министерств и ведомств Франции: http://www.ambafrance-ro.org/IMG/pdf/_2012_11_La_France_retrouve_une_position_commerciale_excedentaire.pdf; http://www.amb-bulgarie.fr/serv_economique.php; http://www.tresor.economie.gouv.fr/2816_les-relations-economiques-entre-la-france-et-le-montenegro.

**ДОКУМЕНТЫ
И
ИЛЛЮСТРАЦИИ**

Марина Михайловна ФРОЛОВА

МАТЕРИАЛЫ О ПУТЕШЕСТВИИ РУССКОГО КОНСУЛА М.А. ХИТРОВО ПО ОХРИДСКОМУ КАЙМАКАМЛЫКУ ЛЕТОМ 1864 Г.

Публикация

М.А. Хитрово (1837–1896), первый российский консул в г. Битоля (Монастир) (1861–1864), практически через месяц после своего приезда к месту службы в частном письме от 20 апреля (2 мая) 1861 г. к Е.П. Ковалевскому, директору Азиатского департамента МИД (1856–1861), просил разрешения совершить «некоторые путешествия, а именно: в Флорину, Охриду, Дибру¹, Скопию и в особенности в Велес»². В 1862 г. князь А.Б. Лобанов-Ростовский, посланник России в Константинополе (1859–1863), ответил положительно на данный запрос Хитрово. Наконец, в конце июля – начале августа 1864 г. такая возможность представилась, и Хитрово отправился в поездку в Дебарский санджак (округ), во время которой посетил г. Охрид и монастыри: Св. Наума близ г. Охрид, Св. Иоанна Предтечи в Дебарском санджаке и во имя Успения Пресвятой Богородицы или более известный под именем «Богородица Пречистая» близ г. Крчево (Кичево). Обратный путь его лежал через г. Струга и Охрид.

В фонде российского консульства в Битоля, хранящегося в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2.), сохранилась копия с донесения Хитрово об этом путешествии, отправленного на имя Н.П. Игнатьева, в то время директора Азиатского департамента МИД (1861–1864). К сожалению, в этом архивном деле у данного документа утрачены последние листы (Л. 56–58 и об.), где сообщается о пребывании Хитрово в Струге и Охриде.

Следует сказать, что советский историк И.Г. Сенкевич обнаружила это донесение в другом фонде АВПРИ, «Посольство в Константинополе» (Ф. 180. Д. 4323), и в 1963 г. в сборнике «Славянский архив» опубликовала из него некоторые отрывки, находившиеся на листах 29–31 об., 41–43 об., 50 об., 51–52 об., 54–58 об.³. В настоящее время этот архив закрыт на ремонт на неопределенное время, поэтому восстановить недостающие страницы документа из фонда 213, обратившись к фонду 180, не представляется возможным. Однако описание путешествия русского консула столь примечательно и значимо, благодаря его фактологической и статистической составляющим, остроте и верности наблюдений Хитрово, что полная публикация без купюр всех 55 листов (включая и оборотные) будет, на наш взгляд, интересна и важна как для специалистов, так и для любознательного читателя. Недостающие листы (56–58 и об.) будут компенсироваться повторением публикации тех отрывков, которые были изданы Сенкевич. Отрывки, уже напечатанные в «Славянском архиве», отмечены в тексте ссылками на соответствующие страницы публикации И.Г. Сенкевич. Следует еще отметить, что указанное донесение М.А. Хитрово из фонда 213 имеет двойную нумерацию листов: внутренняя нумерация начинается с 21 листа и заканчивается 55 листом, что совпадает с нумерацией документа, опубликованного И.Г. Сенкевич, а в общей нумерации всего дела № 2 донесение Хитрово начинается с листа 113, заканчиваясь соответственно 147-м листом.

**АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 113–147 об.
(21–55 и об.).**

**Копия (за № 218) с донесения консула в Румелии
и Средней Албании**

*г. директору Азиатского департамента за № 217
Битоля, от 6 августа 1864 г.*

Еще в конце 1862 г. вследствие представлений моих императорская миссия нашла нужным предписать мне сделать в свободное время некоторые поездки по средней Албании с целью достав-

ления сведений об этой мало известной стране, входящей в состав Румелийского зялета.

До сих пор по разным причинам я не мог исполнить это предположение: нынешнее же затишье в делах позволило мне осуществить оное хоть в ограниченном виде.

Имея необходимость посетить Стругу для разбирательств известного императорской миссии из донесения моего от 16 июня с.г. за № 179 дела о притеснениях и обидах, учиняемых Охридским митрополитом проживающему в Струге семейству русскоподданного Наума Банова, я решил воспользоваться этим случаем, дабы посетить другие окрестности Охридского озера и Дибрский округ и собрать более подробные сведения о положении дел в Охридской и Дибрской епархиях.

С этой целью кроме городов Охрида и Струга я посетил храмовые праздники – 20 июня в монастыре Св. Наума при Охридском озере, и 24 июня в монастыре Св. Иоанна Предтечи в Дибрском округе, и монастырь во имя Успения Пресвятой Богородицы близ Крчево.

Ныне, возвратившись из этого путешествия, считаю долгом представить Вашему превосходительству собранные мною сведения и очерк снятой мною путевой карты, которая дает наглядное понятие об относительном положении различных посещенных мною местностей.

Обилие материала не позволяет мне останавливаться на подробностях и, предоставляя себе изложить впоследствии собранные мною эти статистические и этнографические факты в отдельной записке, я принужден ограничиваться в настоящем донесении изложением только тех из собранных мною фактов, которые представляют непосредственный интерес в смысле политическом и религиозном.

Древнейший монастырь Св. Наума, расположенный в чрезвычайно живописной местности на юго-восточной оконечности Охридского озера, пользуется большим уважением в среде окрестного народонаселения. Память седмичисленников*, сподвижников Св. Кирилла и Мефодия, высоко почитается в здешней местности, бывшей когда-то ареной их апостольской деятельности.

* Седмичисленники – так называются в Русской православной церкви Кирилл и Мефодий, вместе с их пятью учениками: Гораздом, Климентом, Ангеларом, Саввой и Наумом. Болгарская церковь признала их святыми (прим. автора публикации).

Даже нынешние мусульмане-албанцы и болгаре, изменившие вере отцов, сохраняют до сих пор веру в чудодействия Святых седмичисленников. Но устные о них предания, переходя из рода в роды, естественно испестрились вымыслами народной фантазии, и теперь трудно отыскать в них первобытные черты исторической истины. Таким образом, в веровании здешних мусульман время деятельности Св. седмичисленников принесено в позднейшую эпоху турецкого владычества, беспрестанно встречались легенды, повествующие о небывалых отношениях того или иного из Св. сподвижников Кирилла или Мефодия к какому-нибудь турецкому бею, и в понятиях простых здешних мусульман сами седмичисленники являются полухристианскими-полумусульманскими святыми.

В особенности сильная вера сохранилась между здешними мусульманами в чудодействие Св. Наума, и из всех седмичисленников он пользуется наиболее с их стороны почитанием. Св. Наум признается заступником и целителем умалишенных, и верование это одинаково сильно и в христианах, и в мусульманах. Из всего Арнаутлука умалишенные равно христиане и мусульмане привозятся в монастырь Св. Наума для излечения.

Мощи святого, находящиеся в темном углу древней церкви, есть предмет общего поклонения, и над нею также часто раздается мусульманский намаз, как и христианская молитва.

На храмовый праздник в монастырь Св. Наума стекаются поклонники из всех местностей Албании и прилегающих провинций. Обстоятельства эти, равно как и положение монастыря Св. Наума среди ныне почти исключительно мусульманского народонаселения, но в котором живут еще некоторые воспоминания о прежнем христианстве и которые рано или поздно неминуемо должны возвратиться к оставленной вере отцов, придают монастырю этому особенно важное значение, и нельзя не пожалеть о том, что материальное состояние и внутреннее устройство монастыря в настоящее время далеко не соответствует его религиозному и политическому значению в Албании.

С уничтожением Охридской болгарской патриархии древняя обитель Св. Наума попала в руки корыстных греческих епископов, которые, один за другим сменяясь на Охридском престоле, заодно с назначаемыми игуменами и епитропами* из охридских

* Епитропы – управители имуществом различных церковных учреждений, главным образом, церквей и монастырей.

обывателей не переставали и не перестают разорять монастырь, обращая большую часть его доходов в свою пользу. Еще недавно полунезависимые правители Албании из местной аристократии, помнившие свое христианское происхождение, не только защищали монастырь Св. Наума от всяких насилий, но даже сами поддерживали его своими богатыми пожертвованиями. С введением же Танзимата (1839), со вступлением Турции на путь пресловутого прогресса и реформ и с назначением всех областных правителей из стамбульских чиновников монастырь утратил последнюю защиту и теперь, как и другие монастыри в Турции, предоставлен самолюбию турецкой администрации.

Если благодаря религиозному равнодушию местного албанского мусульманского народонаселения монастырь не испытывает со стороны его никаких насилий, зато он испытывает все возможные [насилия] со стороны официальных рачителей порядка и безопасности.

Под предлогом преследования разбойников, шляющихся по дорогам, шайки заптие* (в Охриде заптие еще не переименованы в жандармы) по целым месяцам живут в монастыре на полном его содержании. Находясь на проезжей дороге из Битоля в Корчу (Джорджио), монастырь Св. Наума беспрестанно подвергается военным и всевозможным обременительным постоям, на содержание которых едва хватает монастырских доходов, проистекающих от незначительных вольных пожертвований посетителей и от двух принадлежащих ему чифтликков (населенных имений).

Все эти обстоятельства довели ныне монастырь до жалкого положения и ввергли его в значительные долги, проценты на которые с каждым годом возрастают и увеличивают капитальный долг. Кредиторы монастыря большей частью турки, которые, разумеется, далеко не снисходительны в своих требованиях и вряд ли поспеваются прибегнуть к самым решительным мерам при взыскании монастырских долгов.

Ныне за монастырем Св. Наума как и за всеми прочими монастырями македонскими осталось одно имя монастыря: монахов в нем нет. Он управляется игуменом-греком и несколькими эпитропами из охридских чорбаджи, приверженцев митрополита, заодно расточающих монастырское имущество.

* Заптие – жандарм в Османской империи.

Ежедневное богослужение над гробом Св. Наума, одной из древнейших святынь славянских, совершается неряшливо на греческом языке в древней бедной церкви несколькими бедно облаченными светскими священниками, семейства которых могут держаться на счет монастырских доходов.

Охридские христиане глубоко опечалены нынешним упадком монастыря Св. Наума и серьезно озабочены изысканием средства поддержать эту общечтимую древнюю святыню.

Средство оказалось под рукой; но благие намерения большинства парализуются несколькими лицами, заинтересованными в сохранении существующего порядка вещей.

Монастырь Св. Наума, как говорят, был когда-то метохом* Святогорского Зографского монастыря, который и теперь заявляет права свои на эту собственность. Охридяне очень хорошо понимают всю пользу, которую они могли бы извлечь для всей страны и для самого монастыря Св. Наума, превративши его снова в метох Зографский. Строгая монастырская жизнь и живое сочувствие к болгарскому народному делу нынешнего зографского игумена архимандрита Анфима сделали имя его весьма популярным между турецкими славянами. По внутреннему благоустройству, по строгости жизни монашествующей братии и по счастливому ее составу Зографский монастырь справедливо может быть почитаем образцовой обителью. Конечно, не из корыстных видов заявляет Зографский монастырь права свои на монастырь Св. Наума, от приобретения которого он не извлечет для себя никаких материальных выгод; и в виду той пользы, которую он мог бы принести здешней стране, и в виду поддержания замечательного и древностью, и святынею славянского памятника. Богатая святогорская обитель легко уплатила бы сразу долги монастыря Св. Наума.

Греческое богослужение заменилось бы славянским. Нынешний игумен и светские священники были бы заменены несколькими достойными монахами, которые могли бы завести в монастыре училище и легко приобрели бы значение и влияние не только между христианами, но даже и в среде местного мусульманского населения. Наконец, Святогорскому монастырю, стоящему вне зависимости от местного епархиального начальства и находяще-

* Метох – на Балканах небольшой монастырь (или церковь), подчиненный более крупному монастырю и представляющий хозяйство этого монастыря. Метох может располагаться как в городе, так и в сельской местности.

муся под непосредственным покровительством Патриархата, было бы легко защищать свой метох и от злоупотреблений митрополита, и от своеволия местной турецкой администрации. Таким образом, доходы монастыря, не расточаемые более на содержание турецких постов и на удовлетворение корысти греческих епископов и всех клиентов, могли бы быть обращены на украшение обители. На место пришедших в ветхость монастырских строений и рядом с слишком тесной древней церковью не замедлили бы воздвигнуть новые здания и достаточно обширный для помещения многочисленных поклонников новый храм, достойный осенять столь чтимую святыню.

Охридские христиане все это хорошо понимают, и ныне составила в Охриде многочисленная партия, готовая поддержать притязания Зографского монастыря на монастырь Св. Наума и желающая снова видеть ныне падший монастырь благоустроенным метохом святогорской обители. Но, к сожалению, благие намерения этой партии встречают едва ли не непреодолимые препятствия со стороны митрополита и малочисленных его приверженцев.

В монастыре Св. Наума, где были предупреждены о моем приезде, я встретил сильно радушный и почетный прием. Духовенство и епитропы встретили меня с колокольным звоном и иконами. Вся масса собравшегося в монастыре народа выступила далеко ко мне навстречу и провожала меня до монастыря. Любопытное зрелище представляла эта пестрая толпа поклонников, собравшихся пешком и верхом из всех концов Арнаутлука, и среди которых мусульмане-албанцы столь же многочисленны, как и христиане. Вкруг монастыря разбиты бараки, в которых происходит торг и обмен простых произведений самой строгой необходимости, в числе которых едва ли не первое место занимают ружейные кремни и готовые фишеки (патроны) – таковы здешние нравы и обычаи.

В нынешнем году на панагире (храмовый праздник) народа было тысяч до пяти; но, говорят, в прежние годы собиралось гораздо больше. Таким образом, в этот раз поклонников из отдаленных мест – Битоля, Крушова и Елбассана, было мало по причине опасностей, сопряженных путешествиям от чрезвычайно многочисленных в нынешнем году разбоев.

В ближайших окрестностях монастыря Св. Наума христианских сел мало, на юг и на запад от монастыря начинается уже совсем сплошная масса арнаутского населения почти вовсе без

всякого постороннего элемента, кроме редко, там и сям разбросанных одиноких влашских сел. В час расстояния от монастыря на южной оконечности Охридского озера расположено большое албанское село Старово, место пребывания старовского мудира*. В Старове пребывает одна весьма древняя фамилия албанских беев, пользующихся значительным влиянием в этой местности. Здешние албанцы (тоски), сохранившие еще древние албанские нравы, но уже давно официально подчинившиеся Танзимату** и, следовательно, находящиеся в совсем иных политических условиях, нежели почти независимые дибрские албанцы (геги), о которых я буду иметь случай говорить впоследствии. Тем не менее и здесь беи не утратили еще наследственного своего влияния на тоскское народонаселение, и правительство принуждено беспрестанно обращаться к их помощи для удержания хоть некоторого порядка в стране.

Таким образом, по установившемуся с давних пор обычаю, полицейская власть на панагире в монастыре Св. Наума представляется старовским беям, которые являются сюда на все время панагиря со своими вооруженными людьми и охраняют как самый монастырь, так и окрестные пути его, делая их по возможности безопасными для поклонников. Из долгих разговоров с этими беями я мог убедиться в их неудовольствиях против правительства, неудовольствиях, которые с каждым днем возрастают и, бросая глубокие корни в албанское народонаселение, могут рано или поздно предать для Турции опасность едва ли не существеннейшую, чем все призраки пробуждающихся христианских народностей, которые так устрашают турецкое правительство.

Я имел случай познакомиться со старовским Абдуррахман-беем, по наружности ничем не отличающимся от сопровождавших его арнаутов, так же как они обутым в чарухи (род лаптей) и вместе с ними скитающимся пешком по горам с длинным албанским ружьем за плечами. Но человек этот, несмотря на простоту его нравов, пользуется огромным влиянием в среде местного албанского на-

* Мудир (мюдюр) – в турецком областном управлении название главы нахии, от которого зависят сельские старосты – мухтары – и который сам подчинен каймакаму.

** Танзимат (араб. – преобразования, реформы) – принятое в литературе название реформ в Османской империи (Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г., Хатти хумаюн 1856 г.) и название периода их проведения с 1839 г. до начала 70-х годов XIX в.

родонаселения, и я сам был свидетелем, как албанцы обращались к нему за судом и расправой заместо чем обращаться по делам своим к установленным правительственным властям. Абдурахман-бей бывал в Константинополе, и интересно слышать суждение этого человека без всякого образования о том, что он там видел и слышал, и размышление его о правительстве и будущих судьбах Турецкой империи. Суждения эти тем более знаменательны, что они могут быть почитаемы отголоском мнений о правительстве, общераспространенных в среде родонаселения Албании.

Абдурахман-бей горько жаловался мне на общее положение дел, на отсутствие добросовестности и справедливости в судах, на обременительность налогов и на неблагодарность правительства за все услуги, оказанные ему в разное время албанским родонаселением. Действительно в жалком положении находятся они в тех местностях Арнаутлука, которые приняли Танзимат и отбывают рекрутскую повинность. Если христианские села разорены, то еще более разорены села мусульманские. В христианских селах путешественник еще может надеяться найти необходимое, зато в албанской деревне часто не найдет он даже и куска хлеба и крынки молока. Если христиане платят несколько больше мусульман, то, по крайней мере, они не отбывают той тяжелой рекрутской повинности, которая всем грузом лежит исключительно на населении мусульманском, и год от году изводит его и выжимает из него лучшие соки. Лучшие работники, лучшие люди из мусульманских семейств находятся на царской службе. В случае войны все албанское мусульманское родонаселение должно вставать почти поголовно, отрывать от своих занятий и идти на чужбину искать смерть не столько от пуль неприятелей, сколько от злоупотреблений администрации, от дурного содержания и ухода в турецких госпиталях. После всякой войны приходится все начинать сызнова. При таких условиях нельзя удивляться тому, что албанское родонаселение мало способно к оседлым полевым занятиям, и нельзя слишком строго судить его за наклонность к грабежу и насилиям. Эти пороки были ему привиты и условиями жизни, и самой природой. Поневоле единственным ремеслом каждого албанца сделалось его ружье.

Чтобы далее испытать моего собеседника, я попробовал пригласить сторону правительства и старался убедить его, что теперь по всему видно, что правительство серьезно заботится о благе поданных, что все новые его постановления чрезвычайно благора-

зумны и справедливы, и что если они и исполняются дурно, то это происходит от неумения или нежелания местных правителей, искажающих благие правительственные предначертания. Но, как видно, албанские беи, как они ни просты, давно оценили достойным образом константинопольскую правительственную деятельность, и Абдурахман-бей отвечал мне, – привожу собственные слова, что «рыба смердит с головы», что несправедливо обвинять мелкие личности каймакамов и мудиров, когда начало всех пороков и всех неурядиц гнездится в самой столице, и что все эти благие предначертания правительства имеют цель только обманывать и «вас, и нас», т.е. и Европу, и бедных подданных султана.

В особенности обижаются албанские беи тем, что правительство назначает к ним мудиров часто очень молодых и из людей вовсе незначительных, которые, обращаясь с ними свысока и выказывая над ними свою власть, стараются в глазах народа ронять достоинство местных албанских фамилий. Потомки прежних полновластных правителей не могут забыть того времени, когда фамильные их имена произносились со страхом и трепетом в целых провинциях, и они хорошо знают, что предки их когда-то согласились изменить христианству под условием сохранения тех преимуществ, которые теперь у них оспариваются. И не от одного мусульманина случалось мне слышать похвалы этим минувшим феодальным временам. Если местами полновластные сатрапы прежнего времени и ознаменовывали свое правление фактами жестокости и варварства, то, по крайней мере, в стране было безопасно и имя полновластного паши предохраняло подчиненную ему райю от всяких насилий и оскорблений, от своего аги или бея, христианин-торговец мог, по крайней мере, спокойно отправляться с товарами в путь, не опасаясь разбойников, и поселянин выходил на работу, не остерегаясь за свою жизнь и честь своего семейства.

Таким образом, во всем Охридском окружении до сих пор как мусульмане, так и христиане с благодарностью чтят память Джелядин-паши и его сына Шериф-бега, последних полновластных покровителей Охрида до введения Танзимата, умевших охранять страну от внутренних беспорядков и разбоев, и от набегов опасных соседей – дибрян.

Я позволил себе сделать это длинное отступление, излагая сущность разговора моего с Абдурахман-беем, дающего понятие об отношениях албанской аристократии к правительству.

В монастыре Св. Наума я пробыл почти 3 суток и из разговоров там с разными лицами много наслышался о нынешнем положении дел в стране и жалоб на злоупотребления нынешнего Охридского митрополита Мелетия, восстановившего против себя всю свою паству, но зато успевшего клеветами и предательствами заслужить себе расположение и доверие битольских властей. Покидая монастырь Св. Наума, я весьма сожалел, что не мог оставить в его пользу никаких предметов церковной утвари или облачения, т.к. не имею таковых в настоящее время в распоряжении вверенного мне консульства.

Пожертвования из России в монастырь Св. Наума каких-либо предметов церковной утвари, в которых он чрезвычайно нуждается, произвели бы несомненно самое выгодное для нас впечатление не только в среде христианского народонаселения, но даже и на окрестных мусульман, высоко чтящих святыню древней обители и стекающихся на поклонение к гробу Св. Наума.

Из монастыря Св. Наума, почти не останавливаясь в Охриде и Струге, я должен был спешить в Дибрский монастырь Св. Иоанна Предтечи, дабы успеть к христианскому празднику 24 июня, предоставляя себе на обратном пути остановиться на более продолжительное время в городах Охриде и Струге для разбирательства дел русскоподданного Банова и для собирания сведений о положении дел в этих местностях. Снабженный 2 сувариями (конные запятя) от охридского мудира, я отправился из Струги по дибрской дороге вдоль левого берега Дрина, протекающего сначала по равнине и потом узкими горными дефилеями*.

В пяти часах расстояния от Струги начинается Дибрский округ и уже совсем другой мир. Здесь горы нагромозились одни над другими, ровных пространств почти вовсе не встречается, везде глубокие и узкие долины, горные потоки, стремящиеся по обрывистым оврагам и каменистым руслам, и крутые склоны гор, покрытые сплошными лесами. Дороги здесь заменяются едва приметными тропинками, извивающимися над стремнинами. Со всех сторон доступ в эту гористую страну возможен не иначе, как чрез узкие, едва проходимые ущелья, служившие до сих пор естественною защитою последним остаткам древней албанской независимости. Недаром страна эта называется Дибра⁴.

* Дефиле или *теснины* — узкие проходы или дороги в естественных преградах (в горах) или в труднопроходимой местности.

Путешествие в Дибрский округ интересовало меня в высшей степени в особенности в настоящее время, когда правительство, как видно, намерено принять некоторые меры к подчинению здешних полунезависимых народонаселений, над которыми до сих пор власть его была лишь номинальна. Я надеялся собрать интересные сведения об этой еще столь малоисследованной стране.

До меня, сколько мне известно, только 2 европейских путешественника проникали в Дибру: в 1856 г. бывший здешний английский консул г. Лонгфорт и прошлою осенью фон Хан, австрийский генеральный консул в Сире, известный сочинениями своими об Албании – «Albanesische Studien»⁵.

К сожалению, недостаток времени не позволил мне объездить все местности Дибры, и притом слишком распространяя по этой стране мои поездки при настоящих обстоятельствах, я мог возбудить подозрение в здешних властях, чего я хотел избегнуть. Недоверчивость к нам турецких властей весьма трудно побеждается и готова появиться при всяком удобном случае.

Таким образом, при отъезде моем в Дибру хотя здешний генерал-губернатор хаджи Али-паша и не показал мне вида, что поездка ему моя не совсем нравится, и только советовал мне брать с собой большое число запатив. Но зато мушир Абди-паша* прямо старался убедить меня отказаться от намерения ехать в Дибру под предлогом опасностей, будто бы соединенных с путешествием по этой местности. При этом Абди-паша уверял меня, что в настоящее время в Дибре вовсе не спокойно, но и что даже его адъютанты подвергались разным неприятностям и оскорблениям при проезде в Дибру. Я теперь уже слишком хорошо знаком с особенностями здешней страны, чтобы обмануться насчет истинного значения этих очевидно преувеличенных опасностей и предостережений Абди-паши, которые просто объясняются весьма, впрочем, естественно со стороны турецких властей, желанием скрыть от внимания иностранца слабые стороны правительственной власти.

Во всяком случае, благовидным предлогом к поездке моей служило посещение двух древних монастырей Дибрского и Крчевского. Для избежания всяких толков я поневоле был принужден ограничиться на этот раз осмотром лишь тех местностей, которые встречались на моем пути. Тем не менее, ожидания меня не обра-

* Мушир Абди-паша – мушир (маршал) III армейского корпуса, Главная квартира которого находилась в Битоля.

нули. Собранные мною в Дибре интересные сведения вполне подтверждают не раз прежде выраженное мною мнение об Албании и политическом значении ее народонаселения для Турции ввиду обстоятельств, быть может, еще ожидающих ее в будущем. Мне тем более интересно было посетить Дибру в настоящее время, что теперь, как видно, правительство обратило серьезное внимание на ее независимое народонаселение, и что, с одной стороны, в среде этого народонаселения ныне проявляются оные влияния, которых значение вряд ли достаточно оценено.

Но для того, чтобы обрисовать с большой ясностью особенности отношений дибрского народонаселения к правительственной власти и к влияниям, ныне в среде его обнаруживающимся, так и видов и действия турецкого правительства, я должен несколько распространиться в описания этнографических и религиозных особенностей Дибрского округа и административного управления.

Дибрский округ вместе с округом Матским и казами (уездами – Охридским, Старовским и Елбассанским) составляет отдельный каймакамык Охридский под управлением особого паши, подчиненного вали румелийскому (битольскому генерал-губернатору)⁶.

Из этой местности Охида, Елбассан и Старово хоть номинально давно приняли Танзимат, отбывают рекрутскую повинность и более или менее оплачивают подати. Округи же Дибрский и Матский населены преимущественно воинственным албанским народонаселением (здешние албанцы – геги), оказывавшим правительству во все войны значительные услуги контингентами иррегулярных войск (башибузуки), до сих пор существуют на старом основании, ревниво охраняя вместе с древними албанскими правами право наследственной албанской независимости. В таком положении находится и вся прилегающая к Дибрскому округу страна, страна, известная под именем Маллиссия. Но и в самой Дибре, в различных частях ее, значение правительственной власти различно.

Дибрский округ подразделяют на Горно- и Долно-Дибру. Горно-Дибра состоит из нахий: Голо-Брдо, Поле Дибрско, Мала Река, Жупа и Яма. Долно-Дибра включает в себя нахии: Буюк и Кучум-Боаз и Булкиза и части Маллиссии. Нахия же Голема Река, хотя и причисляется вообще к Горно-Дибре, но по составу своего народонаселения, кажется, скорее могла бы быть причислена к Долно-Дибре. Нахия эта лежит на границе между двумя Дибрами. Все эти местности как в этнографическом, так и в политическом и религиозном

отношении весьма различествуют между собою. В нахиях Голо-Бр-до, Поле, Мала Река, Жупа и Яма христиане довольно числительны. Как вообще полагают, они составляют более трети всего народонаселения*. Здесь как христиане, так и мусульмане одного происхождения – славянского и в общем употреблении язык болгарский, который сохранил здесь все древние формы церковнославянского наречия. В трех нахиях Долной Дибры христиане весьма малочисленны** и так же, как и мусульмане, происхождения албанского и говорят по-албански, равно как и в нахии Голема Река, где христиане более числительны⁷.

В Маллисии христианский элемент вовсе не существует, малочисленные же христиане Матского округа – католики. Значение правительственной власти в этих различных местностях также не одинаково. Чем далее на север, тем власть правительственная становится ничтожнее, народонаселение являет в жизни своей черты дикой независимости, и родовые учреждения заодно с древними албанскими нравами охраняются с большей неприкосновенностью. Мусульманское население в Горно-Дибре уже более или менее оплачивает государственные подати и хоть и по принуждению раза два выставляя из своей среды рекрутов. Нахии же Долной Дибры до сих пор никаких налогов не платят и никогда рекрутской повинности не отбывали. Самый г. Дибра***, местопребывание охридского каймакама в последнее время значительно отурчился, и здешние мусульмане уже выказывают в своих нравах некоторые черты фанатизма, вовсе не свойственные массам албано-мусульманского народонаселения Дибры и Маллисии.

В городах проживают влиятельнейшие фамилии дибрских беев, которые, несмотря на исповедание ислама, сохраняют еще свои христианские фамильные имена; таковы Элио-ага, Салú-Марко и др. Но беи эти пользуются значительным влиянием преимущественно в Горно-Дибре; в среде же албанского народонаселения Долно-Дибры значение местных беев почти ничтожно; здесь со всею силою существуют еще древнеродовые и племенные учреждения.

* В этих нахиях вместе с нахию Голема Река, т.е. во всей Горно-Дибре насчитывают до 40000 мусульман и до 21000 христиан (прим. М.А. Хитрово).

** Здесь на 26 000 мусульман насчитывают всего 2000 христиан (прим. М.А. Хитрово).

*** Центр управления Охридского санджака уже несколько лет как переведен из Охриды в Дибру вследствие беспрестанных в Дибрском округе беспорядков и для ближайшего надзора за этой страной (прим. М.А. Хитрово).

Больших сел здесь почти вовсе не встречается, народонаселение живет разбросанно в маленьких деревеньках, состоящих большей частью из членов одной фамилии. Такие деревни сами по себе или в совокупности с другими составляют ф́ис, т.е. рóды, находящиеся под управлением фисовых старшин. Эти фисовые старшины пользуются огромным влиянием, исключаяющим внутри страны существование всякой другой власти. К ним обращаются члены одного фиса по всем делам семейным, имущественным, гражданским и уголовным, и они чинят суд и расправу на основании какого-то древнего, изустно переходящего из рода в роды узаконения, приписываемого славному албанскому предводителю Георгию Кастрита и известного под именем Органического закона Скандер-бея*.

Отдельные семейства и целые фисы находятся часто во вражде между собой по случаю взаимной наследственной кровной мести, которая продолжается иногда 100 и более лет. Но в минуты внешней опасности, грозящей тому органическому устройству, на котором зиждется дибрская независимость, междоусобная вражда забывается; и недавно еще враждовавшие фисы сближаются и сливаются воедино во имя общих интересов.

Такое административное устройство, вошедшее в нравы и, так сказать, сделавшееся бытовою религиею Дибры, заодно с природной воинственностью ее народонаселения и под условием недостаточности средств к оседлому существованию создали из Дибры род постоянного военного стана. В случае войны Дибра высылает почти поголовно сынов своих на войну и наемную службу турецкому правительству; но не иначе как вольную и наемную.

В мирное же время врожденная воинственность дибрян не находит себе иного исхода как в вооруженных разбоях по окрестным местностям. Недостаток удобной к хлебопашеству земли делает здесь оседлую жизнь невозможной. На зиму часть мусульманского народонаселения равно, как все христианское, покидает Дибру и отправляется искать заработков в Константинополь, Солунь и другие города; но на лето возвратившись на родину и не находя домашних занятий, албано-мусульманин пристает к шайке разбойников, с которыми производит опустошительные грабежи по всем окрестностям. Здесь разбой почитается не предосудительным делом, но законным правом завоевания. Таким образом, Дибра

* Скандербег (1405–1468) (Георгий Кастриоти) – талантливый военачальник, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях.

сделалась центром, из которого каждое лето расходятся во всех направлениях многочисленные вооруженные шайки, наводящие ужас на окрестное народонаселение. Добыча, состоящая иногда из целых стад овец, по возвращении в Дибру продается здесь совсем открыто. Захваченные из христианских сел пленники до получения за них выкупных цен содержатся здесь в заключении. Несмотря на требования правительства, всякий дезертир или преследуемый правительством преступник, нашедший убежище в Дибре, здесь уже может почитать себя в совершенной безопасности. При виде подобного положения дел невольно удивляешься, каким образом терпит это турецкое правительство, и невольно рождается вопрос, что за причина заставляет правительство так долго мешкать принятием решительных мер к обузданию опасной дибрской независимости и к уничтожению последних остатков албанской вольницы, нашедшей себе убежище на дибрской почве? Не ознакомившись с внутренним строем Дибры, вопросы эти кажутся неразрешимыми; но они разрешаются весьма просто, как скоро вникнем глубже в значение нравов, обычаев и всей жизни здешнего мусульманского народонаселения. Причина терпимости турецкого правительства в отношении к дибрской независимости кроется именно в значении бытовых и религиозных особенностей населяющих ее племен.

Турция остается так долго равнодушной зрительницей дибрской вольницы и независимости единственно из чувства собственного религиозного самосохранения, инстинктивно угадывая для себя серьезную опасность неотразимого значения в среде полудикого албанского народонаселения Дибры – франко-латинской, не столько религиозной, сколько политической пропаганды.

С первого взгляда приводимый мною факт должен казаться едва ли правдоподобным, но он опирается на доказательства неопровержимые. И значение католической пропаганды в среде албанского народонаселения Дибры тем серьезнее и опаснее, что здесь пропаганда эта не обнаруживается ни в каких внешних проявлениях, не проистекает ни от чьей инициативы, здесь нет лазаристских учреждений, которые записывали бы какие-либо блистательные успехи пропаганды; здесь не видно ни одного обращения ни отдельных лиц, ни целого семейства. И несмотря на все это, турецкое правительство очень хорошо сознает, что при малейшем с его стороны неосторожном посягательстве на уничтожение фактической независимости Дибры, все ее албано-мусульманское на-

родонаселение готово перейти в христианство. Значение христианства в среде мусульманского родонаселения Дибры зависит от причин исторических и географических.

Албанские племена трех нахий Долной Дибры и прилегающих частей Македонии не более как лет 100 или 120 назад открыто исповедовали римско-католическую веру. Ислам они приняли из временных выгод почти лишь по наружности, в сущности же, они как и прежде остались народом полудиким, более приверженным к своим древним наследственным нравам, чем к какой бы то ни было религии. Никакого религиозного фанатизма в смысле мусульманском в них не проявляется. Только те из них, которые по каким-либо причинам надолго отлучаются из отечества, попадают в турецкую службу или долгое время пребывают в турецких городах – несколько укрепляются в магометанской вере.

В албанских деревнях Долно-Дибры и Маллисии запустелые католические храмы до сих пор стоят неприкосновенными, как будто ожидая возвращения католических проповедников. При том надо принять в соображение, что албанское родонаселение Долно-Дибры и Маллисии соприкасается с запада с землей мирдитов, населением сплошной массой единоплеменным с ним албанским народом, говорящим одним с ним языком, но до сих пор исповедующим римско-католическую веру и при дикости отличающих его нравов являющимся слепым орудием в руках своих латинских братьев. С соседним мусульманским родонаселением Крчева, Калканделя*, Дьякова и Призрена албанцы Долно-Дибры не только не общаются, но даже часто находятся в открытой вражде и, напротив, они всегда являются заодно с католиками-мирдитами, с которыми их связывает единство языка, нравов и обычаев и одинаковое полунезависимое отношение к турецкому правительству. Эти постоянные общения с мирдитами-католиками, разумеется, поддерживают в албано-мусульманском родонаселении Долно-Дибры естественное стремление его к оставленному, но не забытому вероисповеданию.

Долно-добряне хорошо поняли, какие выгоды могут извлекать они из столь опасных для турецкого правительства их христианских стремлений, за которыми они столько лет укрывают свою независимость. Говоря о существующей в Дибре католической пропаганде, я выше назвал ее франко-латинскою; действительно

* Калканделен (Карканделе) – г. Тетово.

в последнее время имя Франции делается с каждым днем популярнее в среде диких народонаселений северной Албании, и ныне долно-дибряне-мусульмане, утрашая турецкое правительство, говорят, что в случае притеснений с его стороны и посягательств на их независимость, они сделаются не только католиками, но даже и французами; они смешивают понятие о религии с понятием о национальности. Кажется странным, каким образом католическая пропаганда, столь заботящаяся об обращении болгар и столько жертвующая на свои миссионерские учреждения в Турции, до сих пор не обращает внимания на столь явные залогов успеха, ожидающего католический прозелитизм в среде албано-мусульманского народонаселения Дибры. Конечно, как скоро эта дикая и до сих пор мало доступная страна сделается более известною, западные католические державы не замедлят усмотреть те выгоды, которые могут они рано или поздно извлечь для себя в восточном вопросе из религиозных особенностей северной Албании. Размножающиеся с каждым годом путешествия европейских туристов не замедлят рассеять тот мираж неведения, который покрывает до сих пор любопытные этнографические и религиозные особенности народонаселений многих местностей европейской Турции.

Из того, что я мог узнать в бытность мою в Дибре о недавнем ученом путешествии по Албании г. фон Хана, австрийского генерального консула в Сире, позволительно заключить, что вряд ли путешествие было вовсе изъято всяких политических целей*. Таким образом, мне рассказывали, что посещая дикие местности Маллисси и Долно-Дибры, г. фон Хан был везде встречаем местными беями и старшинами с особыми демонстративными почестями. Свидания и разговоры его с беями и старшинами произвели сильное впечатление в среде местного албанского народонаселения и долгое время служили темою общих разговоров и толков. Обстоятельства эти показались мне тем более заслуживающими внимания, что в бытность свою в Битоля в разговорах со мною г. фон Хан, очевидно, умышленно старался их скрыть и уверял меня, что повсеместно он находил в албанских деревнях самые недружественные приемы. Как бы то ни было, слишком явные католические стремления мусульманского народонаселения северной Албании не могли не обратить на себя внимание г. фон Хана, и если он умышленно ничего

* Так в тексте.

о них не упоминает в частных разговорах, то верно в официальных донесениях министерству он не мог упустить их из виду.

Все вышесказанное относится до народонаселения Долно-Дибры; в Горно же Дибре проявляются совершенно иные особенности религиозных и бытовых условий.

Мусульмане Горно-Дибры, так же как и Долно-Дибры, не новобранцы ислама; но лет 100–120 назад они исповедовали не римско-католическую, а православную веру, до сих пор исповедуемую здесь христианами, с которыми они одного происхождения – славянского и говорят на одном языке – болгарском.

В нахии же Голема Река, хотя народонаселение и албанского происхождения, но здесь, как уже сказал выше, христиане довольно многочисленны, и здесь мусульмане когда-то были православными и до сих пор сохраняют некоторые православные верования и обычаи. Вследствие этого мусульмане Горно-Дибры мало симпатизируют с албано-католическим миром и, напротив, в нравах и обычаях совершенно сливаются с местным христианским народонаселением. Быть может, в среде мусульманского народонаселения Горно-Дибры мусульманский прозелитизм успел пустить более глубокие корни, чем в Долно-Дибре, но и здесь он, конечно, далеко не может быть почитаем окончательно утвердившимся, и здесь, как и в Долно-Дибре, мусульмане не высказывают ни малейших признаков религиозного фанатизма. Православные праздники празднуются ими наравне с христианами. Здесь мусульманскую женщину по одежде невозможно отличить от христианской, она ходит с открытым лицом так же, как и христианка. Полигамия никогда в Албании не существовала. Христианин в Горно-Дибре не является в униженном отношении побежденного к победителям, как мы это до сих пор повсеместно встречаем в других провинциях Турции. Христианин беспрепятственно должен защищаться от разбоев местного мусульманского населения; жизнь его в постоянной опасности; но, сходясь с мусульманином, он относится к нему как равный к равному. Здесь мусульмане знают, что отцы их от нужды изменили христианству, и крепко веруют, что рано или поздно они снова сделаются христианами. Иногда посещая храмовые праздники в монастырях или присутствуя на каком-либо христианском торжестве, в них громко пробуждается живучее чувство христианства, и они часто жалуются христианам на то, что жизнь их лишена утешений религиозных. Разумеется, все это проявляется в самых грубых чертах. Таким образом,

они завидуют христианам, их колоколам, их храмовым праздникам, крестным ходам – всему тому, что до сих пор имеет весьма бытовое значение. Мусульманская вера лишена тех общественных обрядов, тех церковных торжеств, которые делают из веры православной веру преимущественно общественную, и потому она так мало удовлетворяет внутренним побуждениям славянской природы, природы по преимуществу общительной, созданной, чтобы делить и горе, и радость, и всякое впечатление на миру и с миром.

Отказавшись от христианства, здешние мусульмане не могли отказаться от нравов и обычаев, присущих славянской природе. Здешняя женщина-мусульманка не могла примириться с условиями затворнической жизни, выпавшей на долю турчанки; славянин-мусульманин, в свою очередь, не может удовлетвориться мусульманским узким понятием о женщине – для него женщина по-прежнему есть необходимый общественный элемент, чего не допускает вновь принятая им вера. Словом, здешние славяне-мусульмане, отказавшись от веры христианской, ничего не получили взамен ее и теперь чувствуют себя как будто чужими в среде своей.

Не удовлетворенные вновь принятою верою, насильственно отлученные от окружающей их естественной единокровной среды, они как будто сознают то состояние нравственного упадка, в котором они находятся ныне. Их грабежи, насилие, их необузданная вольница – суть как будто выражения какого-то инстинктивного озлобления против роковых обстоятельств, сделавших их тем, чем они сделались, живой протест против неестественных отношений, в которые поставлены они к их окружающему единокровному обществу.

Приведу здесь факт, довольно красноречиво свидетельствующий о значении ислама в среде горно-дибрского славянского мусульманского народонаселения. В начале последней войны*, когда войска наши поражали неприятеля на Дунае и деморализованные турки ожидали как неминуемый факт занятия Константинополя, здешние мусульмане говорили христианам, «когда царь Николай возьмет столицу, мы все зараз перекрестимся в Дрине». Это было мне рассказано многими дибрскими христианами, и не надо думать, что это были пустые толки, их осуществимость доказывается еще весьма недавними примерами обращения из му-

* Крымская война (1853–1856).

сульманства в христианство в здешней местности нескольких семейств одновременно.

Таким образом, в большом христианском селе Галичнике лет 20 тому назад еще было до 20 мусульманских домов. По внушению одного из значительных в то время дибрских христиан, отца нынешнего полянинского епископа Парфения*, эти мусульмане одновременно обратились в христианство. Когда о случившемся доложили тогдашнему охридскому паше, он, говорят, отвечал: «Гяурами были, гяурами пусть и останутся». Дело тем и кончилось, и ныне в Галичнике нет больше ни одного мусульманского дома. Вряд ли в нынешних турецких правителях найдется столько толерантности в деле веры, несмотря на так торжественно заявленные правительством принципы веротерпимости.

Турецкое правительство, как видно, теперь серьезно озабочено положением Дибры. Оно вполне сознает опасность, угрожающую ему в более или менее отдаленной будущности со стороны полудикого воинственного и так мало приверженного к исламу мусульманского народонаселения северной Албании. Правительство, с одной стороны, опасается его полунезависимости и своеобразности управляющих им начал и, с другой стороны, боится прикоснуться к существующему порядку вещей из страха, чтобы его прикосновение не имело последствием обращение всей северной Албании в христианство. До сих пор правительство успевало предупреждать осуществление подобной случайности ловкими и удачными мерами. Таким образом, несколько лет тому назад был посылаем в Дибру с несколькими батальонами пехоты и артиллерией Абди-паша под предлогом насильственного рекрутского набора из среды народонаселения, не соглашавшегося добровольно выставить рекрутов; но тайная цель этого похода была совсем иная. Рекруты были взяты лишь из Горно-Дибры, Долная же Дибра по-прежнему от выполнения повинности отказалась; но зато там был арестован и отправлен в Битоля албанский предводитель Vereso, под влиянием которого вся нахия Булкица была уже готова перейти в католицизм.

Vereso умер в константинопольских тюрьмах, и начатое им дело рушилось само собою. К этому же времени относится обра-

* Парфений (Павел Хадживасилков Гризловски) Зографский, Полянинский и Нишавский (1818–1875), учился в Московской духовной академии; полянинский епископ (1859–1866) и нишавский митрополит (1867–1874).

щение в ислаимзм нескольких христианских сел в Долно-Дибре, где ныне христианский элемент уже совсем ничтожен. Деятельность правительства в смысле укоренения мусульманской веры в среде народностей северной Албании проявляется в тысяче фактов. Таким образом, нет мусульманской страны, где рядом с совершеннейшим религиозным равнодушием населения встречалось бы такое множество разных странствующих дервишей и всевозможных пропагаторов* ислаимзма, как в Дибре. Но все эти усилия окончательно отурчить Албанию далеко не достигают цели: ислаимзм трудно прививается к здешним народностям. Во всех же мерах правительства к обузданию северо-албанской вольницы до сих пор проглядывала какая-то нерешительность – следствие тех опасений, на которые я указывал выше; но теперь, кажется, должна настать критическая минута в этом затруднительном религиозно-политическом вопросе, и трудно предсказать вперед, каким образом вывернется из него турецкое правительство.

Действительно, теперь сделалось очевидно, что рядом с новыми реформами Турции, с громко провозглашенным вступлением ее в семью европейских держав, дальнейшее существование северо-албанской беспокойной независимости невозможно. Правительство, по-видимому, сознало это и, пользуясь нынешним затишьем в делах внешней политики, приступило к ряду мер, имеющих цель обуздать независимость Дибры и мало-помалу привести эту страну в то положение, в каком находятся другие провинции Турции. Таким образом, уже несколько лет местопребывание охридского каймакама было перенесено из Охриды в Дибру для ближайшего надзора за дибрским народонаселением. Но мера до сих пор не имела почти никаких результатов. Каймакамы, назначаемые из Константинополя, не знакомые с местными условиями, не имеющие в своем распоряжении никакой военной силы, не могли предпринимать никаких решительных мер против буйства враждебно к ним расположенного народонаселения и против учиняемых ими беспорядков. Притом каймакамы эти были облакаемы весьма ограниченной властью, беспреестанно парализуемого высшим битольским начальством. Правительство боялось раздражать дибрское народонаселение, и как скоро каймакам решался на какую-либо строгую меру, на него поступали жалобы в Константинополь, и он был сменяем. Таким образом, в последнее время дибрские

* Так в тексте.

каймаками беспрестанно сменялись, и долго оставалось все в прежнем положении.

Года три назад, уже в бытность мою в Битоля, дибряне открыто восстали против каймакама, который принужден был бежать из Дибры в Тирану, где он и оставался долгое время, не смея показаться среди буйного дибрского народонаселения. Восстание не только не было наказано, но, напротив, в угоду непокорным каймакам был смненен и на его место был назначен Джелял-паша. Этот ужился с дибрянами, он стал извлекать из положения своего лишь свои личные выгоды, стараясь обогатиться взятками и нисколько не заботясь о введении порядка в управлении страной и об обуздании подчиненных ему буйных народонаселений. Под его управлением беспорядки в Дибре дошли до крайних пределов, грабежи совершались открыто, пути сделались совсем непроходимыми, все пограничные местности сделались театром опустошительных вооруженных разбоев, и значение правительственной власти в Дибре стало еще ничтожнее прежнего. Теперь правительство, кажется, усмотрело ошибочность прежней системы своей, заключающейся в назначении правителей в Албанию из стамбульских чиновников и в удалении местной аристократии от административных должностей. Теперь правительство решилось снова прибегнуть к влиянию этой аристократии, которую оно еще недавно угнетало и которую оно до сих пор опасается.

Недавно дибрским каймакамом был назначен Сулейман-паша, главный представитель древнейшей и влиятельнейшей в Албании фамилии тиранских беев. Этим беям принадлежат огромные поместья близ Тираны и, между прочим, Круя, древний замок Георгия Кастриота, от которого они основательно или безосновательно производят свой род. Мудирами в Охриду, Старово, Тиран и Дурацо были назначены родственники Сулейман-паши, и, таким образом, вся средняя Албания находится снова под управлением одной влиятельной фамилии*.

* Только вряд ли надолго удержится вновь установленный порядок. В этом заставляет в особенности сомневаться то обстоятельство, что Сулейман-паша – родной брат того Сеид-бея, который, говорят, был недавно осужден в Константинополе на вечную ссылку за участие в распространении протестантизма между мусульманами и за сношения с протестантскими миссионерами. Насколько слух этот основателен – мне не известно, но во всяком случае, если он верен, то поступки Сеид-бея легко могут навлечь подозрения правительства и на его семейство (прим. М.А. Хитрово).

Дибрские христиане отзывались мне о Сулеймане-паше с большой похвалой и говорили, что после приезда его в Дибре стало спокойнее и безопаснее; но не таково о нем мнение дибрских мусульман. Сулейман-паша на первых порах обнаружил особенную строгость и смирил несколько буйное мусульманское народонаселение. Зато на него уже начали поступать в Битоля беспрестанные жалобы и доносы от дибрских беев с целью избавиться от беспокойного начальника.

Главнейшая же правительственная мера к обузданию дибрского народонаселения заключается в начатой уже постройке в самом городе Дибре каменной укрепленной казармы для помещения 2 батальонов низама, которые предполагается поместить здесь на постоянные квартиры. Мера эта сильно беспокоит дибрских мусульман, видящих в ней посягательство на их древнюю независимость.

Христианское народонаселение Дибры, как уже сказано выше, простирается до 23 тыс. душ. Христианских и смешанных сел в обеих Дибрах считается 89, домов же христианских в этих 89 селах и в городе 3141, из коих в городе 160. Дибрские христиане все православного исповедания, по происхождению же они большею частью славяне, за исключением лишь небольшого числа голема-речан, которые происхождения албанского и говорят по-албански на гегском наречии. Но и они совершенно подчинились славянскому влиянию; так как албанский язык письменности не имеет, то богослужение у них совершается по-славянски и между албано-христианами Дибры все мужчины знают по-болгарски и лишь одни женщины и дети, и те только местами, не знают болгарского языка и говорят лишь по-албански.

Неприступная природа Дибры, стародавняя дикость ее обитателей и равнодушие местных мусульман к официально исповедуемому исламу спасли здешних христиан от того порабощающего и нравственно уничтожающего влияния турецкого владычества, которого следы так заметны на христианах других местностей Турции. Местные условия, род занятий и обстоятельства жизни дибрского христианского народонаселения создали здесь замечательный, могучий тип в физическом и в нравственном отношении. Недостаток удобной земли и обилие пастбищ ограничили здесь чрезвычайно хлебопашество и заставили здешних христиан отыскивать способы жизни в иного рода занятиях – преимущественно в овцеводс-

тве и в разных ремеслах. Высший класс здешнего христианского общества составляют пастухи. Из числа их бывают люди весьма зажиточные, которые получают название *кия* и обладают иногда стадами в 5–6 тысяч овец и в несколько десятков лошадей⁸.

В летнее время стада эти пасутся на Дибрских горах, на зиму они перекечевывают в теплые равнины Вардара и полуострова Касандры. В самых широких размерах овцеводством занимаются села Галичник и Лазарополе. Здешние богатые *кия* ведут жизнь совершенно кочевую, сопровождая сами стада свои на зимние кочевья, и только летом пребывают в своих селах⁹.

Таким образом, в большей части дибрских сел на зиму остаются одни женщины и дети, и старики, которые принуждены обороняться сами, как знают, от насилий и буйства дикого албанского народонаселения. Вырастая среди опасностей, привыкая с ранних лет владеть оружием, скитаясь ли по горам со стадами, или в долгие зимние вечера запершись в селах, ожидая каждую минуту нападения, дибрские христиане не могли воспитаться в том духе порабощения, которым заражены христиане в других местностях Турции. Здесь ребенок в колыбели убаюкивается героическими песнями о подвигах прежних богатырей и вскармливается грудью могучей матери, ибо и в женщине здесь являются необыкновенные черты мужества и смелости. В нахии Голема Река женщины-христианки (албанки) носят почти мужскую чрезвычайно красивую одежду и часто ходят вооруженные. Не так давно знаменитый во всей Дибре разбойник Али-Река, которого 30 лет безуспешно преследовало правительство, пал от руки христианской женщины из с. Рыбница. Али-Река убил ее мужа, жена по местному обычаю отомстила за него и вместе с Али-Рекой убила еще двух его товарищей; но зато в свою очередь пала жертвою мести разбойников. Она несколько недель сряду ходила вооруженная плакать над могилой мужа; 40 человек подстерегли ее и бросились на нее с оружием. Она убила еще двух разбойников, но сама пала, пораженная несколькими выстрелами. Тело ее было изрублено на куски, а голова отнесена в Долно-Дибру в утешение семейству убитого ею Али. Происшествие это произвело сильное впечатление по всей Албании, ибо здесь человек, решившийся не только убить, но даже оскорбить женщину, считается опозоренным.

Кроме овцеводства дибрские христиане занимаются разными ремеслами вчуже: големо-речане – преимущественно хлебни-

ки в Константинополе и Салониках, затем другие – каменщики, плотники, штукатуры и пр. Собственно хлебопашеством занимаются лишь немногие села в Голо-Брдо и Поле Дибрско, где земля более плодородна, и здесь народонаселение ведет род жизни более оседлый, во всех же остальных местах христиане существуют заработками на чужбине¹⁰.

Сметливость, храбрость, предприимчивость и некоторая пылкость воображения суть отличительные характеристические черты дибрского христианского народонаселения. Нравы его отличаются древнеобразною простотою, общительностью и гостеприимством. Но рядом с этими чертами, свойственными народам полудиким, рядом с красотою могучего физического типа дибрян я был поражен относительно высокою степенью их нравственного и общественного развития. Жизнь по отдаленным городам на заработках приводит их в постоянные соприкосновения с внешним миром, из которого сведения и вести приносят они с собою на родину. Ни один из современных на Востоке общественных вопросов не ускользнул от внимания дибрских горцев. Церковный греко-болгарский вопрос, возбужденный в Константинополе, получил уже в среде их гораздо большее значение, чем во многих других местностях Турции и чем где бы то ни было в Македонии. В вопросе этом дибряне выражают требования вполне законные и не в той заносчивой форме, которая в других местностях сделала миролюбивое разрешение оногo столь затруднительным. В последней черногорской войне многие дибряне участвовали лично; еще большее число их тайно ушло в Сербию при первых известиях о недавних белградских событиях, на последствия которых повсеместно турецкие христиане возлагали столь теплые надежды.

Напрасно стали бы искать в Дибре отдельных личностей, отличающихся высоким образованием; но общий уровень образования относительно высок, грамотность между дибрскими христианами довольно распространена, а постоянно странствуя по чужим краям, они усвоили себе многие языки. Таким образом, кроме общих в Дибре языков – славянского и албанского, почти все здешние христиане говорят по-турецки и несколько по-гречески и по-влашки. Конечно, как и везде в Турции, заслуга общественного образования в Дибре не принадлежит ни правительству, ни высшему духовенству.

Дибрский округ, вместе с округом Крчевским, составляет одну из беднейших славянских епархий в Турции. Богослужение здесь спокон века совершается на языке церковно-славянском, и греческое богослужение никогда не было допускаемо в дибрских церквах¹¹.

Но назначенные из Константинополя митрополиты-греки мало заботились об интересах славянской паствы и старались только во время управления своего извлечь как можно больше выгод в свою собственную пользу. Нынешний митрополит Дибрский высокопреосвященный Геннадий, человек довольно спокойный, но он грек в душе, нисколько не сочувствует славянскому делу, проживает большею частью в Битоля и не пользуется любовью паствы. До сих пор высокопреосвященный Геннадий кое-как успевал ужиться со своими духовными чадами, но, видно, с будущего года дибряне намерены прекратить взнос следующего ему содержания и отправить со своей стороны представителя в Константинопольскую болгарскую комиссию с заявлением требования о назначении в их вполне славянскую епархию митрополита природного болгарина. По новому учреждению митрополиту Дибрскому назначено ежегодное содержание в 35 тыс. пиастров. Сумма эта сама по себе не слишком большая, составляет, однако же, значительный оклад для немногочисленного и небогатого дибрско-крчевского христианского народонаселения. Однако же, дибрские христиане говорили мне, что они стали бы охотно уплачивать эту сумму митрополиту одного с ними происхождения, сочувствующему их национальным и общественным интересам, а не греку, взирающему на паству как на свою вотчинную собственность. За уплатою казенных податей и налога в пользу митрополита незначительным дибрским селам не на что содержать сельские училища, и распространению в среде их грамотности и просвещения дибряне единственно обязаны древним славянским обителям Св. Иоанна Предтечи, близ Дибры, и Успения Пресвятой Богородицы (Пречистой) в Крчевском округе. В училищах при монастырях этих получили образование все мирские священники Дибрского и Крчевского округов.

В продолжение многих веков единственная деятельность монастырей этих крепила здесь христианство и наперекор всем усилиям мусульманской пропаганды сберегла его до настоящего времени. Велика заслуга обителей этих в самые тяжелые времена, проливавших свет христианства и просвещения в среде дикого

необузданного народонаселения, и понятно, какое должно быть значение их в глазах христиан Дибры и Крчево.

В монастыре Св. Иоанна я встретил самый радушный прием. Подъезжая к монастырю, издали услышали мы приветствующие нас колокольный звон и частые ружейные выстрелы поклонников, обычное на Востоке выражение торжественности и радости. Вся монашествующая братия в сопровождении густой толпы поклонников вышла ко мне навстречу в полном облачении с хоругвями и иконами и приветствовала мой приезд стройным церковно-славянским пением. Один из монахов от лица братии произнес приветственные мне слова, в которых он выразил благодарность православно-христианских народонаселений Турции за все благодеяния, оказываемые им Россией, и вслед за тем было отслужено молебствие о здравии и долгоденствии российского императора и царствующего Дома. На собравшихся в монастыре дибрян приезд мой, очевидно, произвел самое радостное впечатление; не ожидали они увидеть в глуши их дикой родины, на храмовом празднике, в стенах их древней и чтимой обители далекого русского гостя.

Монастырь Св. Иоанна Предтечи находится в четырех часах расстояния от г. Дибры, в нахии Мала Река. Он расположен в живописной местности, на крутом лесистом склоне горы Бистры, над рекою Радикою, впадающею в Дрин. Из «Памянника», хранящегося в монастыре, видно, что он отстроился в первый раз в 1020 г. от Р.Х., что потом некоторое время находился в запустении и снова был отстроен в позднейшую эпоху турецкого владычества. В монастыре чувствуется весьма древняя чудотворная икона Усекновение главы Иоанна Предтечи, чрезвычайно чтимая во всем Дибрском округе и в соседних христианских местностях. Новый храм отстроен на месте старого в конце прошлого столетия. Обширный и светлый храм чрезвычайно красивой архитектуры и замечательной постройки. Другие обширные монастырские здания были возведены вскоре по отстройке храма; они отличаются прочностью, удобством помещения, тщательностью отделки, нарядными размерами покоев для братии. Обширная и красивая монастырская трапеза может вмещать до 400 человек. По постройкам монастырь Св. Иоанна должен быть причислен к замечательнейшим обителям на Востоке и ничем не уступает обителям Святогорским.

Ныне в монастыре Св. Иоанна 17 монахов, с прислугою же и учениками число жителей монастырских простирается человек

до 100. Впрочем, в летнее время учеников в монастыре мало. Они находятся по селам для домашних работ и только на зиму собираются в монастыре для учения. В прежние годы на панагир в монастырь Св. Иоанна собиралось огромное число поклонников из самых отдаленных местностей. Ныне же с каждым годом число поклонников уменьшается по причине опасностей, сопряженных с путешествиями. Таким образом, я здесь нашел гораздо меньшее стечение народа, чем в монастыре Св. Наума, но зато уже здесь господствовал славянский элемент без всякой примеси, кроме немногочисленных албанцев из Големой Реки. Всех же поклонников было человек до 500, большею частью из дибрских сел. Затем первое место по числу принадлежало поклонникам из Призрена, Пристины и Тетова, которые, несмотря на опасность далекого пути, постоянно являются на панагир в монастырь Св. Иоанна со всем семейством.

Сербы из окрестностей Призрена и Пристины между всеми христианами Турции отличаются набожностью и почитанием славянской старины. По всем монастырям как на Горе Афонской, так и внутри Македонии мне случалось их встречать и, надо заметить, что в то время как обыкновенно здесь странствующий по монастырям люд состоит из людей, принадлежащих к беднейшим слоям общества, напротив, призренские и пристинские поклонники большею частью из тамошних зажиточных торговцев, которые щедрыми пожертвованиями много содействуют поддержанию здешних древних святынь.

В числе призренских поклонников был один молодой священник, в котором я встретил человека образованного и умного и, судя по нему, мог составить себе самое выгодное понятие о степени образования тамошнего духовенства. Из долгих разговоров с призренскими, пристинскими и тетовскими сербами я вынес самое приятное впечатление, столько встретил я в них живого сочувствия в деле православия и народности. Они отзывались мне с необыкновенною похвалою о нынешнем Рашко-Призренском митрополите и о нишском Митхад-паше*, который, как по всему видно, составляет счастливое исключение в числе турецких губернаторов.

* Мидхат-паша (Ахмéd Шефик Мидхат-паша) (1822–1884) – османский государственный деятель, реформатор, губернатор Ниша (1861–1864), вали Дунайского вилайета (1864–1867), председатель Государственного совета (1868), великий визирь (1872, 1876–1877).

Из Охрида и Струги христиане в последние годы совсем перестали посещать монастырь Св. Иоанна по причине совершенной непроходимости путей, и только на этот раз некоторые воспользовались моею поездкой, чтобы вместе со мной пробраться в Дибру.

Красивые и прочные постройки монастырских зданий и храма, возведенных почти единовременно, некоторое обилие довольно ценной церковной утвари, достаток в необходимом в монастырском хозяйстве, даже некоторая роскошь – все свидетельствует как о недавнем богатстве монастыря, так и о прежнем порядке в его управлении, и составляет поразительную противоположность с нынешним жалким состоянием обители.

Действительно, монастырь еще недавно был богат и только в последние годы совсем обеднел, по словам монахов, вследствие будто бы насилий мусульманского народонаселения, действительно же по их собственной вине. Ныне обитель Св. Иоанна находится на низкой степени упадка как в материальном, так и в нравственном отношении.

Дибрские жители высоко чтят память последнего игумена монастыря Св. Иоанна, который долгое время с замечательным умением управлял обителью; доходы ее постоянно увеличивались, училище процветало и снабжало дибрские села образованными и нравственно воспитанными священниками. К сожалению, за два года перед кончиною последний игумен впал в тяжелую болезнь, прекратившую его полезную деятельность. Некоторые люди неблагонамеренные из числа монастырской братии, воспользовавшись болезнью игумена, стали расхищать монастырское имущество. По смерти игумена в монашествующей братии образовались партии по поводу избрания нового игумена, положившие начала прискорбным раздорам, до сих пор продолжающимся. Благонамеренные монахи, интригуя один против другого, вмешали в свои споры некоторые влиятельные личности из местного мусульманского народонаселения, которые воспользовались этим обстоятельством для разграбления заодно с монахами монастырских доходов. Своевременно прекратить эти временные раздоры было бы обязанностью митрополита, но мало живя в Дибре, высокопреосвященный Геннадий не успел предупредить опасные их последствия. Теперь назначен новый игумен, и благодаря усердному содействию мирян и мирских священников в монастыре начинает снова водворяться некоторый порядок, но время было упущено, и

теперь вряд ли обитель сможет выйти собственными средствами, без внешней помощи из того отчаянного положения, до которого она была доведена раздорами братии.

В настоящее время монастырские долги возросли до 380 тыс. пиастров (около 22 тыс. руб. серебром), занятых на баснословные проценты – по 30% на 100. Уменьшившиеся вследствие малочисленности поклонников монастырские доходы оказываются недостаточными на уплату одних процентов, наращением которых с каждым годом увеличивается капитальный долг, и, несмотря на все старания нового игумена, трудно ожидать каких-либо результатов от его деятельности, к сожалению, до сих пор парализуемой интригами монахов.

Кредиторы монастыря – большей частью турки, горожане-дибрянне, которые не пощадят обители при взыскании долгов ее, и теперь уже они угрожают продаже принадлежащих ей чифтликков и обращением самого монастыря в турецкое текé.

Благочестивые дибрские миряне и мирские священники, прежние ученики монастыря Св. Иоанна, в числе которых я встретил людей весьма достойных и почтенных, глубоко опечалены тем состоянием упадка, в котором находится ныне обитель; но все их благие начинания парализуются как недостатком материальных средств, так и интригами монахов, которые своими безрассудными раздорами ведут монастырь к неминуемому разорению.

Братия монастыря Св. Иоанна уже прежде обращалась ко мне с просьбою об исходатайствовании разрешения Св. Синода отправить одного из монахов в Россию за сборами в пользу монастыря, в бытность мою там просьба эта была мне повторена как монахами, так и мирянами. Я отвечал им, что не могу взять на себя ходатайствовать о нуждах их обители до тех пор, пока не будет введено в управление его строгого порядка и пока не прекратится их прискорбный раздор, ибо при теперешних обстоятельствах всякая помощь извне обратится не на истинную пользу обители и местного христианского народонаселения, а скорее будет только способствовать поддержанию и усугублению существующих раздоров. Я старался им вразумить, что Россия готова помочь нуждающейся Восточной церкви, но только под тем условием, чтобы пожертвования ее шли действительно на общественную пользу и чтобы сборы были разрешаемы в России лишь тем монастырям, которые строго выполняют условия монашеского общежития, а от-

нюдь не тем, в которых дух партий и внутренний раздор нарушает церковное благочиние и которые забывают обязанности свои в отношении к духовным нуждам их окружающего христианского народонаселения.

Слова мои были вполне оценены присутствовавшими сельскими старшинами и мирскими священниками, и в моем присутствии они стали горько выговаривать монахам за их безрассудные распри и действия, могущие иметь самые прискорбные последствия для обители, столь необходимой для удовлетворения духовных нужд их забытого края.

Если я принимаю смелость ходатайствовать пред императорским министерством о разрешении сбора монастырю Св. Иоанна, то не по просьбе монашествующей братии, а в уважение просьб дибрских мирян, как возлагающих все надежды свои единственно на таковые разрешения и глубоко опечаленных тем сознанием, что без внешней помощи обитель их должна неминуемо подвергнуться окончательному разорению.

Дибрские миряне и мирские священники вполне сознают, что из числа нынешней монастырской братии трудно было бы избрать лицо достойное и способное быть посланным в случае разрешения в Россию за сборами, и что при ныне существующем монастырском управлении помощь извне вряд ли обратится на истинную пользу обители. Но ходатайствуя о разрешении в пользу их обители сбора в России, они предлагают избрать для сбора человека, действительно вполне достойного доверия и известного мне с наилучшей стороны, именно монаха Зографского монастыря о. Алексея, ныне находящегося учителем в Велесе*.

Отец Алексей сам родом из Дибры, и верно охотно согласится послужить на пользу своей родины. Теперь дибрские миряне заодно с монахами составляют прошение, в котором ходатайствуют о разрешении сбора. Они объявляют, что за сбором они намерены отправить о. Алексея, если впоследствии разрешение Св. Синода. Дибрские миряне надеются, в то время как о. Алексей будет находиться в России, с помощью митрополита удалить из монастыря виновников беспорядков так, чтобы впоследствии о. Алексей мог возвратиться в монастырь игуменом. Действительно, соображе-

* По смерти последнего игумена митрополит предлагал назначить на его место о. Алексея, но назначению воспрепятствовали интриги монахов (прим. М.А. Хитрово).

ние это кажется единственным способным спасти древнюю обитель Св. Иоанна от окончательного разорения. По получении выше означенного прошения я буду иметь честь представить оное на благоусмотрение императорского министерства, равно как и дальнейшие по сему предмету подробности. В ожидании же означенного прошения я вошел в сношение с архимандритом Зографского монастыря о. Анфимом, дабы получить от него вполне основательные сведения о личности о. Алексея, о котором, впрочем, со всех сторон отзываются с похвалою.

Из монастыря Св. Иоанна в монастырь Пресвятой Богородицы в Крчевском округе мой путь пролегал через с. Галичник. Встреченный мною в монастыре булюк-баши*, дибрский бей, уверял, что путь на Крчево опасен, ни за что не соглашался отпустить меня одного и сопровождал меня с 20 вооруженными албанцами в продолжение 2 дней до пределов Дибрского округа. Мы ночевали в большом христианском селе Галичнике, где я останавливался в доме братьев преосвященного Парфения, епископа Польянинского (Кукушского). Семейство это весьма зажиточно и пользуется большим влиянием в среде христианского и даже мусульманского народонаселения Дибры. Братья преосвященного Парфения, живя в довольстве, сохраняют, однако ж, всю простоту дибрских нравов и даже не меняют своего национального костюма. Но, знакомясь с ними ближе, невольно удивляешься, встречая в этих простых пастухах рядом с патриархальностью нравов столько разнообразных сведений, столько развитости и столько сочувствия к народному славянскому делу. Дибряне гордятся личностью вышедшего из их среды преосвященного Парфения, который пользуется между ними общим уважением и, живя в своей отдаленной епархии, правит делами на родине. Письма его читаются вслух и служат законом для дибрских христиан.

В последней войне семейство преосвященного Парфения подверглось было подозрениям со стороны правительства, и один из братьев преосвященного – Стефан был вызван Абди-пашею к допросу в дибрский меджлис. Меджлис, состоящий из местных беев, единодушно вступился за кьяю Стефана и объявил Абди-паше, что всякое подозрение против него есть оскорбление всему

* Булюк-баши – капитан, начальник вооруженного отряда. Албанцы в большинстве каз самостоятельно управлялись своими родовыми старшинами, а последние, посредством особо уполномоченных (белук-баши), сносились с турецкими властями.

Дибрскому округу, где семейство Стефана с давних пор пользуется общим уважением. Это отличительная черта дибрских влиятельных мусульман, что, живя сами грабежом и насилием, от насилия правительственного они готовы защищать всякого из своих соотечественников, даже христианина; в их понятиях единство племенное и местное берет верх над единством религиозным.

Галичник (374 дома) есть значительнейшее христианское село в Дибрском округе. Оно расположено в неприступной местности на голой каменной вершине горы Бистры. В зимнее время часто доступ в село совершенно прекращается. Земли, удобной к хлебопашеству, село вовсе не имеет; но зато ему принадлежит плоский и широкий хребет горы Бистры, представляющий огромное пространство прекрасных пастбищ, прокармливающих в летнее время многочисленные стада овец. Главное занятие галичан составляет овцеводство в широких размерах и извоз. На зимнее время все взрослое мужское народонаселение Галичника перекочевывает со стадами на низменные пастбища Македонии, Фессалии и Халкидиды, и в селе остаются одни старики, женщины и дети. Обширность и прочность построек свидетельствует об относительной зажиточности поселян¹².

В селе одна церковь и при ней 3 священника. В одном из них я встретил человека, удивившего меня степенью образования, весьма редкого в среде сельского духовенства. От этого священника и от брата преосвященного Парфения я получил много интересных сведений о нравах и особенностях дибрского народонаселения.

От с. Галичник до монастыря Пресвятой Богородицы на расстоянии 8 часов путь пролегает плоским хребтом горы Бистры. На всем этом пространстве не встречается ни одного села: сначала богатые пастбища с многочисленными стадами овец и их дикими пастырями, потом с половины путь отрасли гор, покрытые сплошными лесами. До этих лесов проводил меня дибрский булюк-баши со своими албанцами, далее он не осмелился за мною следовать – до того сильна постоянная вражда между дибрскими и крчевскими мусульманами, поддерживаемая взаимной кровной мезьей. Расставаясь со мною, булюк-баши просил меня снабдить его письмом к дибрскому каймакаму; я воспользовался этим случаем, дабы выразить Сулейману-паше сожаление о том, что мне не пришлось с ним познакомиться, и упомянуть о тех похвалах, которые повсеместно воздают христиане его справедливому и энергическому управлению.

Крчевский округ составляет особую каза (уезд) под управлением мудира, зависящего непосредственно от битольского генерал-губернатора. Город Крчево служит местопребыванием мудира и дибрско-крчевского митрополита¹³.

Место это богато памятниками и воспоминаниями из истории последних времен: албанские восстания, междоусобная борьба независимых пашей, угнетение христиан, вольница янычар и пр. Знаменитый албанский предводитель Авни-паша выстроил в Крчево великолепные дворцы, которые лет 150 назад сгорели. Но до сих пор существует им же выстроенная крепостца, возвышающаяся в виде цитадели на большом холме над городом.

Мусульмане составляют большинство городского народонаселения, в селах же христианский элемент довольно числителен. В Крчевском округе христианских и смешанных сел 104, заключающих 2096 христианских домов. В политическом, административном и бытовом отношении Крчевский округ совершенно отличен от близлежащей Дибры. Крчевский округ давно подчинился Танзимату, управляется на общем основании, оплачивает подати и отбывает воинскую повинность. Крчевские мусульмане, так же как и горно-дибрские, славянского происхождения, говорящие лишь по-болгарски, и тоже отступники православия; но они приняли ислам гораздо ранее дибрян, и он вкоренился в них сильнее¹⁴.

Живя, как и дибряне, грабежом и насилием, крчевские мусульмане не отличаются теми своеобразными древними нравами, которые облагораживают дикость и буйство албано-славяно-мусульманского народонаселения Дибры. Тем не менее, и крчевских мусульман нельзя назвать фанатиками; но здесь фанатизм, свойственный магометанам, парализуется не воспоминаниями о недавнем христианстве и не особенностями древних бытовавших учреждений, а влиянием учения секты бекташей, весьма распространенной в Крчевском округе. Здесь близ села Брод находится знаменитый теке (монастырь) бекташей – Хайдарбаба, обладающий значительными поместьями и славящийся гостеприимством; всякий путешественник без различия вероисповедания находит в Хайдарбаба безвозмездно приют и пищу. Значение секты бекташей, с каждым днем увеличивающейся и в особенности чрезвычайно распространенной во всей Албании, еще весьма мало оценено; между тем секта эта заслуживает особенного внимания, и, быть может, на ее значении основывают протестантские мис-

сионеры надежды свои на будущий успех их пропаганды в среде мусульманского народонаселения Албании.

Села Крчевского округа большею частию расположены в плодородных местностях по течению рек Черной, Сатески и Великой. Хлебопашество составляет главный промысел крчевского народонаселения. Физический тип здешних жителей представляет жалкую противоположность с могущественным типом дибрских горцев. Здесь на всем лежит поразительный отпечаток турецкого владычества. Здешние христиане загнаны, обременены налогами и разными поборами властей и вполне представлены своеволию местного мусульманского народонаселения¹⁵.

Села Крчевского округа беспрестанно подвергаются вооруженным грабежам разбойничьих шаек. Живя между двойной опасностью – от соседства Дибры и от буйства местных мусульман, здешние христиане как в нравственном, так и в материальном отношении находятся на жалкой степени упадка. Училищ ни в селах, ни в городе не имеется; единственное училище, снабжающее мирскими священниками все округи, находится при монастыре Успения Пресвятой Богородицы, имеющее такое же значение для Крчевского округа, которое принадлежит монастырю Св. Иоанна в отношении к христианам Дибры.

Монастырь Успения Пресвятой Богородицы, более известный под именем Пречистая, находится в 2 часах расстояния от г. Крчево. Он расположен в чрезвычайно живописной местности в верховьях р. Черной, в месте, называемом Поречье. Монастырь несколько раз подвергался разграблению и пожарам, и ныне ничего не цело от древних зданий. Новый красивый и обширный храм был возведен лет 20 назад, но за недостатком средств он до сих пор находится в неоконченном виде. Скромные монастырские постройки никак не могут быть сравнены с обширными зданиями монастыря Св. Иоанна. Угодьями монастырь Пречистая также не богат, чифликов он не имеет и владеет лишь некоторыми горными пространствами. Вообще монастырь Успения Пресвятой Богородицы гораздо беднее монастыря Св. Иоанна, но зато радостное впечатление он производит на посетителя господствующими в нем порядком и благочинием. Ныне монастырская братия состоит из 12 монахов, неусыпно трудящихся на пользу монастыря. В монастырской школе зимою обучается до 50 мальчиков, из которых некоторые продолжают учение во весь год и потом остаются в монастыре. Нынешний

игумен, вступивший 2 года назад в управление общиной, завел строгую экономию в монастырском хозяйстве и строгое общежитие между братией. Благодаря его полезной деятельности монастырь успел уже уплатить часть долгов своих, которых ныне на нем состоит не более 80 тыс. пиастров (около 5 тыс. руб. серебром).

Из монастыря Пречистой я возвратился в Стругу. Путь на расстоянии 10 часов пролегает сначала через гору Турьскую, потом через нахию Дибрца и, наконец, плодородную Охридскую равнину, в которой расположено большое число значительных христианских и мусульманских сел по рекам Сатески и Дрину.

Нахия Дибрца состоит из 16 христианских сел, которые беспрестанно подвергаются грабежам разбойничьих шаек, избравших эту гористую местность постоянным театром своих набегов. Дибрца входит в состав Охридского каза, но по типу и бытовым особенностям населяющих ее славян она скорее должна была бы принадлежать соседней Дибре. Не стану распространяться о пути между монастырем Пречистая и г. Стругой и остановлюсь на одном только замечательном бытовом факте. На полпути в стороне от дороги указывают место, на котором когда-то существовало большое село Владимир, родина царя болгарского Иоанна Владимира, мощи которого почивают в Эльбасане. Ныне здесь находится значительное и единственное в этой местности албано-мусульманское село Песочан (50 домов). Замечательно, что песочанские мусульмане несколько лет назад начали ежегодно открыто праздновать память Св. Иоанна Владимира, почти забытого здешними христианами.

На обратном пути я задержался на некоторое время в городах Охриде и Струге и вынес самое утешительное впечатление из ближайшего знакомства с тамошними христианами. Не останавливаясь на описании этих городов, уже слишком известных, я должен указать здесь на те признаки пробуждения чувства народности, которые так громко проявляются в среде их славянских народонаселений. Не заглохли семена, брошенные на эту богатую почву братьями Миладиновыми, которым не суждено было видеть их всходов и которые были первыми искупительными жертвами возрождающейся к жизни народности. Несмотря на фанатизм охридского митрополита, беспрестанно прибегающего к орудию клеветы и предательства для подавления славянского элемента в своей епархии, элемент этот с каждым днем громче и громче заявляет права свои¹⁶.

И я могу с удовольствием заметить, что пробуждающееся в охридских и стругских христианах чувство народности не заражено теми теориями ультра-болгаризма, которые проповедаются константинопольскими болгарами и которые так часто ставили церковный греко-болгарский вопрос в столь неправильное и ненормальное положение. Громко заявляя о законных правах угнетенной своей народности, требуя введения славянского языка в богослужение и обучение болгарской грамоты в училищах, охридские христиане выше всего ставят знамя Православия, которому они никогда не изменяют даже по наружности, как это случалось в других местностях Болгарии, где безрассудные коноводы движения бросались то в сети католиков, то под защиту протестантов, позволяя себе играть верой для преследования известных целей. Здесь подобное явление невозможно, и все попытки и происки битольских католических миссионеров и их тайных агентов постоянно разбивались о непоколебимую приверженность охридян к православию.

В виду обстоятельств нельзя взирать без глубокого прискорбия на то, что управление Охридской епархией находится в руках ростовщика, которого совестно назвать православным епископом, который открыто торгует делами веры и во всех действиях своих обнаруживает такую узость взглядов и такую непримиримость греко-фанариотского фанатизма. Высокопреосвященный Мелетий открыто преследует всякое проявление чувства народности, спешит конфисковать всякую славянскую книгу и строго смотрит за тем, чтобы преподавание славянской грамоты не прокралось как-нибудь в подведомственные ему училища. При этом слепом преследовании славянской народности всякие средства кажутся ему позволительными. Врагов своих он спешит обвинить в глазах турок в небывалых замыслах, опасных будто бы турецкому правительству. Долго ли будут добродушные турки пугаться страшных призраков, вызываемых перед их глазами коварством греческих епископов?

Видя невозможность задавить обыкновенными средствами громко проявляющееся чувство народности, недавно высокопреосвященный Мелетий писал паше, что если училища и учителя не будут вполне предоставлены его произволу, он не может даже ругаться за сохранение порядка среди своей паствы, минированной будто бы опасными влияниями и будто бы готовой открыто восстать против правительства, и ничего не понимающий и ни в чем не повинный генерал-губернатор поспешил предать всех учителей да и

всех христиан безапелляционно на произвол владыки, и никакая жалоба на действия его не принимается гражданскими властями. Там, где покровительство властей оказывается недостаточным, митрополит готов даже прибегнуть к фанатизму местного мусульманского народонаселения, лишь бы затушить какое-нибудь проявление славянского духа. Таким образом, местные мусульмане, до сих пор вовсе не мешавшиеся в собственные дела христианской общины, теперь начинают выражать мнение, что будто бы в стремлении болгар к восстановлению их родного языка кроется что-то опасное для правительства. Подобное явление не может быть приписано ничему иному, как лживым и преступным внушениям митрополита, который должен был бы понимать, что вряд ли благоразумно играть таким опасным оружием как фанатизм магометанина.

Во главе болгарского движения в Струге стоят люди, испытанные горьким опытом, которые с замечательной осторожностью успешно ведут не ими начатое, но завещанное им братьями Миладиновыми народное дело. Они крепко держатся один за другого, никто не выступает вперед и не компрометируется в глазах митрополита и властей; а дело с каждым [днем] приобретает значительные успехи. Несмотря на запрещение митрополита, богослужение тайно от него совершается по-славянски, учителя открыто выказывают себя отъявленными грекофилами и тайно преподают в училищах славянскую грамоту. Много должен был выстрадать народ, под страшным гнетом должен был он воспитаться, чтобы дойти до того многознаменательного явления, что в среде его целое поколение детей умеет тайно учиться грамоте¹⁷.

* * *

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 4323. Л. 56—58 об.

В Охриде пробудившееся чувство народности проявляется еще громче и настойчивее, чем в Струге. Здесь слышатся громкие общие жалобы против митрополита, преследующего славянскую народность, стремление к которой сделалось общему потребностью всего христианского народонаселения Охриды [...].

В охридских училищах, кроме одного только, о котором я буду говорить впоследствии, учение происходит исключительно на

греческом языке. Митрополит до сих пор ни под каким видом не соглашается допустить в них преподавание славянской грамоты. Охридяне не могут далее выносить подобного стеснения родного языка. Учителя первые восстают против подобного порядка вещей и ожидают только случая, чтобы открыто заявить о законных своих требованиях. Недавно в главном охридском училище был публичный акт; один из охридских обывателей, некто Сапунджи, молодой человек, воспитанный в Афинах, воспользовался этим случаем и произнес в собрании общины речь против гонений, которым так долго подвергается славянская народность в Охриде. В этой речи указывается на славянско-историческое значение Охриды, на уничтожение происками греческого духовенства независимой Охридской Болгарской патриархии, порицаются действия греческого духовенства, громко заявляется об общем желании охридян восстановить их угнетенную народность и права родного языка и в заключение для придания всей речи цензурной благовидности воздаются похвалы правительству султана, признавшему народные права болгар. Речь эта была написана одним из учителей Григорием Ставриди*, который не мог ее сам прочесть, находясь в полной зависимости от митрополита, и потому автором ее выступил Сапунджи, лицо независимое. Речь была принята с восторгом всею охридскою христианскою общиною [...].

В одном из последних донесений моих я упоминал о существующей с давних пор в Охриде частной болгарской школе – Мустрева. Ныне эта частная школа сделалась общественною и названа училищем Св. просветителей славянских Кирилла и Мефодия. Училище это находится в части города, известной под именем Кашишка, и содержится иждивением трех беднейших городских махала (кварталов), составляющих предместье Кашишку, которые давно ощущали необходимость отдельного училища по причине удаления их от центра города. Кашишские христиане соорудили для помещения училища удобное и просторное здание, но их скудные средства едва достают на его содержание, и, с другой стороны, оно

* Настоящая фамилия его Прлич. В Афинах, где он воспитывался, его называли Ставриди. Личность этого молодого человека весьма замечательна; на выпускных экзаменах в Афинах он получил первый приз; поэтические произведения Ставриди занимают почетное место в новейшей греческой литературе. Охридский уроженец, Ставриди ныне в своем родном городе с самозабвением трудится на пользу народного болгарского дела; воспитание в Афинах не было в состоянии его огречить (прим. М.А. Хитрово).

преследуется митрополитом. Владыка изгнал под разными предложениями первого болгарского учителя, и теперь кашишская община принуждена была официально назвать училище Эллинским, дабы иметь возможность продолжать в нем курсы, хотя втайне учение происходит по-прежнему на языке болгарском¹⁸.

Примечания

¹ Дибра – Дѣбар (макед. Дебар, болг. Дебър, алб. Dibra, тур. Debre) – город в западной части Македонии. В донесениях Хитрово он именуется «Дибра», поэтому в публикуемом документе оставлен именно этот вариант названия города.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 59.

³ Сенкевич И.Г. Новые документы по истории южных славян (Из рукописного наследства М.А. Хитрово) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 245–250.

⁴ Данный отрывок был опубликован И.Г. Сенкевич. См.: Указ. соч. С. 245.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 246–247.

⁸ Там же. С. 247.

⁹ Там же. С. 247–248.

¹⁰ Там же. С. 248.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 249.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 249–250.

¹⁶ Там же. С. 250.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 250–251.

В этом доме заседала Призренская лига 1878–1881 гг.

*Единый Албанский вилайет, предложенный
Призренской лигой*

*Албанские повстанцы в Скопье,
август 1912 г.*

*Провозглашение независимости Албании 28 ноября 1912 г.,
Влёра*

Ne Vlonë më 15/28 të Feshtës së tretë 1928/1119.

Kështu falëvot që t'ha L. Kayetari Bernal Kënd
Beri, me të cilat t'heqori vërtetun e meqë më
të cilin udhëhojt s'ha Shqipëria, të gjithë delqer
të të me një të venduar, që Shqipëria t'ha
sot të bëhet në vërtet; e hiri e e m'vërtetun

بسم الله الرحمن الرحيم
الحمد لله رب العالمين والصلوة والسلام على سيدنا محمد وآله الطيبين الطاهرين

Komiteti i Kështuarit J. Kështuarit Udhëhojt. vërt. hiri

2. Princi 2. Princi 2. Princi 2. Princi

Abdi Haxhi Dulece M. Kështuarit Kështuarit

Z. Haxhi Abbas Kështuarit 2. Princi

Haxhiadin Aemal Shqipëria Salih Gëzuar
Bakharit Udhëhojt. Udhëhojt. Udhëhojt. Udhëhojt.

M. Kështuarit Kështuarit Kështuarit
Luz Kështuarit; B. Kështuarit Kështuarit
2. Princi 2. Princi 2. Princi 2. Princi

M. Kështuarit Kështuarit

M. Kështuarit Kështuarit

M. Kështuarit Kështuarit

M. Kështuarit Kështuarit

Z. Haxhi Abbas

Декларация независимости Албании,
принятая 28 ноября 1912 г.

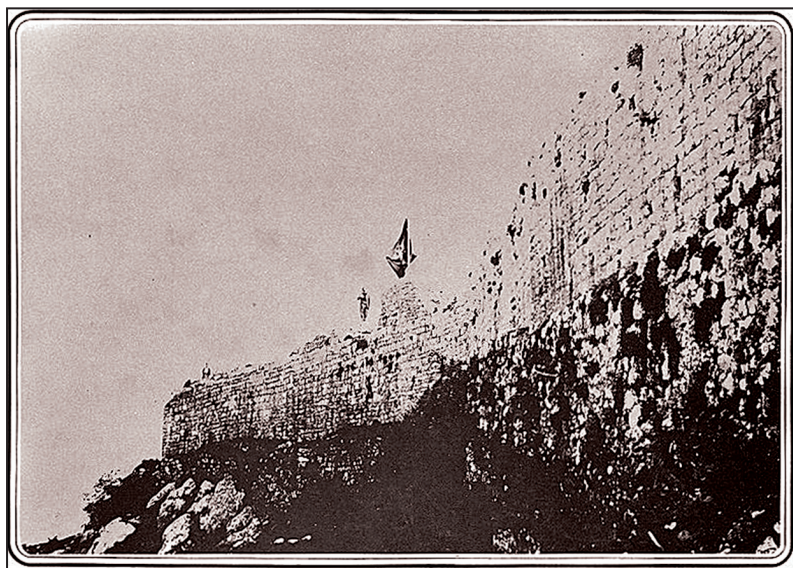
Иса Болетини и другие албанские лидеры на улицах Влёры

Албанија во колаче фронтот Балканских војн 1912–13 гг.

Карикатура времен Балканских войн 1912–13 гг.,
изображающая Албанию в окружении врагов:
Черногории (обезьяна), Греции (леопард) и Сербии (змея).
Текст гласит: «Убирайтесь, кровопийцы!»

*Черногорский флаг над албанской Шкодрой (Шкодери),
весна 1913 г.*

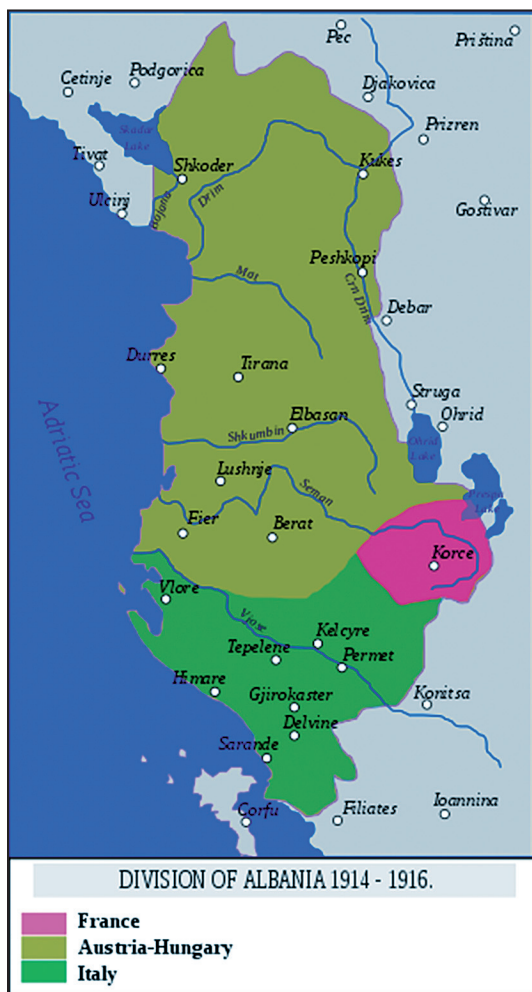
Подписание Лондонского мирного договора 30 мая 1913 г.

TERRITORIAL MODIFICATIONS IN THE BALKANS

1. CONFERENCE OF LONDON 2. TREATY OF BUKAREST

*Территориальный передел Балкан по итогам
Балканских войн 1912–13 гг.*

Раздел Албании в 1914–16 гг.

Албания в годы Второй мировой войны

Памятник Скандербегу в Тиране

«Тройной бункер» на побережье Албании

Приштина сегодня

*Озеро Личени,
Косово*

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Л.П. Лаптева.</i> В.В. Макушев – первый русский исследователь истории Албании.....	6
<i>Г.Л. Арш.</i> Некоторые вопросы истории Албании в трудах дореволюционных русских славистов	23
<i>С.И. Данченко.</i> Проблема «На пути к образованию Албанского государства» в послевоенной советской и российской историографии.....	29

ИСТОРИЯ

<i>М.М. Фролова.</i> Албанское и славянское население Охридского каймакамлыка по донесениям российских дипломатов (60-е годы XIX в.)	80
<i>П.А. Искендеров.</i> Албанская лига Призрена 1878–1881 гг. и Россия	123
<i>В.Б. Хлебникова.</i> Албанцы и албанский вопрос в научном и публицистическом наследии П.А. Ровинского	137
<i>П.А. Искендеров.</i> От Призренской лиги – к независимости Албании (1881–1912 гг.).....	161
<i>Т.И. Чепелевская.</i> Янко Лаврин об Албании и албанцах: по материалам книги «В стране вечной войны (Албанские эскизы)»	181
<i>П.А. Искендеров.</i> Исмаил Кемали – отец албанской независимости.....	197
<i>Н.Г. Струнина-Бородина.</i> Политика черногорского государства в отношении Албании в начале XX в. (по донесениям русских дипломатов в Черногории)	213
<i>В.И. Косик.</i> Качаки и Косово: немного «плохой истории».....	235

<i>О.И. Агансон.</i> Глобальное видение локальной проблемы: подходы Великобритании к урегулированию албанского вопроса в начале XX в.	257
<i>П.П. Тимофеев.</i> Албания во внешней политике современной Франции и ЕС (1990–2000-е годы)	275

ДОКУМЕНТЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

<i>М.М. Фролова.</i> Материалы о путешествии русского консула М.А. Хитрово по Охридскому каймакамлыку летом 1864 г.	288
--	-----

Научное издание

Институт славяноведения РАН

**Независимость Албании
в общевалканском контексте.**

К 100-летию образования Албанского государства

Сборник статей

Ответственный редактор

П.А. Искендеров

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 04.06.2014. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 20,75 печ. л.

Заказ № 74.

Тираж 100 экз.

